

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ч. ДАНИ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В СТАРОЙ ЯПОНИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ч. ДАНН

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ В
СТАРОЙ ЯПОНИИ**

Издательский Дом "МУРАВЬИ"
Москва 1997

Повседневная жизнь в старой Японии

Почти два с половиной столетия Япония была закрыта от внешнего мира. Под властью сёгунов Токугава общество было разделено на четыре сословия: самураи (хорошо известные читателю по изданному в России роману Д. Клавела "Сёгун"), крестьяне, ремесленники, купцы и торговцы.

В этой книге вы найдете подробное увлекательное описание жизни каждого из сословий, а также познакомитесь с бытом Императорского двора, синтоистских и буддийских священнослужителей, актеров и парий. Это - красочный портрет сложного, иногда жестокого, японского общества эпохи Токугава.

Серия выходит под общей редакцией
И. С. Лисевича

ISBN 5-88739-029-8

© ИД "МУРАВЕЙ", 1997

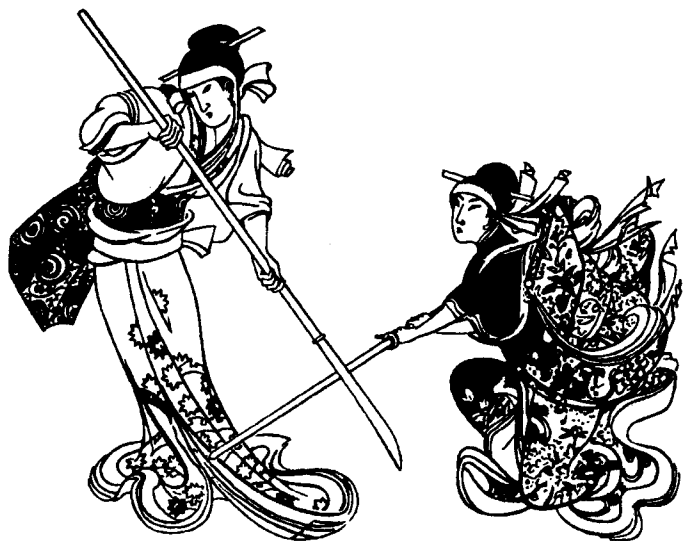
C. J. DUNN

Everyday Life in
**TRADITIONAL
JAPAN**

1972

Перевод М. А. Глухой

Под редакцией
Е. К. Симоновой-Гудзенко

СТРАНА В ИЗОЛЯЦИИ

Япония расположена на четырех больших и множестве малых островов. Самый северный остров - Хоккайдо в древности был малонаселенным и не имел для экономики страны существенного значения. К югу от него раскинулся главный остров - Хонсю, занимающий площадь большую, чем Великобритания. Еще южнее находятся острова Кюсю и Сикоку.

Климат в Японии субтропический, муссонный, на севере - умеренный. На всей территории, за исключением острова Хоккайдо, бывают два периода ливневых муссонных дождей - в июне и с конца июля до середины сентября. Объясняется это тем, что Япония, особенно ее южные районы, лежат на пути прохождения тихоокеанских тайфунов, которые приносят с собой сильные ветры, штормы, большие приливные волны. Но, очевидно, этих бедствий оказалось недостаточно, и Япония попала в вулканический пояс тихоокеанского бассейна. Действующие вулканы находятся в стороне от густонаселенных районов, поэтому последствия извержений, за некоторыми исключениями, не такие значительные, а вот подземные толчки регистрируются довольно часто.

Япония находится в тропических широтах, и длина светового дня почти не меняется в течение года. Теплый и влажный климат в сочетании с плодородными почвами во многих сельскохозяйствен-

ных районах помогает японцам выращивать хорошие урожаи. Зима здесь холодная, ветры дуют из Сибири, а лето - жаркое, ветры со стороны Тихого океана. Прежде чем обрушиться на гористую часть побережья Японии, холодные зимние ветры пересекают Японское море. Насыщенные морской влагой, они несут с собой сильные снегопады: дома бывают завалены снегом по самые крыши. В древней Японии жилье строилось из дерева. И хотя кедр и другие прочные породы деревьев, росших на горных склонах, не требовали покраски, они очень легко воспламенялись. Это и было причиной пожаров, от которых при сильном ветре страдали целые деревни и городские кварталы. С другой стороны во время землетрясений деревянные дома подвергались меньшим разрушениям, чем каменные.

НАСЕЛЕНИЕ

Так же как и народы, населяющие азиатское побережье Тихого океана, современных японцев относят к монголоидной расе, но в ее истоках просматривается несколько различных этнических групп. Скорее всего, Японию населяют потомки этнического смешения, образовавшегося из первопоселенцев Кореи, Китая, и островов Тихого океана, а также островов Рюкю. Кроме того, существуют свидетельства того, что некоторые элементы японской культуры были привнесены с юга, например, японская архитектура, которая напоминает архитектуру полинезийцев.

Японский язык по своей структуре во многом схож с корейским и монгольским языками, но не имеет общего с ними происхождения. Единственным самым близким к японскому является язык, на котором говорит население островов Рюкю.

Когда-то в стране проживала единственная чуждая японцам этническая группа - айны, ныне вытесненные на север Хоккайдо. Айны, не знавшие вторжений и создавшие культуру, существующую около 2000 лет, ушли из основной части Японии до XVII в. и только некоторые топонимы, такие как Фудзи, напоминают об их древнем и широком распространении до того, как они были изгнаны своими преемниками.

Традиционная японская религия называется *синто*, "путь богов". *Синто* включает в себя такие ранние формы религии, как шаманство, известное многим народам Северной Азии, а также анимистические верования, в соответствии с которыми поклоняются деревьям, скалам, а иногда горам и островам. Главным здесь является комплекс креационных легенд, включающих сюжеты о божественном происхождении членов Императорской семьи.

Важная часть религии *синто* связана с урожаем, плодородием, рисовым вином, праздниками. *Синто* - это религия, провозглашающая чистоту, отрицающая любую развращенность, которая предпочитает не задумываться о смерти. С другой стороны, буддизм, который пришел в Японию из

Китай через Корею примерно полторы тысячи лет назад, принес с собой, наряду с уникальными элементами китайской цивилизации и высоким уровнем развития искусств иной взгляд на мир, стремление уйти от мирской жизни, интерес к загробной жизни и принятие смерти, как таковой.

На протяжении многих столетий две эти религии - буддизм и *синто*, сосуществовали, дополняя друг друга, имели общих богов, несмотря на то, что духовенство с обеих сторон и места поклонения (буддийские храмы и синтоистские святилища) сохраняли свою самостоятельность. Именно эти две религии служили и сейчас служат основой социальной жизни в Японии. Но они только лежат в основе, а не отождествляются с моралью общества. Общественная мораль издревле опиралась на вековые принципы, взятые в основном из конфуцианства. Правила поведения строились на жесткой системе подчинения, в соответствии с которой господина почитали более семьи, родителей - более остальных членов семьи и детей, не говоря уже о беспрекословном подчинении властям. Здравый смысл и умеренность во всем считались лучшими человеческими качествами, в то время как проявление любой экстравагантности, будь то в одежде или поведении, выглядело предосудительным. Такие взгляды сохраняются среди японцев, и сегодня, наверно, только деньги не являются предметом порицания, и японцы с удовольствием демонстрируют свою лояльность по отношению к своим нанимателям и своей стране.

КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Начиная с XII столетия власть из рук Императора и его придворных перешла в руки военных властителей, и с этого времени в Японии шли гражданские войны. Столкновения происходили между воинствующими кланами и фракциями, иногда в войне участвовал сам Император, который пытался восстановить утраченную власть. Эти войны мешали развитию торговли, были постоянной угрозой урожаю и истощали население страны. Заметим, что и в это время создавались книги, но, в основном, они сосредотачивались в кругах, приближенных к Императорскому дому и в больших религиозных центрах. Именно в этот период появились театр *Но*, чайная церемония со всеми ее атрибутами, развитие поэзии привело к рождению 17-слогового *хайку*, но все это происходило внутри немногочисленных аристократических и религиозных кругов.

К середине XVI века, несмотря на то, что волнения затихали и вспыхивали вновь еще целых 50 лет, обстановка в стране начала стабилизироваться, понемногу стали развиваться торговля и искусство. В 1573 году власть в Японии фактически перешла в руки одного человека, Ода Нобунага. Он был человеком вспыльчивым и жестоким. Например, сжег целый комплекс храмов и монастырских построек вместе с их обитателями, поскольку это было частью его плана по устранению от

власти буддийских священнослужителей, представлявших серьезную деструктивную силу в стране во все предыдущие годы. Ода Нобунага был большим поклонником искусств. В 1582 году Ода Нобунага был убит одним из своих командиров, которого он оскорбил и унизил. Произошло это в монастыре, где остановился Ода Нобунага. Он подвергся нападению именно в тот момент, когда танцевал, принимая участие в пьесе *Но*. Его преемник, Тоётоми Хидэёси, продолжил объединение Японии и был почти также знаменит, прославившись своими великолепными балами во время цветения вишни и умелым правлением страной, а также неудачным походом в Корею.

В ходе войн приверженцы Императорского двора постепенно рассеялись по всей стране, причем менее всего они проживали в столице, (которая тогда называлась Киото), поэтому и грандиозные ежегодные праздники, которые проводили придворные, прекратились. Но праздники начали возрождаться горожанами, они с удовольствием участвовали в этих веселых церемониях. Пример тому - июльский праздник *Гион*, во время которого по улицам Киото до сих пор разъезжают колесницы. Вскоре появились и распространились по всей стране новые развлечения: например, танцы *фурю*. Эти танцевальные праздники часто совпадали с буддийским праздником *Бон*, проводившемся в разгар лета, когда души умерших возвращаются на землю, и их нужно развлекать танцами и пением.

Во время этих праздников участники надевали маскарадные костюмы и бальные платья, люди танцевали прямо на улице. Женская мода настолько упростилась, что перестала стеснять движения, а ткани стали более элегантными, особенно у жен купцов.

В эти времена велась оживленная торговля с внешним миром. В 1543 году первые европейцы, а именно португальцы, высадились на острове Та-нэгасима, расположенном к югу от острова Кюсю. В 1549 году сюда прибывает Фрэнсис Ксавье - католический миссионер. Его миссия была настолько успешной, что вскоре иезуиты имели фактический контроль над городом Нагасаки, и открыли церкви даже в Киото и Осаке. Христианство распространялось так быстро, что стало модно использовать христианские мотивы в декоративном искусстве. В большой моде были карнавальные одеяния во время танцевальных фестивалей *фурю*, особенно национальные костюмы и головные уборы других народов. В зверинцах показывали заморских животных, в Киото и повсюду на рынках и ярмарках давали веселые представления, кукольные спектакли и жестокие трагедии. Хотя у крестьян было немного поводов для веселья, все-таки устойчивое правление, дух национального единения, который возникал отчасти из-за контакта с иностранцами и в ответ на угрозу национальной безопасности из-за их присутствия в стране, велик демократизации общественной морали. Ширмы,

которые были характерным предметом убранства дома именно в это время, часто расписывали сценами из городской жизни, оживленной и веселой.

Все развлечения и праздники, которые проводились в XVII столетии, стали предшественниками живых театрализованных представлений, так любимых японцами. Но после смерти Хидэёси в 1598 году и поражения его сына в 1615 году, дух нации постепенно меняется под влиянием пуританского, холодного, расчетливого правления дома Токугава, все жестче забирающего власть в свои руки. Уменьшалось влияние иностранцев в стране, а гонения на христиан, начатые еще при Хидэёси, все усиливались. Большое восстание христиан, происшедшее в Симабаре, недалеко от Нагасаки, было подавлено в 1637 году, и власти сделали все возможное, чтобы ликвидировать христианство, причем по причинам скорее политическим, а не религиозным. В то же время в стране начинает проводиться политика изоляции, целью которой было избежать любого иностранного влияния, которое могло бы привести к нарушению мира и спокойствия внутри страны. Все японцы, находившиеся за границей, были ли они заняты торговлей со странами Юго-Восточной Азии, или временно проживали на острове Ява, были отрезаны от родины. Единственная связь с внешним миром осуществлялась через небольшие голландское и китайское представительства в Нагасаки, находившиеся под строгим контролем правительства. Большая часть иностранцев были выдворены из страны. Полити-

ка изоляции усугублялась и запретом на постройку океанских кораблей, и запретом для японцев выезжать за пределы страны.

Такая ситуация сохранялась до 1853 года, когда корабли commodора Перри бросили якоря в заливе Эдо. Это заставило правительство открыть несколько портов, в Японии снова начали появляться иностранцы. Власть дома Токугава длилась еще только 15 лет, в течение которых страна была охвачена непрекращающимися волнениями. Наконец, власть в стране перешла к молодому Императору и его сподвижникам. Новые веяния наполнили страну, приходил конец феодализму старой Японии.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОСЛЕ 1603 ГОДА

Описание повседневной жизни в старой Японии было бы делом очень трудным или совсем невозможным без знания того, что представляло собой правительство страны, а для этого необходимо разобраться в том положении, которое занимал дом Токугава. Основатель этого клана, Токугава Иэясу, человек выдающихся, если не гениальных, способностей, был сподвижником своих предшественников Нобунага и Хидэеси. При Хидээси он правил в Восточной Японии, имея крепость в г. Эдо (современный Токио). Официально став *сёгуном* в 1603 году, резиденцией нового правительства он выбрал г. Эдо, отчасти потому, что хотел окружить себя своими сторонниками, а отчасти из-за того,

что, подобно многим прежним военачальникам, полагал, что сама атмосфера столицы Киото с ее вычурностью, поклонением изящным искусствам будет только развращать его окружение.

С гибелью сына Хидэёси при штурме замка в Осаке в 1615 году исчезла и непосредственная угроза правлению Иэясу. На следующий год он умирает, но члены дома Токугава сменяют друг друга на посту сёгуна (который в конце концов становится наследственным) и контролируют всю страну. Любые угрозы этому правлению - исходили ли они от Императора, религиозных групп или военачальников, безжалостно пресекались, при этом правительство делало все возможное, чтобы сохранить в стране мир.

Император и его двор в Киото представляли собой власть лишь формально. И в самом деле, ведь именно Император жаловал сёгунам их титул, сокращенное название "Главногокомандующего по подавлению варваров", т. е. военного диктатора в стране. Поскольку фактическая власть принадлежала дому Токугава, обязанности Императора ограничивались присвоением этого и менее значительных титулов по усмотрению сёгуна. Предполагалось, что Императору следует проводить время за чтением и участвовать в церемониях. Чтобы Император и его приближенные имели доход, им выделялись земельные владения. За деятельностью Императора наблюдал правительственный чиновник, глава города Киото, поэтому Император об-

ладал лишь номинальной властью, хотя неискренние восхваления его величества продолжались. Следует иметь ввиду, однако, что последнее решающее восстание против правления дома Токугава зародилось именно в окружении Императора.

Еще один потенциальный очаг сопротивления правительству нужно было искать в буддийских монастырях и синтоистских храмах, игравших значительную роль в прошлых гражданских войнах. Сёгун контролировал через своих чиновников доходы всех храмов, которые устанавливались центральными или местными властями и ими же могли быть сокращены. Одна из буддийских сект - *Син*, которой сёгун особенно не доверял, пользовалась тактикой самого дома Токугава - разделяй и властвуй. В прежние времена эта секта приносила много неприятностей военным властям тем, что создавала автономные общины. Чтобы впредь этого не случилось, Иэясу приказал разделить секту на две ветви. Каждая ветвь должна была поддерживать разные храмы, таким образом разобщенные группы слабели, теряя силы в конкурентной борьбе.

Однако все эти угрозы были невелики по сравнению с той опасностью, которую представляли враждебно настроенные военачальники. Правитель из дома Токугава выделял им землю в обмен на клятву верности и строго следил за тем, чтобы преданным сторонникам и родственникам, которые сражались с ним при Сэкигахаре в 1600 году, да-

вали земли в стратегически важных районах, образующих кольцо феодальных владений вокруг Эдо, а также в районах, по которым проходят основные дороги Японии, и находящихся вблизи поместий враждебно настроенных феодалов, которые могли бы предпринять поход на Эдо. Последние были из "чужих" феодалов, которые сдались ему под Сэкигахарой или позднее. Большинство из них были богатыми землевладельцами, гораздо богаче, чем предки дома Токугава. Но и сам сёгун владел большими поместьями и также возглавлял администрацию таких крупных городов, как Эдо, Киото и Осака.

Таким образом, политический контроль в стране осуществлялся через чиновников - непосредственных владельцев земель и через вассалов феодалов, которые жили под постоянным страхом лишения земельной собственности или переселения за непослушание, неверность или неправильное поведение. Они поощряли всеобщий шпионаж и доносили о всяких подозрительных действиях. Кроме того, были еще и правительственные чиновники, которые следили за феодалами, чтобы убедиться, что они ведут свои дела дозволенными методами.

В арсенале сёгуна был еще один способ контролировать высшую часть общества - их заставляли участвовать в жизни двора в Эдо. В начале правления дома Токугава вероятные противники власти должны были оставлять заложников в Эдо, как

гарантию своего хорошего поведения, позднее сложился порядок, которому беспрекословно подчинялись все крупные землевладельцы. Этот порядок обязывал каждого феодала жить попеременно один год в Эдо, а в течение следующего года он мог жить дома, то есть раз в году ему обязательно приходилось проводить время в дороге в одну или в другую сторону (это не относилось к феодалам, живущим рядом с резиденцией правительства или очень далеко от нее). В Эдо нужно было строить соответствующие резиденции для жен и семей. Эта мера, наряду с другими - выделение воинов для охраны замков дома Токугава, вынужденная помощь в проведении каких-то общественных работ, позволяла сохранять как политический, так и экономический контроль над богатыми феодалами. Постоянные поездки, связанные с необходимостью содержать два поместья так, как это приличествует крупному землевладельцу, требовали от феодалов больших средств, времени и усилий.

Остальное население в городах и деревнях держали под контролем двумя путями. Во-первых, местные власти или центральное правительство назначали чиновников, действовавших через служащих, которых можно было бы называть "полицейскими". Во-вторых, существовала система ответственности, согласно которой за провинность одного человека вместе с ним наказывали и главу семьи, ответственного за своих домочадцев, и старосту деревни. Вообще говоря, любая группа лю-

дей могла быть наказана за преступление одного из ее членов.

В стране не было и видимости конституции. Что касается уголовного кодекса, судьи пользовались сводом законов, который целиком никогда не издавался, хотя перечни наказаний по некоторым видам преступлений время от времени рассылались. В принципе нельзя было наказать человека, если он не признал своей вины, и часто чтобы добиться признания подозреваемого подвергали строгому допросу. Свод законов в том виде, в котором он существовал, мог изменяться без предупреждения. Все это соответствовало главной позиции дома Токугава, основанной на принципах Конфуция, по которой люди не должны знать, как действует закон, а должны делать то, что им приказывают.

Таким образом, сёгуны дома Токугава пытались закрепить свою власть на каждом дюйме земли и не только доминировать в общественной жизни японцев, но и владеть каждой живой душой. В течение двух столетий их усилия давали прекрасные результаты, и только в конце XVIII века токугавское государство вступило в длительный кризис. Сама природа японского общества благоволила властям, поскольку существовавшая сословная система была оружием в их руках, которое нужно было только умело использовать. Лишь сравнительно небольшая группа японцев не подвергалась строгому делению на сословия: с одной стороны, к ним относились придворные и свя-

щеннослужители, врачи и ученые, а с другой стороны - парии, выполнявшие самую грязную работу. Все остальные граждане подразделялись на воинов, крестьян, ремесленников и купцов.

В этой жесткой клановой системе существовала строгая иерархия, в которой воины (*самураи*) занимали самую верхнюю ступень. У *самураев* были свои привилегии, такие, как право ношения двух мечей, но они имели и обязанности: должны были вести трезвый образ жизни и подавать остальным хороший пример. Следующую ступень занимали крестьяне (основная масса населения), от них зависело пропитание сословия воинов. Честь столь высокого положения была довольно сомнительна, потому что свобода крестьян подвергалась жестким ограничениям, они не могли оставить свои хозяйства; в большинстве своем это были несчастные люди, жизнь которых протекала в тяжелом труде и нищете. Дальше шли ремесленники, а купцы и торговцы занимали последнюю ступень. Купцов не любили, считалось, что они ничего не производят, а работают только для того, чтобы скопить капитал. Купцы действительно занимались накопительством, но и расцвет культуры последней половины этого периода в основном был их заслугой, а рост их влияния явился основным фактором в кризисе старой сословной системы.

Поскольку все сословия имели четкие границы, вели строго определенный образ жизни, целесообразно рассказать о каждом из них, по очереди описывая условия их существования.

САМУРАИ

В период правления дома Токутава население Японии насчитывало примерно 30.000.000 человек, демонстрируя удивительно длительную по времени статистическую устойчивость. При этом меньше 2.000.000 составляли *самураи*, высшее из четырех сословий, на которые делилось японское общество. Слово *самурай* означает "служитель" и относится только к вассалам, но, по традиции этим словом называется все сословие воинов, которые были вассалами непосредственно или через феодалов самого сёгуна, являвшего собой верхушку пирамиды.

Принадлежность к этому сословию передавалась по наследству. В него входили *самураи*, чьи предки в давние времена были крестьянами, готовыми с оружием в руках сражаться в местных отрядах. Другие принадлежали к семьям, чьи богатые угодья лежали далеко от столицы, а сами они были потомками еще более древних землевладельцев при Императоре в то время, когда он действительно правил Японией. Некоторые семьи *самураев* по происхождению принадлежали к Императорской фамилии, но в X столетии Император, обремененный финансовыми заботами о слишком многочисленных потомках, перевел их в разряд обычной знати, дал землю и снял с себя ответственность за их дальнейшую судьбу. К одной из таких семей относился клан Минамото, члены которого хищническими мето-

дами увеличили свои земельные угодья, а в XIII столетии стали правителями Японии. Члены дома Токугава, которые перед тем, как переехать в Эдо, имели небольшие владения в провинции Микава, на востоке от Нагои, утверждали, что они - потомки этих первых сёгунов.

В начале XVI века между сословиями не было жестких границ и можно было легко переходить из одного в другое, особенно из сословия крестьян в сословие воинов и наоборот. Но в 1586 году Хидэёси, пытаясь стабилизировать общество, издал указ, по которому *самураи* не могли становиться горожанами, а крестьяне не могли покидать землю. Жесткое соблюдение границ между сословиями, что было так характерно для последующих столетий, берет начало именно в этот период. На следующий же год в стране была проведена кампания под названием "охота Хидэёси за мечами", во время которой всем крестьянам предписывалось сдать оружие. С этих пор только *самураи* имели право носить мечи (речь здесь идет о длинном мече; короткий меч могли носить и другие). Узнать *самурая* в те времена, а позже его изображение на картинке, можно было по двум рукояткам мечей, видневшимся из-за пояса слева - там, откуда их удобно было выхватить правой рукой. Горожанам разрешалось носить короткий меч для обороны. Крестьянам, как и во всем мире, для защиты надлежало пользоваться сельскохозяйственными орудиями.

Иногда некоторые горожане или группы людей, не принадлежавшие к сословию *самураев*, после выполнения специальных поручений награждались правом носить мечи - "большой и маленький", как их называли.

Все, кто входил в сословие воинов - сам *сёгун*, богатые феодалы в своих поместьях, высшие и

Самураи на улице. Самурай с двумя мечами шествует мимо магазина, где продают морские водоросли. За ним следует слуга, который несет пакет, завернутый в традиционную шелковую ткань (*фуросики*). Люди слева режут сухие водоросли, которые едят с рисом. Над магазином - *норэн* со знаком магазина (знак повторяется на выдвижных ящиках внутри магазина и на ящиках снаружи); название магазина "Накадзима-я". Старший служащий пишет что-то в конторской книге.

Самурай выходит из лавки торговца домашней птицей и вставляет за пояс меч, который мешал ему при разговоре с хозяином. Хозяин подобострастно провожает его. За дверью слуга самурая, подол его кимоно заправлен за пояс, он терпеливо ждет своего господина.

низшие чиновники в Эдо, простые солдаты, - имели право носить два меча. Все они получали "пайки" в соответствии со своим положением, а государственный аппарат служил для распределения этих пайков и был основным столпом общества. Паяк рассчитывался не в денежных единицах, а в рисе. Воины и крестьяне составляли две основные группы: первые - потребители риса, а вторые - поставщики его.

Земля оценивалась не по площади, а по годовому урожаю риса. Мерой в этом случае был коку, что равняется примерно 150 кг. Этого количества было вполне достаточно, чтобы прокормить одного человека в течение года. По статистике в начале XVII столетия годовой национальный продукт составил около 25 миллионов коку. Сёгун распределял его среди князей - владельцев поместий, оставляя себе пятую часть. Земля, с которой собирали урожай, принадлежала или сёгуну, или феодалам, и лишь небольшая часть была пожалована Императору. Самые большие владения принадлежали "чужим" феодалам из провинции Кага, у которых были замки в Канадзаве на северном побережье: они получали 1.300.000 коку. Князья Симадзу на острове Кюсю имели 730.000, а всего в начале периода, о котором идет речь, примерно 270 феодалов владели доходом свыше 10.000 коку. Эти феодалы - *даймё* - считались крупными землевладельцами. Они также, как и сёгун, оставляли часть урожая для своего клана, а остальное отдавали своим вассалам. Высшие вассалы имели под контролем землю, низшие вассалы получали пайки в коку, земли у них не было. Самые низшие слои получали рис или пайки в рисовом эквиваленте.

Доход в коку зависел от плодородия почвы. Феодал контролировал поступление риса от крестьян, точнее, его чиновники должны были получать рис от старосты деревни, а тот - от крестьянина. Крестьянину разрешалось оставлять себе часть урожая: шесть десятых, а чаще еще меньше. В дей-

ствительности, у крестьянина забирали столько риса, сколько требовал хозяин, а остаток зависел от полученного урожая. Иногда у *даймё*, особенно если у него было небольшое владение, запасы риса заканчивались еще до нового урожая. В этом случае он заставлял крестьян платить раньше, а каким образом они выполняли эти требования - его не касалось.

Следует отметить, что доходы никоим образом не были связаны с той работой, которую выполнял получатель, скорее, доходы соответствовали положению, которое человек занимал, а не наоборот. Исполнение обязанностей чиновника при князе являлось феодальной повинностью, и вассал не должен был ждать платы за исполнение долга. В XVIII веке в эту систему внесли кое-какие изменения, что позволяло *сёгуну* назначать временное содержание какому-нибудь вассалу, чей доход не соответствовал его заслугам, а по своим способностям он отвечал всем требованиям.

Богатство и размеры жилья *самурая* зависели от его статуса, а он, в свою очередь, определялся доходом. Замок *сёгуна* был в Эдо (сейчас в нем - резиденция Императора). Большинство *даймё* тоже имели замки, вокруг которых постепенно вырастали города. Замки в Японии появились также, как и в Европе, как цитадели, где феодалы укрывались от нападений соседей. Большинство замков в Японии, сохранившихся до сих пор, были построены еще в XVI веке, поскольку при правлении дома Токугава никакого строительства, кроме как в Эдо,

не велось. В то время возведение любых оборонительных сооружений строго контролировалось, потому что сёгун боялся возвышения феодалов, как угрозы своей власти. До XVI века воины, как правило, жили в своих поместьях, а в замок переезжали только на время сборов. Когда же сословия воинов и крестьян были жестко разграничены, самураи стали приезжать в города, появляющиеся вокруг замков, для снабжения продуктами и обслуживания их обитателей. По мере того, как самураи перебирались в *дзёкамати*, "призамковые города", последние стали быстро застраиваться, и их значение возрастало, постепенно они стали наиболее часто встречающимся типом городов в Японии. Вся жизнь в таких городах определялась и контролировалась замком, и атмосфера сильно отличалась от той, которая царила в Киото, где главенствовал Императорский двор, а еще больше от Осаки, типично торгового города. Правда, в Осаке Хидэёси возвел замок, где позднее расположилось представительство сёгуна, но тем не менее, Осаке удалось сохранить свою независимость.

Город располагался обычно, в пределах внешних защитных рвов замка, заполненных водой. Вокруг Эдо рвы были проложены в форме более или менее правильных прямоугольников, внутренние рвы окружали сам замок, на территории между внутренними и средними рвами находились дома чиновников, а купцы и торговцы жили в пределах внешних рвов, которые тянулись до самой бухты. Внешние рвы должны были задерживать нападав-

ших, ведь тем приходилось пользоваться мостами, и свобода их передвижения была ограничена.

Замок обычно сооружался на холме, естественном или насыпном, усиленном каменными глыбами, некоторые из которых были больших размеров и глубоко врыты в землю. Каменная кладка стен имела характерную особенность. Щели между отдельными камнями были наклонными у основания и почти вертикальными наверху, что крайне затрудняло попытки взобраться на стены замка. Строители часто использовали природный ландшафт и ставили замок как можно выше, яркий пример такого строительства - замок Гифу, который стоит на крутом холме, возвышаясь над городом на сотни футов. Добраться туда можно было только по крутой тропинке на обрывистой части холма.

Каменная кладка заканчивалась стенами из оштукатуренного дерева под черепичной крышей. Ворота всегда располагались так, чтобы держать нападающих под прицелом по мере их приближения. Главная башня замка тоже была из дерева высотой в несколько этажей, между бревнами прокладывали толстый слой штукатурки, а окна закрывались на прочные засовы. В стенах были сделаны бойницы и амбразуры для стрельбы из луков и мушкетов, под окнами часто пробивали вертикальные щели, через которые можно было сбрасывать на нападающих камни. Главная башня венчалась изящными черепичными крышами, часто с позолоченным орнаментом. Жилые помещения

располагались не в главной башне, а отдельно, внутри замкового комплекса.

Замок строили так, чтобы он был неприступен для нападающих с мечами, копьями, таранами, неприступен для огня, но, конечно, он не мог устоять перед тяжелой артиллерией. В арсенале огнестрельного оружия, которое привезли португальцы и другие иноземцы, были только мушкеты, пистолы и легкие пушки. Кроме того, в замке, можно было не только укрыться от нападения соседних *даймё*, он служил защитой и от горожан, и от восставших крестьян, которые были плохо организованы и плохо вооружены. Ворота в замке делали очень прочными, а подходы, ведущие к ним, отвесными.

Одним из самых мощных сооружений того времени является замок, построенный Иэясу в Киото в первом десятилетии XVII столетия. Больше похожий на дворец, чем на замок, он служил *сёгуну* жильем, когда тот приезжал в Киото. Он был возведен в стиле, отчасти напоминающем дворец Императора, а отчасти соперничающем с великолепием замка Хидзёси (который Иэясу позднее разрушил) недалеко от Киото. Замок Нидзё до сих пор окружен стеной и рвом с водой, остался холм, на котором стояла главная башня замка, однако, сама башня не сохранилась. Дворец состоял практически из анфилады комнат, полы в которых были покрыты *татами* - толстыми соломенными циновками, сотканными из травы (обычное покрытие в богатых домах). Комнаты располагались вдоль ко-

ридоров, от которых их отделяли раздвижные ширмы, а сами коридоры отделялись от внешнего мира деревянными решетками, покрытыми бумагой, чтобы пропускать свет. На ночь и в плохую погоду можно было задвигать тяжелые деревянные ширмы, как ставни. Комнаты, расположенные близко от входа, предназначались для гостей. Чем большим доверием пользовался человек, тем ближе к зале аудиенций и к частным апартаментам хозяина его определяли. Рядом с местом сёгуна в зале аудиенций были помещения, где укрывались воины, готовые к защите в случае необходимости. Приближение предполагаемого наемного убийцы могло быть обнаружено благодаря особой конструкции дощатого пола с "соловьиным" коридором, который заставлял весь пол "петь", когда по нему идут.

Самураи подразделялись на ранги в зависимости от того, какое количество коку они получали. *Даймё* имели свой минимум в 10.000 коку. Это и определяло площадь земли, на которой *самурай* мог строиться. Например, 8.000 коку соответствовали примерно 2 акрам земли, 2.000 коку - 1 акру, в то время как самый низкий доход в пять тюков риса давал право примерно на 250 квадратных ярдов. *Самураи* низких рангов жили коммунально в "длинных домах", разделенных на апартаменты, с какими-то общими помещениями. Обычно, это был ряд комнат на верхнем этаже с отдельным входом. Наконец, были и такие *самураи*, которые не имели совсем никакого дохода и соответственно права на свою резиденцию; они не имели госпо-

дина, их называли *ронины*. Эти люди по каким-то причинам отказались служить своему господину или их хозяин лишился своего места. *Ронины* были самыми свободными жителями Японии, потому что, имея звание *самурая* тем не менее не исполняли его тяжелых обязанностей, однако лишались при этом и средств к существованию. Они зарабатывали на жизнь, как могли: преподавали учение Конфуция, становились школьными учителями или писателями. Одни обучали молодежь военному делу, а другие, прекрасно владея оружием, работали охранниками богатых купцов. Когда *ронины* могли заработать, то жили в хороших условиях, но когда дела шли плохо, им приходилось в лучшем случае искать пристанища в храмах, а в худшем случае - жить, где придется.

Ранг *самурая* можно было определить и по одежде. Во время праздничных церемоний и на службе *самураи* носили костюм *ками-симо*, ансамбль из "верха и низа", то есть куртки (*катагину*) с жесткими плечами и штанов (*хакама*), скорее похожих на юбку с очень низким швом посередине и разрезами по бокам. Штаны удерживались на бедрах с помощью многочисленных шнурков сзади и спереди, которые крепились на поясе. Повседневно *самураи* всех рангов (включая самых бедных) носили такие штаны длиной по щиколотку, а воины высшего ранга во время особо важных церемоний носили очень длинные штаны; они волочились по полу, полностью скрывая ноги. Чтобы носить такие *нага-бакама* требовалось особое уме-

Самурай в нага-бакама (слева) и в kami-симо (справа)

ние: при любом повороте в шлейфе костюма можно было запутаться и упасть. *Самураю* приходилось также при каждом шаге приподнимать штанину, чтобы освободить место для следующего шага. В этом костюме можно было даже бегать, но это требовало очень хорошей координации движений рук и ног. Конечно, эта была непрактичная, хотя и очень импозантная одежда, своего рода символ высокого общественного положения, потому что такой костюм демонстрировал наличие свободного времени, чтобы научиться его носить.

Говорят, что правители специально заставляли своих подданных носить эту одежду, так как она помешала бы им принять участие во внезапном нападении на хозяина. На улице эти костюмы обычно не носили.

Под *ками-симо* одевали обычное *кимоно* с поясом, под который пропускали ремешки от верхнего одеяния, а под *кимоно* одевали белую нижнюю рубашку, которая выглядывала на шее. За поясом носили мечи в ножнах. Завершали костюм белые *таби* - носки с мягкой подошвой, прошитые между большим пальцем и остальными так, чтобы было удобно надевать сандалии. В свободное от службы время *сёгун* и *даймё* не одевали *ками-симо*, а ходили в роскошных одеждах покроя *кимоно*. В редких случаях, во время самых торжественных церемоний *сёгун* и его окружение облачались в одежды Императорского двора, включая головные уборы, по которым можно было определить ранг каждого.

Если во время официальных поездок *самурая* приходилось ехать верхом, то они одевали штаны с курткой длиной в три четверти, покроя *кимоно* (*хаори*), вместо куртки с плечами; куртка и штаны соединялись вместе специальным шнурком, который крепился на уровне груди. К костюму также полагалась шляпа - плоская, круглая, слегка конической формы для защиты от солнца и дождя. Под штанами носили что-то вроде бриджей до колен. Куртка на спине оттопыривалась из-за меча, и это делало силуэт *самурая* в поездке очень характерным.

Самураи в дороге

Нужно сказать, что цвета одежды самураев были спокойные - в основном блеклые оттенки голубого, серого и коричневого, одноцветные или с неярким рисунком или полосками. Куртка с плечами и кимоно имели семейный герб самурая - мон. Штаны на подкладке предназначались для зимы, а летом носили штаны без подкладки. Менять зимнюю одежду на летнюю нужно было в пятый день пятого месяца и в первый день девятого месяца. В свободное время самурай носил кимоно без куртки и штанов. Собираясь в город, самурай старался спрятать лицо под низко надвинутой шляпой. Обычно шляпа имела очень смешной вид, вроде корзины, чтобы обладателя шляпы не узнали, по-

сколько выход в город мог рассматриваться как нарушение правил дома, в котором он жил.

Самураев можно было отличить также и по причёске. Волосы на макушке они выбривали, а с боков и сзади заплетали в косу, мазали маслом, скручивали вдвое и укладывали на макушке, закрепляя в месте сгиба тесьмой. Все волосы тщательно убирали в пучок. *Самураи* очень следили за тем, чтобы причёска не рассыпалась, а самое ужасное было, если тесьма развязывалась во время схватки или ее отсекали мечом; но было еще хуже, когда отрезали всю косу. Если *самурай* заболел, то он не брил голову, и волосы росли пышно, но появляться в таком виде на людях было не принято.

Большую часть обязанностей *самурая* составляли хлопоты по управлению имением, к которому он прикреплялся. Если он относился к центральной администрации в Эдо, то отвечал за управление городом или страной. Служба *самураев* была разнообразной; от часовых на посту у ворот замка до главного советника у *даймё*. Если *самурай* получал доход с земли, которой сам владел, то ему приходилось заниматься и земледелием. Кроме того, *самураи* обязательно посещали официальные мероприятия. Так как *самураи* высоких рангов обычно исполняли свои функции в стенах замка или в правительственных учреждениях, то люди других сословий видели их редко, только во время поездок или при исполнении должностных обязанностей.

В большинстве случаев *даймё* приходилось каждый второй год жить в Эдо. Ежегодные переезды *даймё*, сопровождаемого большой свитой, выливались в грандиозное представление: люди не просто стояли по обочинам, наблюдая за процессией, а падали ниц и лежали, пока колонна не проезжала. Вот описание происшествия, случившегося в конце правления дома Токугава в 1861 году, демонстрирующего то уважение, с которым относились к феодалам в подобных ситуациях. *Даймё* Сацума возвращался в свое поместье, и когда он со свитой подъезжал к Ёкохаме, где жили иностранные купцы, четыре англичанина попытались пересечь дорогу. *Самураи* обнажили мечи, и в результате один из нарушителей был убит, а двое других - ранены. Действия иностранцев демонстрировали вопиющее незнание обычаев страны, однако времена уже были другие, в результате город Кагосима в виде наказания подвергся артиллерийскому обстрелу, а Британии была выплачена большая компенсация. Иногда с процессией происходили разные неприятности, особенно в Киото: это было связано с тем, что *даймё* по своему положению мог быть ниже какого-нибудь аристократа из Императорского двора, который мог и не обладать никакой властью. Но когда такой человек появлялся вблизи колонны, *даймё* приходилось соскакивать с носилок и простираться ниц на дороге; обычно это не вызывало никакого замешательства в процессии. Однако, аристократы, часто пребывававшие в довольно стесненных об-

стоятельствах, были не прочь увеличить свои скудные официальные доходы. Поэтому некоторые из них не стеснялись намекнуть, что если их не отблагодарить соответствующим образом, то может оказаться, что они всегда найдут себе дело именно в том месте и в то время, когда процессия будет шествовать мимо.

Обычно процессии беспрепятственно следовали по главным дорогам Японии, пролежавшим между Эдо и другими большими городами и поместьями. Самой важной из них была Восточная морская дорога, Токайдо. В то время это была дорога с самым оживленным движением в мире, соединяющая два крупнейших города - резиденцию сёгуна и резиденцию Императора с отдельной дорогой к великому храму Исэ, и к Осаке. По сравнению с крупными европейскими магистралями, на японских дорогах отсутствовал колесный транспорт. За повозки, запряженные волами, которые встречались на улицах Киото, надо было платить в казну Императорского двора, что являлось дополнительной статьей дохода. Во время праздников в карнавальном шествии иногда использовали тележки на колесах, но у этих неуклюжих экипажей колеса не вращались, и их тащили люди. В случае, когда нужно было перевозить тяжелые грузы, например, большие камни для строительства замка, использовались колесные фургоны. Но даже фургоны не мешали движению на дорогах, где путники шли пешком или ехали верхом, или их несли в *каго*, носилках, похожих на большие ящики, подвешен-

ные на длинные шесты, концы которых лежали на плечах носильщиков. Поэтому дороги были неширокими, а так как не было телег, которые оставляли бы на них колеи, то их не надо было и мостить.

По обеим сторонам дороги росли близко посаженные деревья - высокие криптомерии или сосны. Сажали деревья для того, чтобы обозначить дорогу, иначе путники могли сбиться с пути, а также для защиты от солнца и укрытия от дождя и снега. В гористой местности дороги становились уже и были труднопроходимыми, хотя и их поддерживали в хорошем состоянии. Серьезными препятствиями были переправы через реки, так как мостов в стране было мало (в основном только в городах). У японских рек очень широкие русла, и большую часть года вода в них течет в виде узких ручьев, через которые легко переправиться вброд. Иногда использовали паромы, в некоторых местах носильщики переносили людей на плечах, а грузы - на головах. Во время паводков в таких местах переправиться было невозможно, и движение вынужденно прекращалось; однако не надолго, потому что вода быстро спадала.

В отношении строительства дорог правительство стояло перед дилеммой. С одной стороны, требовалось хорошее сообщение между Эдо и провинцией, чтобы чиновники и курьеры могли быстро добраться из одного места в другое. С другой сёгун, опасаясь восстания, стремился к ограничению движения на дорогах для тех, кто ехал не по служебным делам. В результате, строили дороги, при-

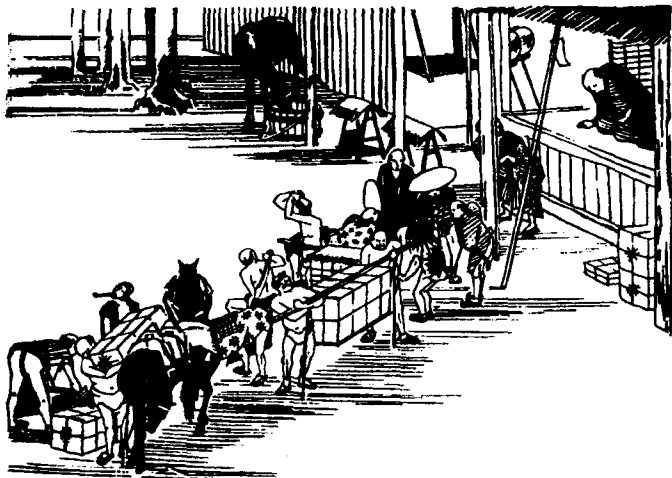
Паром на Токайдо. На заднем плане силуэт горы Фудзи.

годные лишь для пеших и всадников, сохраняя на дорогах заставы, которые существовали с древних времен. Таким образом, дороги как бы сами контролировали движение по ним. Попытка избежать проверки у шлагбаума путем объезда считалась серьезным нарушением. Необходимость прохода через заставу (а их насчитывалось больше 70) давала двойной эффект: заставить людей идти по уже существующим дорогам и держать всех под неусыпным надзором.

Проверка путешественников у шлагбаума должна была помешать *даймё* вывозить кого-либо из членов семьи из Эдо без разрешения. Сторожа на заставах особенно строго следили за женщинами.

Все путешественницы должны были иметь при себе особые сертификаты-разрешения с полным описанием внешнего вида. Нередко приходилось проходить через процедуру обыска и допроса на заставе, причем чем выше был статус дамы, тем серьезнее ее досматривали. Охрана тщательным образом следила за тем, чтобы в Эдо не провозили никакого оружия, особенно огнестрельного, чтобы исключить возможность восстания. Ограничения накладывались также и на количество людей, сопровождающих *даймё*: например, при восьмом *сёгуне* (Ёсимунэ, 1716-1745), было такое правило. *Даймё*, имеющего доход в 200.000 коку или больше, могли сопровождать 120-130 пеших воинов и 250-300 слуг и носильщиков, а тех, чей доход определяется в 100.000 коку, 80 и 140-180 соответственно. Если включить в свиту высокоранговых *самураев*, сопровождавших своего господина, то численность была достаточна, чтобы истощить его средства, но недостаточна, чтобы представлять опасность для центральной власти.

Дороги делились на перегоны, на каждом из которых было расположено почтовое отделение, где можно было нанять лошадей или носильщиков для следующего перегона. Управлялась вся дорожная система специальным правительственным ведомством, которое и назначало размеры оплаты подобных услуг. Некоторые чиновники получали пропуска, что давало им право нанимать одну лошадь и троих носильщиков бесплатно. *Даймё*, путешествовавшие по служебным делам, имели право на

Почтовая станция. Путешественники и редкие носильщики подъезжают, распрягают лошадей, вытирают пот.

скидку до установленного предела, а сверх того должны были платить, как и все остальные. Они сообщали о своих поездках заранее, чтобы почтовые отделения и постоялые дворы могли подготовить все необходимое. Лошадей и носильщиков поставляли местные крестьяне, и это был еще один способ эксплуатации крестьян *самураями*.

Процессия, сопровождающая *даймё*, являла собой впечатляющее зрелище, с вышагивающими людьми, многочисленными лошадьми, лакированными паланкинами, красочными знаменами и але-

бардами в руках вассалов. Шествие было похоже на военные парады на Западе и должно было напоминать жителям этих мест о мощи власти их хозяев.

Управление в городах осуществлялось через систему судов и своего рода полицию. Что касается администрации на местах, то она соответствовала структуре центрального правительства в Эдо, как по должностям, занимаемым чиновниками, так и по функциям, которые они выполняли. Таким образом, описание структуры власти в Эдо может служить описанием административной системы всей страны.

К 1631 году сложилась структура, которая существовала в течение всего описываемого периода. Начнем с того, что в городе было два *матибугё*, "градоначальника", которые делили между собой функции главы полиции, судьи и городского головы. Точнее, не делили, а скорее выполняли эти обязанности по очереди, месяц работая и месяц отдыхая. Они были известны, как Север и Юг. Такое дублирование обязанностей соответствовало духу правительства *сёгуна*: постоянно заботясь о сохранении собственной власти, *сёгун* использовал все возможности, чтобы вероятные противники не имели достаточно сил сместить его самого. Градоначальники контролировали друг друга, и ни один из них не сосредотачивал весь аппарат управления в своих руках. Оба должны были подписывать бумаги, направляемые правительству. Такая система мешала и всякому частному предпри-

нимательству. Однако, по мере того, как население Эдо росло, поскольку люди переезжали сюда из деревни при малейшей возможности, обязанности градоначальника множились, и ему приходилось использовать месячный отпуск на то, чтобы подготовить все бумаги и справки по делам, накопившиеся за его рабочий месяц. Каждое утро градоначальник к 10 часам отправлялся в замок и оставался там до 2 часов дня. Он участвовал в совещании с высшими членами Совета, которые возглавляли администрацию и отвечали перед сёгуном за широкий круг вопросов. Градоначальник докладывал им о любом своем решении и получал распоряжения.

Пост градоначальника в Эдо держали для вассалов сёгуна с самым низшим рангом - доходом в 500 коку, но сам пост давал право на получение пайка в 3000 коку. Этот ранг соответствовал положению *гаймё*. Еще одним свидетельством значимости этого поста являлось то обстоятельство, что известных людей, занимавших должности, равные градоначальнику по статусу, переводили на место градоначальника в Эдо. Жизнь градоначальника была очень беспокойной, так как по возвращении на службу ему приходилось заниматься накопившейся бумажной работой и другими рутинными делами. Он не только отвечал за поддержание порядка в Эдо, но вел гражданские дела и выдавал пропуска на проезд. Однако он не занимался делами самураев и священнослужителей, которые рассматривали специальные чиновники. С ними

он встречался три раза в месяц, в те дни, когда вместе со старшими советниками участвовал в заседаниях высшего суда для решения наиболее серьезных дел.

Каждому градоначальнику непосредственно подчинялись 25 *ёрики*, или помощников. Они тоже относились к сословию *самураев* и были прямыми вассалами *сёгуна* с доходом в 200 *коку*. *Ёрики*, служившие в других городах, обычно получали персональные назначения, и не наследовали свои должности. Те, кто служили помощниками градоначальника в Эдо, в действительности всегда замещали своих отцов и дедов на этих постах; они примерно с 13 лет поступали на службу учениками. Благодаря этим сильным семейным традициям *ёрики* действительно знали свой Эдо, и градоначальник, особенно вновь назначенный, мог положиться на их знания и опыт при ведении дел. *Ёрики* не могли рассчитывать на продвижение по службе и жили в одном квартале. Таким образом, они образовывали тесную группу людей, которые по роду своей службы и сословию были отрезаны от горожан, хотя и общались с ними каждый день. *Ёрики* имели серьезные ограничения в своих правах. Так, им не разрешалось посещать Замок, из опасения, что они могут занести инфекцию, ведь им приходилось присутствовать при казни преступников, хотя саму казнь совершали "неприкасаемые". *Ёрики* считались большими щеголями. Они очень следили за своей внешностью, у них всегда были аккуратные прически и они постоянно но-

сили два меча, хакама и хаори. Вероятно, их официальный доход увеличивался за счет щедрых даров от *даймё* за то, что они не беспокоили их вассалов, когда те напивались и буйствовали.

Ёрики подчинялись *самураи* более низкого ранга, которых называли *досин* ("компаньоны"), их было 120 человек под началом каждого градоначальника. Они также являли собой группу, свя-

Ёрики (слева) и досин с арестованной женщиной, которая оплакивает свое несчастье

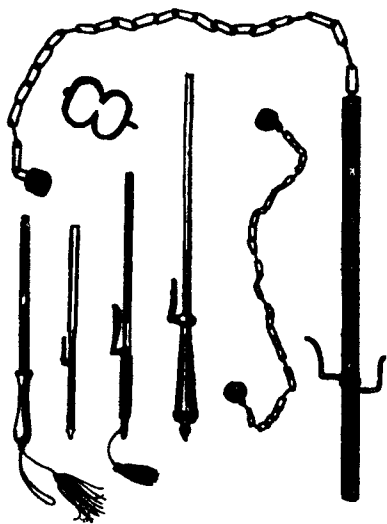
занную родственными узами. Их доход исчислялся 30 тюками риса. Подарки от *даймё* доставались и им, очень часто это было хаори с гербом *даймё*,

но так как *досин* получал подарки от нескольких *даймё*, он должен был, посещая резиденцию своего благодетеля, одевать именно его подарок.

Относительно подарков необходимо отметить, что, во-первых, дарить одеяние было традицией в Японии по меньшей мере на протяжении 1000 лет, и даже сейчас абсолютно нормально делать подобные подарки своей девушке к Новому Году; во-вторых, хотя сегодня подношение подарка можно рассматривать как взятку, в традиционной Япо-

нии высшие лица государства и чиновники считали, что получать дары - их право, и хотя получение подарка накладывало на них определенные обязательства, о них быстро забывали по причине необходимости исполнения своего долга.

Досин сохраняли присущий только им стиль одежды, ибо хотя и относились к сословию *самураев*, но носили только один меч и никаких *хакама*.

Различные виды дзиттэ,
цепи и наручники

Они не одевали более строгого костюма даже во время официальных церемоний, таким образом выделяясь среди обычных *самураев*. *Досин*, как самые низшие чины, отвечающие за порядок, патрулировали улицы Эдо, вооруженные при этом *гзиттэ*, как бы символом своего ведомства - металлическим жезлом с крюком для того, чтобы ловить лезвие меча или ножа нападающего. *Досин* не стремился скрывать свою личность, он скорее напоминал одетого в форму офицера в дозоре. Эдо был разделен на четыре зоны патрулирования, достаточно большие по площади. Отправляясь на дежурство, *досин* брал с собой двух или трех помощников и обходил сторожевые посты подразделений, управляемых представителем групп местных жителей. Если требовалось какое-то расследование, то он посылал своих помощников и представителей местных властей осуществить арест, сам не принимая без необходимости в этом участия. Своих помощников *досин* нанимал из горожан, которые расхаживали с *гзиттэ* в руках, как символом власти. Однако в большей степени эти люди были глазами и ушами властей, и по существу работали осведомителями.

В обществе, подобном японскому, где господствовал принцип неравенства людей, делалось все возможное, чтобы сохранить жизнь и безопасность представителей высшего сословия. Поэтому правосудие совершалось руками помощников *досин*, и только очень серьезные происшествия требовали участия *ёрики*. Для поимки подозреваемого *до-*

син и его люди использовали специальное снаряжение: при нападении с мечом - применяли или *gзиттэ*, или тяжелую стальную цепь, которая наматывалась на лезвие меча. Четыре звена цепи, расположенные с каждой стороны, использовали, чтобы нокаутировать нарушителя закона, а длинные звенья с зубцами и шипами легко ранили и изматывали его, не давая приблизиться и применить меч для нападения. Первое правило гласило, что нарушитель должен быть взят живым, поэтому при первой удобной возможности его быстро и надежно связывали веревкой. Если обстоятельства вынуждали вызвать *ёрики*, то он прибывал на место происшествия верхом, в кольчуге, надетой под *кимоно*, в латах на ногах и на руках и в плоском лакированном шлеме из железных пластин: он руководил операцией с безопасного расстояния и в случае необходимости ударом пики выводил преступника из строя.

После ареста заключенного доставляли дежурному градоначальнику. Тюрьма в Эдо находилась в Дэнматё, и особо опасных преступников сразу помещали туда, а менее опасных держали под стражей у градоначальника. Следующим шагом в отправлении правосудия была попытка убедить подсудимого признаться в своей вине, особенно в тех случаях, если наказание предусматривало казнь. По существу, это, очевидно, было основано на принципах справедливости, чтобы не наказать невиновного. Однако, признание еще нужно было получить, если арестованный не хотел сознавать-

ся добровольно. В таких случаях судьи прибегали к различного рода пыткам. В Японии, однако, авторитет власти был настолько велик, что немногие виновные отрицали свою вину. Сделав признание, арестованный предстал перед судом и, стоя на коленях на *сирасу* - "белом песке" - перед судьями, где все арестованные и свидетели преклоняли колени, давая показания, он выслушивал решение. "Белый песок" олицетворял истину, заключенную в том, что здесь говорилось, а под *сирасу*, возможно, подразумевался глагол, похожий по звучанию, и означавший "информировать".

Конечно, самым серьезным наказанием был смертный приговор, который мог исполняться по-разному. После приведения приговора в исполнение тело могли выставлять напоказ, что считалось дополнительным позором. Смертный приговор выносили за убийство, воровство, супружескую неверность, а участь сгореть заживо ждала любого, кто обвинялся в поджоге, самом страшном преступлении в Японии. Взамен смерти от руки палача *самураю* иногда позволяли совершить самоубийство (*сэппуку*), этим актом он сохранял свою честь. На деле это происходило так - ножом вспарывался живот от левого бока к центру и в тот же момент один из друзей сносил мечом голову осужденного, прекращая смертную агонию. Следующим по строгости наказанием была высылка, отсылки на какой-нибудь далекий остров до ссылки на расстояние десяти *ри* (25 миль) от Эдо. Более легкие наказания назначались в зависимос-

Сирасу: два крепко связанных арестанта перед членами городского совета; из жалости им разрешают преклонить колени на жесткие циновки.

ти от сословия. Это мог быть домашний арест на какой-то срок или другие ограничения свободы. Женщин иногда наказывали, сбривая им волосы. Заключение в тюрьму не считалось наказанием, тюрьма была местом, где обвиняемых содержали под стражей, пока выносили решение о степени вины и приговоре. Отношение к преступникам в тюрьме было жестоким, хотя градоначальнику Оока, который служил с 1717 по 1736 годы и славился легендарным умением разрешать самые трудные дела, приписывают проведение гуманных реформ, особенно при допросе арестованных. Даже в тюрьме самураев помещали в разные мес-

та в соответствии с их рангом и отдельно от простолюдинов, а женщин держали в изолированных помещениях. Сила власти в Японии была такова, что если рядом с тюрьмой начинался пожар, то арестованных отпускали под честное слово, хотя им грозил очень серьезный штраф в том случае, если они не возвращались в оговоренный срок.

Градоначальник занимался не только уголовными правонарушениями, ему приходилось разрешать и просто споры между людьми. Интересно отметить, что в процессе разбора обычных тяжб некоторое время отводилось на то, чтобы "спустить пар", что было бы неплохо использовать и в нынешнем судопроизводстве. При первом обращении в канцелярию заявление гражданина регистрировали, а самого жалобщика отправляли на несколько дней домой. Если он возвращался в указанный срок, его принимал сам градоначальник и советовал ему пересмотреть свое заявление, но если человек упорствовал, то следствие по делу поручалось *ёрики*, который обычно и доводил расследование до конца. В особо сложных случаях дело возвращалось к градоначальнику, который выносил окончательный приговор.

Это описание механизма правосудия в Эдо дает некоторое представление о том, как работали чиновники и как именно они общались с простыми людьми. Некоторые *самураи* были связаны с крестьянами и поставщиками, а другие управляли предприятиями, которыми часто владели купцы. Людская память сохранила легенды о жестокости

самураев-надзирателей, и о страданиях молодых людей, которые работали на золотодобывающей шахте в Аикава на острове Садо. Все они были во власти чиновника, который по статусу был равен градоначальнику в Эдо. В других местах и в поместьях были предприятия, где дела вели *самураи*, а это значило, что многие из них приобретали опыт в производственной сфере. Таким образом, с развитием промышленности во второй половине XIX века многие бывшие *самураи* смогли участвовать в новых начинаниях.

Предполагалось, что и свой досуг, так же как и службу, *самураи* проводят особняком. Многие из *самураев* отдыхали после работы так, что вызывали недовольство окружающих. Их участие вместе с горожанами в таких мероприятиях, как посещения театров или домов терпимости, не поощрялось, хотя, конечно, они там бывали, почти не скрываясь. Зато многие другие развлечения были доступны официально. *Самураи* низших рангов, чье боевое искусство могло понадобиться, когда дело касалось воров или недовольных чем-то крестьян, занимались военной подготовкой, совершенствовались в умении владеть мечом, стрелять из лука, ездить верхом и плавать. *Самураи* высших рангов оттачивали свое мастерство владения мечом и занимались военными видами спорта с такой же серьезностью и в таком же состоянии духа, в каком они проводили чайную церемонию и аранжировку цветов.

Все эти занятия постепенно оформлялись в "школы", в которых преподавали авторитетные учителя строго по системе, принятой в каждой отдельной школе. Различия между школами, как правило, были не очень значительными. Даже занятия по плаванию, проводились по правилам данной "школы", причем каждая обучала разным стилям,

Самураи, высший по рангу с двумя самураями низшего ранга, любуются композицией цветов в токонома. Человек справа с бритой головой и веером в руке - буддийский священник.

это же касалось и искусства верховой езды по воде. Каждая школа имела свою специализацию. Например, в школе Огасавара лучше всего обучали правилам вежливого поведения, включавшим способы приветствия, умение красиво держаться, правила поведения за столом и прочее; сюда также входило обучение стрельбе из лука - ритуальному виду спорта, скорее официальной церемонии, где большее значение придавалось грациозности движений, соблюдению этикета, а не умению попасть в центр мишени. *Самураи* низшего ранга иногда участвовали в более примитивных соревнованиях по стрельбе из лука. Одно из них, которое помнят до сих пор, проходило в одном из храмов Киото, Сандзюсангэндо, в зале более 200 футов длиной, заполненном статуями. Стрелки располагались на внешней галерее этого зала, а побеждал тот, кто выпускал самое большое количество стрел из одного конца галереи в другой за определенное время. Навесная крыша мешала стрелам лететь высоко (на балках сохранились следы в тех местах, куда попадали случайные выстрелы), поэтому стрелу нужно было пускать по оптимальной траектории. Победителем в 1686 году оказался *самурай*, выпустивший 13.000 стрел, 8.033 из которых долетели до конца галереи.

Охота почиталась как активный вид спорта для *самураев* высших рангов. И хотя отнять чью-либо жизнь означало нарушить догму буддизма, согласно которой за убийство животного можно понести наказание в следующей жизни, тем не менее,

многие *самураи* занимались охотой и ловлей дичи. От обычной охоты отличались выезды наиболее богатых феодалов, которые проводились с большим размахом. Действительно, некоторые из сёгунов раньше позволяли себе время от времени такое удовольствие, пока пятый сёгун, Цунаёси (1680-1709), не положил этому конец. Его прозвали "собачий сёгун", поскольку он защищал собак, следуя совету, полученному от буддийского священника, который считал, что бездетность правителя была наказанием за то, что он совершил убийство в прошлой жизни. Под свое особое покровительство Цунаёси взял собаку, знак года своего рождения. Насколько велика была власть сёгуна, видно по тому влиянию, которое его болезненная склонность оказывала на страну. Например, за убийство собаки человека отправляли в ссылку. В Эдо даже построили большой приют для бездомных собак, который содержали на деньги от специального налога на собак, и вообще из-за повсеместного запрета убивать животных крестьянам было трудно сохранять урожай. Все это не помогло Цунаёси родить сына, и когда его место занял племянник, то он очень быстро покончил со всеми указами, защищающими собак. Сёгун Ёсимунэ (1716-1745) стал энергичным проводником реформ, а также попытался вернуть *самураев* к прежнему бесхитростному образу жизни, поощряя их занятия физическими упражнениями. Особенно он благоволил к охоте, и одним из его прозвищ было - "соколиный сёгун". Во время соколиной охоты,

например, на журавлей и других диких птиц его сопровождала большая свита. Он возродил охоту на оленя и дикого кабана, - любимый вид спорта его предшественников. Интересно, что охотничьи забавы правителей решительно не походили на спорт: животных подводили к "охотникам", и те расстреливали их стрелами или пулями, сидя верхом, на безопасном расстоянии.

История, записанная в дневнике самурая из Нагои (1692), иллюстрирует духовные ценности того времени.

"Однажды феодал из Иё (остров Сикоку) потерял любимого сокола и долго искал его по всему поместью. Тем временем, когда некий крестьянин отправился работать в поле, а его жена оставалась дома и ткала, влетел сокол и сел на ткацкий станок. Женщина схватила челнок и ударила птицу, от чего та сразу умерла. Когда крестьянин вернулся домой, жена рассказала ему, как красивая птица села на ее станок, как она ударила птицу, не желая убить, но та, к сожалению, умерла. Муж посмотрел и понял, чей это был сокол. Он страшно разволновался, так как знал, что феодал ищет эту птицу. С трепетом рассказал он деревенскому старосте о том, что случилось. О происшествии доложили управляющему имением. Последний в страшном гневе велел связать мужа и жену и привести их к феодалу на суд. Феодал тоже был в ярости и велел распять жену на кресте, но оправдал мужа, потому что того не было дома во время происшествия".

Это еще не конец истории. Когда муж пошел помолиться за свою жену, он увидел, что она все еще жива. Феодал, услышав это, велел снять женщину с креста. Она твердила, что ее спасло божество-покровитель. *Самурай*, который сделал в дневнике эту запись, по-видимому, не был удивлен отношением к женщине, а поразило его то, что она воскресла.

Сёгун обычно не занимался активными видами спорта и Ёсимунэ, так любивший охоту, был исключением. Все развлечения, в которых принимал участие сёгун, были, как правило, спокойными, и последний бывал чаще зрителем, а не участником. Например, сёгуны и *даймё* поддерживали *сумо*, вид борьбы, которая популярна в Японии с давних пор, и с тех же времен пользуется покровительством Императорского двора. Драматические представления, проходившие во второй половине XVII века, были еще одним видом развлечения. Посещение *самураями* театра, где основную аудиторию составляли купцы, не одобрялось, но это не мешало *даймё* приглашать труппу или отдельных исполнителей в свои резиденции. В замке у Сёгуна ставили пьесы *Но*, и горожанам разрешалось посмотреть одну из постановок. Дошедшие до наших дней записи свидетельствуют о том, что феодалы Тоттори были большими поклонниками таких спектаклей, когда наносили обязательные визиты сёгуну. Сам *даймё* играл главную роль во многих пьесах, которые ставили для развлечения гостей (нередко, других *даймё*) на вечерах. Актерам и музыкантам платили деньгами или одеждой, а если им пред-

стояло выезжать в имение, то давали специальные разрешения и сопровождение. Реже, чем драмы *Но*, в поместьях устраивали представления *кабуки* и *кукольные спектакли*; последние - для низших вассалов и слуг.

В 1695 году в Эдо в возрасте пятидесяти четырех лет умирает знаменитый феодал, известный как Мацудайра, губернатор Ямато (провинция, к которой он не имел никакого отношения, титул его был номинальным, дарованным ему Императором). Этот человек оставил дневник, еще одно свидетельство тех времен, только гораздо более личного характера. Его интересовали искусства и всяческие увеселения, к которым относились каллиграфия, пьесы *Но* и комические интермедии, исполнявшиеся в антракте (*кёгэн*), *кукольные спектакли* и *кабуки*, рисование, поэзия всех видов, танцы, борьба и охота, умение тонко различать ароматы. Он почти ежедневно был в курсе всех событий в театральном районе, часто посылал своих людей смотреть постановки и заставлял рассказывать о них или расспрашивал тех, кто бывал вблизи театров, о новых вывесках и слухах. Круг его знакомых, видимо, состоял из любителей спектаклей, особенно *кукольных*. Он часто упоминает о посещении вечеров в других домах и о том, какое удовольствие он получает от игры знаменитых исполнителей. Рассказывает он и о постановке подобных спектаклей для своих гостей.

Видимо, несколько цинично предполагать, что самым редким развлечением для придворных *сёгуна* был ежегодный визит главы голландской

фактории в Нагасаки. На этот визит смотрели отчасти, как на одолжение, позволявшее тому на несколько недель покинуть свою маленькую факто-

Кукольный театр в резиденции даймё

рию, а отчасти, это была превосходная возможность получить любопытные иноземные подарки. В 1691 году немецкий доктор, Энгельберт Кэмпфэр, пользовавшийся голландцев, поехал с ними в Эдо. Он оставил яркое описание своего путешествия и своей встречи с сёгуном. Первая из этих встреч была официальной, а на вторую встречу, говорит Кэмпфэр, "их повели по нескольким тем-

ным коридорам, вдоль которых стояли бесконечной цепочкой телохранители. У апартаментов Императора за ними последовали важные императорские чиновники, одетые в церемониальные одежды, которые затем расположились, сидя на коленях и опустив головы, в зале для аудиенций. Зал для аудиенций состоял из нескольких помещений, входы в некоторые из них были открыты, в другие - закрыты ширмами или решетками. Некоторые помещения были размером в 15, а некоторые - в 18 циновок, причем циновок могло быть на одну меньше или на одну больше по высоте, в зависимости от ранга расположившегося на них человека. Посреди зала был проход, где циновок не было вовсе, и это была самая низкая часть, покрытая чистыми лакированными досками, куда нам и велели сесть. Император (то есть сёгун) и его супруга расположились за решетками справа от нас... Под решетками я подразумеваю конструкции, сделанные из тростника, исключительно тонкого и красивого, покрытые с внутренней стороны великолепным, прозрачным шелком с отверстиями в пядь шириной, чтобы человеку за ними было что-то видно. Для украшения, а также чтобы лучше скрыть людей, стоящих за ширмами, их разрисовывали фигурками ныряльщиков, хотя разглядеть сидящих с расстояния было невозможно, особенно, когда убирали свет сзади. Сам Император сидел в таком темном месте, что мы едва ли знали бы о его присутствии, если бы не его голос, который был таким тихим, как будто он нарочно старался остаться инкогнито. Прямо перед нами за

другими решетками находились Принцесса крови и придворные дамы Императрицы. Я заметил, что кое-где между тростником в решетке были проложены кусочки бумаги, чтобы расширить щели, для лучшего обозрения. Я насчитал около тридцати таких бумажек и пришел к выводу, что такое же количество людей сидели за решетками... После того, как мы на японский манер выразили свое почтение, кланяясь до земли той части решетки, за которой находился Император, нам велели сесть. Главный переводчик сел чуть впереди, чтобы лучше слышать, а мы оказались слева от него, расположившись в ряд".

(В описании Э. Кэмпфэра речь все время идет о сёгуне. В сохранившихся свидетельствах европейцев XIX в. часто встречается смешение понятий сёгуна и Императора; возможно, это связано не только с незнанием системы власти, но и с тем, что именно сёгун воспринимался как правитель страны.)

В дальнейшей беседе слова сёгуна были обращены к Главе Государственного Совета, который повторял их переводчику, а тот переводил гостям. Кэмпфэр замечает:

"Меня удивляло, что слова Императора, по мере того, как они вылетали из его уст, почитались слишком драгоценными и священными, чтобы сразу вкладывать их в уста людей низшего ранга.

После вопросов о том, что происходит в мире и вопросов на медицинские темы, сёгун приказал иностранцам снять наши плащи, которые мы одевали во время церемоний, потом встать, чтобы он мог нас увидеть во весь рост; снова пройтись, по-

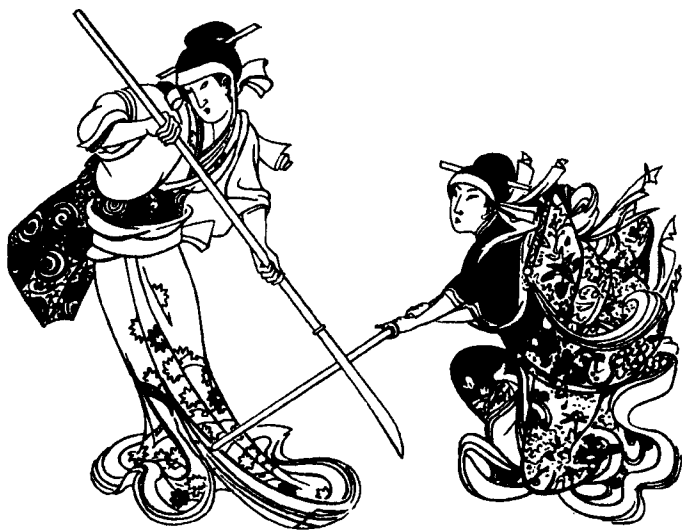
стоять смирно, поблагодарить друг друга, потанцевать, попрыгать, изобразить пьяных, поговорить на ломаном японском, почитать по-голландски, порисовать, спеть, одеть наши плащи и опять снять. Пока мы подчинялись командам Императора, стараясь делать все как можно лучше, я, танцуя, исполнил любовный романс на старом немецком. Таким образом, исполняя бесчисленные обезьяньи трюки, нам пришлось вносить свою лепту в развлечение придворных... После того, как мы с напускной любезностью потрудились так примерно часа два, вошли несколько слуг и поставили перед каждым из нас маленький столик с японской едой и парой палочек из слоновой кости вместо ножей и вилок. Мы съели по несколько маленьких кусочков, а нашему старенькому переводчику, который едва мог ходить, приказали взять остатки для себя."

Кэмпфэр был опытным наблюдателем, и можно не сомневаться в точности его описаний. Возможно, что циновки убрали из-под ног голландцев, потому что они были в обуви. Японцы всегда оставляли свою обувь у порога и входили босиком или в *таби*, в носках, прошитых между большим пальцем и остальными, но это в том случае, если они не выполняли срочную официальную миссию, например, пришли произвести арест. Тогда они входили в помещение, не снимая обуви, увеличивая таким образом психологический шок от своего вторжения.

Получается, что Кэмпфэр во время своего неофициального визита проник в полусекретные по-

кои для членов семьи сёгуна, а всего в замке Эдо было три помещения: "переднее" помещение, где занимались делами, "средние" покои, о которых и шла речь, и "великие" покои, где жили женщины. Расположение последних, как полагают, сделали по образцу покоев китайского двора. В "великие" покои допускались только очень немногие мужчины - сам сёгун, некоторые высшие советники, врачи и монахи. Как и другие члены общества, женщины также подразделялись на ранги, иерархия ревностно соблюдалась, и при необходимости, женщины могли даже вступить в бой, ведь их обучали обращению с алебардами. Придворных дам набирали из дочерей вассалов и начинали обучать примерно с 12 лет. Служить при дворе считалось большой честью и, как правило, женщины оставались при дворе всю жизнь. Время от времени сёгун мог отпустить наложницу, если она ему надоедала, выдавая ее замуж за одного из своих вассалов. С другой стороны он мог взять какую-нибудь красавицу по возрасту старше, чем было принято.

У сёгуна была супруга (Кэмпфэр называет ее Императрицей), на которой он, как правило, женился по политическим соображениям, но никто и не ждал, что у него не будет других женщин. Рассказывают, что Иэнари, одиннадцатый сёгун (1787-1838), имел 15 наложниц и 24 менее постоянных партнерш. Если сёгун выбирал девушку на ночь, то он обычно спрашивал у одной из старших жен: "Как зовут ту девушку?" - и подготовка к ночи начиналась.

Придворные дамы упражняются во владении алебардами

Очень много времени тратили женщины на одевание и макияж, потому что их одежда и внешность при исполнении разных обязанностей во время посещения своего повелителя определялись строгими правилами этикета. Женщины должны были владеть такими искусствами, как аранжировка цветов, чайная церемония, искусство различать благовония, но было и свободное время: игры в поэтические карты или гуляния в саду Замка во время цветения вишни. Скужающие женщины раз-

Туалет придворных дам

влекались тем, что склочничали, злословили и ревновали. Время от времени раскрывались придворные интриги, одну из которых стоит вспомнить, из-за того, что она проливает свет на образ жизни дам из дома Токугава. Одна из наложниц дома Токугава по имени Эдзима занимала высокое положение. В ее обязанности входило общение с купцами, поставлявшими товары сёгуну. Непосредственно или через посредничество врача Замка она сблизилась с купцами, которые хотели войти в привилегированный круг, и, чтобы расположить ее, пригласили в театр Накамура, где представили одному из актеров, Икусима.

Разные источники дают различные подробности этой истории - возможно, она тайком провела актера в свою комнату в Замке, но, так или иначе, они вступили в любовную связь, причем на Икусиму повлияла скорее большая взятка, полученная им от купцов, чем чувства. Молодых людей увидели, о них донесли начальству, и в 1714 году Эдзиму отправили в ссылку (наказание могло бы быть хуже, если бы за нее не вступилась фаворитка сёгуна). Неудачливого любовника Икусиму и других участников труппы выслали из Эдо. Брата Эдзимы приговорили к смерти, не потому, что он имел какое-то отношение к скандалу, а потому что семья должна отвечать за своих членов. Четыре театра в Эдо были тогда же закрыты, а театр Накамура был распущен навсегда. Самым неприятным в этой истории для правящих кругов было то, что в интимную жизнь сёгуна был допущен посторонний человек, а члены сословия *самураев* связались с купцами и брали у них деньги.

В сословии *самураев* неравенство между мужчиной и женщиной было гораздо глубже, чем в низших сословиях. Официальную жену всегда выбирали по политическим соображениям, а не по влечению сердца. Кстати, в различных сводах законов *самураев* записано, что к такому серьезному делу, как женитьба, нельзя относиться небрежно и нужно учитывать все обстоятельства. Чем беднее был *самурай*, тем чаще он вступал в брак по любви, а не по расчету, и тем лучше он относился к своей жене. Моральные устои, которых

нужно было придерживаться в браке той и другой стороне, сильно отличались: *самураи* требовали от жен супружеской верности, но сами, конечно, были освобождены от подобных обязательств. Любовница или наложница не могли стать законной супругой, правда, некоторые *самураи* привязывались к любовницам до такой степени, что готовы были на них жениться.

Каждая женщина должна была быть преданной своему отцу, мужу, старшему сыну, и еще жене и дочери хозяина и своей свекрови. Для дочерей самураев не было школ, их обучали дома. Плохо образованную жену муж мог выгнать из дома, и это побуждало женщин старательно учиться. От окружающих они учились навыкам ведения домашнего хозяйства, учились быть хорошими женами. Приходящие преподаватели обучали их грациозному исполнению традиционных ритуалов, таких, как аранжировка цветов, чайная церемония, а еще танцам, пению, игре на *кото* (разновидность цитры). Они учились писать нестрогим японским стилем, а не уставными китайскими иероглифами, читать классические японские романы и стихи, например, известный роман о любви под названием "Повесть о принце Гэндзи", написанный в XI веке. Этот роман, правда, моралисты того времени осуждали за безнравственное содержание (теперь эту вещь считают шедевром японской литературы).

Мальчиков воспитывали по-другому, но прежде чем приступить к рассказу о школах, нужно рас-

сказать немного о природе японского языка и его связи с китайским. Японский язык по лексике и грамматике весьма отличается от китайского языка, но своей письменности до определенного исторического периода не имел. В VI и VII столетии китайский язык был привнесен в Японию вместе с другими элементами китайской цивилизации и буддийской религией. Позже китайские иероглифы стали использовать в японской письменности. Однако китайский язык не имеет изменяемых окончаний в словах, поэтому для записи китайских слов подходят неизменные по форме иероглифы. В то же время японский язык имеет изменяемые окончания, и чтобы их обозначить (наряду с характерными только для японского языка служебными словами) приходилось использовать китайские иероглифы по их звучанию вне зависимости от их значения. Таким образом китайские иероглифы в японских текстах стали использовать двояко: по их значению для обозначения знаменательных слов и по их звучанию (вне зависимости от значения) для обозначения служебных слов и грамматических окончаний. Постепенно иероглифы, используемые фонетически, в написании упрощались и на их основе были созданы японские азбуки. По-японски старались писать в основном скорописью, используя сокращенные и видоизмененные формы иероглифов, по-китайски же писали, используя уставные формы иероглифов.

Одной из целей школ для мальчиков из самурайских семей было научить их читать китайские тек-

сты, используя правила грамматики японского языка. Поскольку порядок слов в китайском и японском предложениях различается читать по-японски иероглифы в китайском тексте приходилось в ином порядке, чем они там появлялись, добавляя характерные для японской грамматики окончания, т.е. так, чтобы текст звучал по-японски. Тексты были из китайской классики и конфуцианских сочинений. Их содержание и формировало типичное *самурайское* сознание, к этому добавлялось чувство почтительности к вышестоящим, необходимость соблюдения церемоний, и сильное чувство превосходства по отношению ко всем лицам неса-

Японский и китайский стиль письма. Обе надписи одинаково гласят: "Написано Фудзивара Мицусигэ", (а) - японским стилем, (б) - уставным китайским стилем.

(а)

(б)

мурайского сословия. Большое значение придавали обучению каллиграфии. Учили также правилам этикета, поведению в присутствии вышестоящих, поведению за столом и, конечно, владению оружием.

Во многих поместьях были школы, которые посещали все, кроме сыновей высокопоставленных *самураев*, таких как *даймё* и самого *сёгуна* - для них обучение было частным. В одних школах посещение занятий было обязательным, в других - нет. Обучение начиналось с шести лет и могло продолжаться до тридцати, если ученик был способным. К этому времени он уже сам обучал младших мальчиков. Однако, основное обучение вели профессиональные учителя. Общая схема была такова - короткие индивидуальные занятия или тестирования сменялись серьезной подготовкой и тренингом. Читался также курс лекций по общим дисциплинам. Школа преследовала одну цель - не уронить достоинства ученика в присутствии товарищей, которые могли занимать более низкое социальное положение. Хотя ученики сдавали экзамены, и те, кто сдавал их успешно, получали награду, учителя старались не поощрять конкуренцию, стремление к ней считалось нежелательным в людях, которые должны были жить в строгом сословном обществе. Заметим, что мальчики действительно хорошо учились в школе, потому что им нравилось заниматься и получать награды. Никакой материальной выгоды они не имели, ибо маловероятно, что неспособность и невежество ли-

шили бы их хорошего места, поскольку имевшиеся у правительства оплачиваемые должности не предназначались для тех, кто не был вне вассальных отношений с местным феодалом. Хуже было женщинам, которые могли быть отвергнуты мужьями, если не отвечали их требованиям. В этой связи они, несмотря на отсутствие школ, должны были хорошо изучать свои обязанности.

Начиная обучение так рано, *самураи* прививали детям преданность, уважение к начальству, учили их достоинству и соблюдению приличий, учили судить о поведении человека по моральным стандартам и ни в коем случае - по успеху в обществе, справедливо относиться к тем, кто стоит ниже. Многие из учеников впоследствии преуспевали на службе, осмотрительно принимая решения, и приобретая хорошие навыки административной работы (что оказалось полезным в 60-е годы XIX столетия, когда многие бывшие *самураи* начали преобразование Японии). Вместе с тем высокое сословное самосознание и уверенность в том, что они занимают высшую ступень в обществе, сделали из них самых упрямых и непреклонных людей, которых когда-либо знал мир. Когда их предки сражались в гражданских войнах еще до XVII столетия, они стремились стать умелыми солдатами, которые понимали, что чем больше голов они снесут на поле битвы, тем больше наград получат от генерала, при условии что победят и сами останутся живы. Их потомки, жившие в период правления дома Токугава знали, что их статус не изменится, но были

вынуждены каждый раз подчеркивать свое положение перед начальством и нижестоящими. Для этого в частности использовали лексику, которая показывала наличие или отсутствие уважения. Даже сегодня в Японии, говоря с респектабельными или с бедными людьми, используют разностильную речь. *Самурай* в разговоре с нижестоящими безусловно использовал стиль, подчеркивающий его превосходство и их низкое положение.

Именно постоянный страх перед *самураями* заставлял простолюдинов ставить их в обществе на незаслуженно высокое место. *Самураи* относились к ним, в свою очередь, презрительно. Именно этим объясняется стремительная походка *самураев*, высокомерный взгляд, который сметал все на своем пути. Надменность подкреплялась мечом, которым *самураи* пользовались немного реже, чем показывают в современных фильмах, но все равно им принадлежало самое страшное когда-либо изобретенное режущее оружие. Меч, с острым как бритва лезвием, был очень тяжелым. И простолюдин знал, что дерзить *самураю* нельзя, а то заплатить жизнью. Помимо других привилегий *самураи* были единственными людьми, имевшими два имени - родовое имя своей семьи и свое собственное. Всеми доступными средствами подчеркивалось привилегированное положение *самураев* в обществе, в котором существовала пропасть между ними с одной стороны и всеми остальными - крестьянами, купцами и мастеровыми - с другой.

КРЕСТЬЯНЕ

Основным, но далеко не единственным занятием крестьян было выращивание риса для *самураев*. В Японии рис растет на абсолютно ровных полях, которые в нужный момент заливаются водой. Поля окружены низкими дамбами, чтобы удерживать воду. Обычно они маленькие, но в окрестностях Токио, Нагои и вокруг Нары поля довольно больших размеров и очень правильной формы. Самые типичные рисовые поля расположены вверх по долине. На террасах, вырубленных на склонах холмов, они принимают разную форму, в зависимости от ландшафта. Так как в старые времена земельные угодья всех трех островов Японии (не считая Хоккайдо) находились в частных владениях, то рис выращивали по всей стране, хотя были и такие места, где климат усложнял этот процесс. В традиционной крестьянской деревне кроме рисовых полей, расположенных в низине, обрабатывались и сухие поля, с которых собирали урожай пшеницы, проса и других зерновых культур, а также льна, табака, конопли и сладкого картофеля (батата). Были также и участки, на которых росли апельсины, виноград, шелковица, чай, бамбук. На этих же участках росли плодовые деревья - айва, слива, персик. Бобы выращивали прямо на дамбах между полями. В районах с более благоприятным климатом рис сажали на полях, с которых уже собирали урожай (например, после рапса, который выращивали только для получения рап-

сового масла). Жизнь в деревне, особенно на севере страны, зависела главным образом, от смены времен года, которые в большинстве районов Японии четко отличаются друг от друга. Японцы очень тонко чувствуют природу и чутко реагируют на смену времен года, наверное, поэтому эти две темы постоянно звучат в японской поэзии. Мягкая весна с ее туманами приносит цветение сливы, а потом вишни; ее нежные дожди дарят природе обновление, о котором она возвещает молодыми зелеными листьями. Чуть позже, когда вишни теряют свой цвет, появляется легкий налет грусти, напоминая о том, что как лепестки вишен разносятся мягким ветерком, так и человеческая жизнь медленно движется к закату. А лето, несмотря на то, что это идеальное время для выращивания риса, совсем не поэтичное время года. Лето с его жарой и духотой, с сильными дождями и тайфунами нужно перетерпеть, им нельзя наслаждаться. Осень, напротив, приносит отдохновение после жары и влаги, она приносит облегчение. Это, конечно, время сбора урожая, но это также и время перемен, которые видны повсюду и подобны росе, появляющейся и исчезающей на красном кленовом листе. Осень - самая любимая тема в японской поэзии. Хотя зима в Японии короткая и на юге довольно сухая, деревня в это время года целиком покрыта снегом, и всю зиму японцы мужественно сражаются с холодом, ведь их дома плохо от него защищены.

Тем не менее, погода всегда на стороне крестьянина, несмотря на свои "недостатки", она вполне предсказуема и не мешает работать. Конечно, это вовсе не означало, что время от времени не бывало засушливых лет, а предугадать появление тайфунов в конце лета было и вовсе трудно. Для того, чтобы вырастить рис, прежде всего нужно было в мае подготовить грядку. По разным причинам рис не высевали сразу в поле, а рассаду сначала про-reживали на грядке, чтобы потом пересадить в поле. Пользуясь таким методом, экономили зерно, за рассадой на маленькой грядке было легко ухаживать, а урожаю на основном поле, куда потом пересаживали рис, оставалось больше времени для созревания. Грядку под семена вспахивали на лошадях в восточных районах Японии или на быках - в западных. Если скота не было, вска-

Пахота

Различные способы подъёма воды

Замачивание риса перед посевом. За домом земледельца - небольшая бамбуковая роща.

пывали вручную, добавляли удобрение и разравнивали. Вода на поля поступала сама по системе бамбуковых труб и шлюзов, или в низинах подавалась с помощью механических устройств. Если скорость потока была достаточно большой, то использовались водяные колеса, если же скорость была маленькой, то - колеса с лопастями или другие устройства. Зерно, оставшееся от прошлогоднего урожая, часто проращивали перед посевом; в соломенных тюках опускали в пруд, чтобы хоро-

Сев риса. Грядка разделена натянутым шнуром, чтобы сеять рис ровными рядами.

шенько намочить, а потом рассыпали на солнце. Затем зерно разбрасывали по грядке, стоя на дамбе, и засыпали землей. Через сорок дней, когда ростки достигали 12 дюймов в высоту, рассаду высаживали в поле.

Основные поля вспахивали или вскапывали вручную, чтобы убрать сухие прошлогодние стебли, избавиться от сорняков, внести удобрения, золу, и так далее. Если поле было сухое, то все эти работы проводили перед тем, как подавали на него воду, но в любом случае перед посадкой поля обязательно затапливали. Высаживание рассады на поля было одним из самых важных событий в году, в котором обычно принимала участие вся деревня. Высаживали рассаду молодые женщины, отчасти из-за того, что были проворнее, а отчасти потому, что традиционно считалось, что женщина, кото-

Высадка рисовой рассады. Мужчины подносят рассаду с грядок, а девушки высаживают ее.

рая дает жизнь ребенку, поможет и рису подняться и вырасти. Они работали, выстроившись в одну линию поперек поля и двигаясь спиной, или лицом. Растения высаживали в мягкую грязь с равными промежутками. Более опытные работники осторожно переносили растения с грядок, чтобы не повредить корни. Их связывали в пучки, которые потом разбрасывали на поле. В посевную хозяин поля должен был накормить людей, и поэтому на рисунках, изображающих посадку риса, почти всегда видна фигурка девушки, разносящей

еду или прохладительные напитки. Труд был тяжелый, приходилось работать наклонившись, быстро, в одном ритме и не прерываясь. Очень часто прямо на дамбе пели песни под музыку и танцевали, чтобы сделать работу менее утомительной, задать ей ритм, ну и конечно, отпраздновать закладку нового урожая. Вот посадка риса закончена, и поля принимают необычайный вид: в воде, покрывающей их, отражается небо и чуть-чуть видны зеленые побеги риса. Они медленно растут до тех пор, пока все поле не становится светло-зеленого цвета, а вода не скроется под растениями и водорослями. У лягушек в полях начинается брачный период, и воздух наполнен их кваканьем. Теперь, чтобы сохранить растения, нужно прорыхлить землю в междурядьях, укрепить дамбы, чтобы они не осыпались, следить за уровнем воды на полях. Это время, когда возникают споры по поводу воды, особенно, если было мало дождей. Какой-нибудь крестьянин обязательно пытается отвести воду на свое поле или пустить ее с верхнего поля, и это приводит к взаимным упрекам и оскорблениям. Вообще говоря, после посадки рис не требует ухода до самого сбора урожая. Но бывали годы, когда на растения нападали вредители, и тогда в некоторых районах урожай был почти полностью уничтожен. Это могло произойти в конце июля, поэтому именно этот период вызывал много волнений. Боролись с вредителями по-разному: растения окуривали дымом, а крылатых насекомых, снимали вручную. Один очень эффективный способ защи-

ты от насекомых был придуман, по всей видимости, на острове Кюсю: молодые растения опыляли подогретой смесью китового жира с уксусом. Этим средством стали пользоваться по всей Японии, заменяя китовой жир любым другим. Опрыскивали растения, окуная в раствор соломенные веники. Чтобы избавиться от вредителей, использовали и разные магические способы. В этом случае крес-

Процессия деревенских жителей с факелами, которые несут изображение Санзмори, бьют в барабаны, звенят колокольчиками, трубят в раковины. Процессия продвигается к храму.

тяне устраивали вокруг полей шествие и несли соломенные изображения гусениц, от которых страдает урожай, или фигурки злого и доброго духов. У доброго духа просили, чтобы он забрал насекомых с поля. При этом несли еще и горящие факелы, звенели колокольчиками и били в барабаны. Все чучела бросали в реку, сжигали, или избавлялись от них по-другому. Изображения людей часто называли Санэмори, по имени воина, который погиб в гражданской войне в XII столетии. К богам обращались всегда, когда наступала сушь, тогда молились и просили богов дать дождь, или ублажали злых духов, которые его задерживали. В конце августа или в сентябре рис начинал цвес-

Прочесывание риса. Два способа обмолачивания колосьев.

ти, и уже в октябре или в начале ноября можно было собирать урожай. Обычно зима наступает в Японии в конце декабря, поэтому ноябрь - еще осенний месяц с хорошей погодой, разноцветными листьями на деревьях и без морозов, которые могут погубить урожай. Осенью во время сбора урожая вода на полях испарялась или ее отводили, и земля оставалась твердой, когда начиналась жатва. Убирали урожай вручную, серпом, срезая растения под самый корень; потом вязали пучки или маленькие снопы, которые складывали в скирды или вешали вниз колосьями на веревках, натянутых между деревьями, для просушки. В начале периода правления дома Токутава зерно молотили, протаскивая растения между двумя палками или били снопами по краю открытой бадьи. Позже появилась машина с зубьями, сквозь которые и протаскивали пучки, отделяя зерно. Молотилки, как на Западе, в виде длинных шестов, к концам которых прикреплялись на петлях деревяшки, существовали в то время и в Японии, но ими пользовались для обмолачивания ячменя или пшеницы, а не риса. Затем обмолоченное рисовое зерно веяли, зачерпывая его плоскими корзинами и подбрасывая в воздух. В корзинах оставался коричневый рис в шелухе, который называли *гэммай*, или "темный рис". На этой стадии отбирали зерно для будущего урожая. Большую часть зерна, отобранного вручную, упаковывали в тюки-бочонки из двойного слоя рисовой соломы, чтобы не просыпался, и отправляли *самураю*.

Молотьба. Снопы несут, везут на волах и развешивают для просушки. Некоторые снопы молотят цепями, женщины собирают зерно. Под навесом двое мужчин работают на установке, которая отделяет зерно от шелухи.

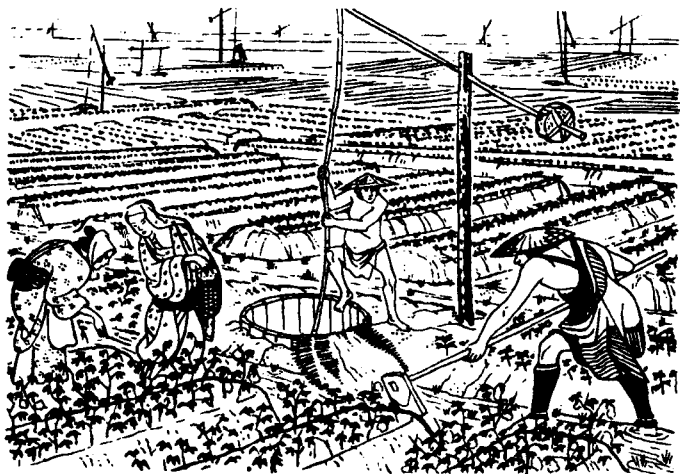
Другие культуры высаживали или на специальных угодьях вокруг рисовых полей, или на высоких грядках. Кроме риса выращивали зерно, очень напоминающее современную пшеницу, и ячмень (их использовали как дополнение к рису, и для производства некоторых продуктов, например, соевого соуса). Хлеб был известен только в Нагасаки, где из пшеничной муки делали *касутэра*, бисквит,

рецепт которого, похоже, завезли португальцы. Кроме риса использовали еще и просо для пирогов и пудингов, а из гречки делали лапшу. Выращивали все эти культуры в промежутках между работой на рисовых полях. Все эти дополнительные культуры удобряли человеческими экскрементами и уриной, их вычерпывали из больших чанов, зарытых в землю под отхожими местами. Эта операция была особенно трудоемкой в городах, где все отходы загружали в специальные контейнеры и переправляли к месту назначения. За городом, где приходилось переправлять эти удобрения на более короткие расстояния, их можно было нести в деревянных бадьях на шестах. Вдоль дорог, проходящих через деревни, для путников устраивались отхожие места с чанами, врытыми в землю, чтобы и здесь ничего не пропадало зря. Удобрение разводили водой и поливали возделываемые культуры. Запах приходилось терпеть, но более серьезным последствием использования этих удобрений были инвазионные заболевания (в частности глисты). Общей практики внесения этих удобрений под рис не существовало, но в зависимости от местных условий их иногда использовали в растворенном виде. Из фруктов выращивали сливы, которые в основном мариновали, груши (крутые и жесткие), апельсины (похожие на мандарины - микан). Как правило, занимались этим в крестьянских хозяйствах, но, например, в провинции Кии и на Кюсю, апельсины и виноград выращивали на продажу на специально отведенных плантациях.

Чай собирали с нескольких кустов, растущих вокруг хозяйства, но были и чайные плантации, расположенные в Удзи к югу от Киото. Местами выращивали на продажу и овощи - гигантскую редиску и корни лотоса, а в лесах собирали грибы, дикие ягоды, лекарственные травы, так, большим деликатесом считались первые побеги солодки.

В некоторых районах возделывали технические культуры. Например, на северо-западном побережье острова Сикоку, в провинции Ава выращивали индиго, который использовали в красильном деле. Это растение высаживали на грядки и убирали до начала цветения. Затем его мелко резали, сушили на солнце, заливали небольшим количеством воды и давали перебродить. Далее его рассыпали на земле и скатывали в шары, в виде которых индиго и продавали.

Конопля, из которой ткали материю для шитья верхней одежды (например, *хакама*), росла повсюду, особенно в районах с более суровым климатом. Где-то в конце шестнадцатого столетия японцы начали выращивать хлопок, хотя в течение нескольких столетий его ввозили из Китая. Эта культура требовала хорошего ухода, ее нужно было обильно поливать, но после цветения хлопок хорошо рос только в сухом климате, это условие соблюдалось только на побережье Внутреннего Японского моря, и большие урожаи собирали в основном в районах Осаки. Часто хлопок выращивали вместе с рисом, иногда его высаживали после сбора риса, когда поля были сухие, а иногда на высоких

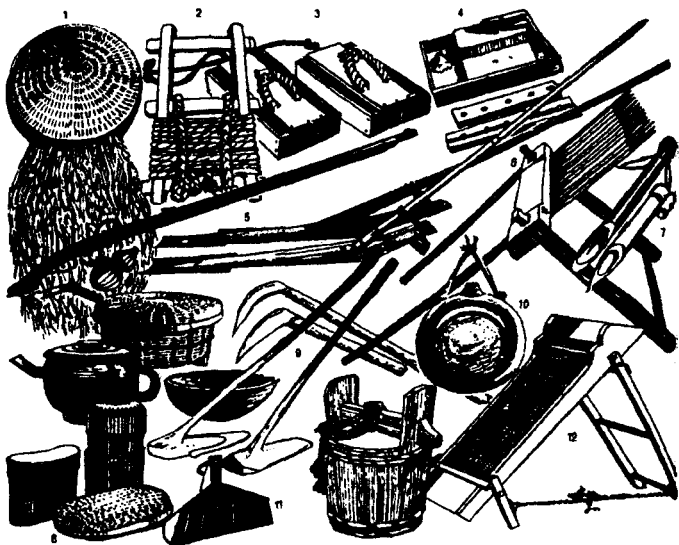

Растущий хлопок требует много влаги, и на полях видны колодцы

грядках между рисовыми полями. Собирали хлопок обычно женщины. Одевались крестьяне в то время в одежду, сделанную из конопли и хлопка, поэтому основную часть урожая выращивали для себя. Прядение и ткачество были самыми обычными занятиями для крестьянских женщин.

Третьим наиболее распространенным материалом был шелк, хотя крестьянам не позволяли его носить. В крестьянских домах на верхних этажах были специальные комнаты, где выращивали гусениц шелкопряда, которые и давали шелковую нить. Гораздо реже шелковую нить разматывали

из коконов шелкопряда, которые собирали на деревьях. Это производство существовало, в основном, на острове Хонсю. Яйца, которые откладывали бабочки, держали зимой в холодном месте, прямо на тех же листах бумаги, где бабочки их отложили прошлым летом. Шелковицу, листьями которой питались гусеницы шелкопряда, каждый год срубали почти до основания, чтобы весной она покрывалась молодыми побегами, а к середине мая все дерево было в зеленых, сочных листьях. Как только деревья начинали зеленеть, сам крестьянин или его жена переносили листы бумаги с яйцами гусениц из холодного помещения в специальные комнаты, где они сушились на свежем воздухе без доступа солнечных лучей. Когда появлялись гусеницы, их пересаживали вручную на грядки из измельченных листьев. Измельченные листья рассыпали на листе бумаги, в котором делали дырки, и покрывали им яйца, а гусеницы через дырки попадали на листья. Хозяева следили, чтобы листья были свежими и чистыми. Гусеницы ели свой корм пять раз в день, и грядки чистили, по крайней мере, один раз за это время. Выкармливание гусениц продолжалось чуть больше месяца, за это время гусеницы успевали четыре раза сбросить шкурку, а потом образовывали кокон и прикреплялись к веточкам или соломе, которую им подкладывали. Чтобы образовать кокон, гусеницам нужно было три или четыре дня и еще около недели кокон созревал. После этого кокон покрывался паутиной, которую нельзя было смотать

Инвентарь земледельца: (1) соломенная шляпа и дождевик; (2) каркас для переноски на спине тяжестей; (3) обувь для ходьбы по рисовому полю; (4) приспособление для резки табака; (5) ручной плуг, подталкиваемый ногой; (6) устройство для прочесывания риса; (7) бамбуковые трубки для проверки тюков с рисом; (8) коробки для хранения пищи; (9) мотыги и серпы; (10) емкость для воды; (11) пугало; (12) сетка для просеивания риса. Остальные предметы легко узнаваемы.

в одну нить, и ее использовали, как подкладку для стеганой одежды. Один кокон мог дать нить примерно 500 ярдов длиной. Лучшие коконы отбира-

ли для разведения, гусеницы росли, выползали из коконов и откладывали яйца на следующий сезон. Когда гусеницы выбираются наружу, они рвут шелковую оболочку, поэтому в тех коконах, шелковую нить которых крестьяне собирались использовать, гусениц убивали, оставляя коконы на солнце или погружая их в горячую воду. Прежде чем начать намотку нити, коконы вымачивали в теплой воде, чтобы найти конец нити. Разные виды пряжи использовали для производства нескольких сортов ткани. Ухаживали за гусеницами шелкопряда обычно женщины, и это был тяжелый труд. Зажиточные крестьяне, как правило, никогда не выбрасывали коконы, даже если они получались плохой формы или были больны, и нить с них сматывалась с трудом. Эту некачественную нить тоже можно было использовать. На всех работах, о которых речь шла выше, крестьяне были заняты летом. С ноября по апрель земледельческие работы прекращались и крестьяне занимались обычными домашними делами. Собирали сухие листья и ветки на топливо, заготавливали корм для скота, ремонтировали старый инвентарь, делали новый. Основными занятиями в это время были прядение и ткачество, другие ремесла, а также изготовление сакэ - рисовой водки, которую пили на праздники.

Ихара Сайкаку, писатель восемнадцатого века, написал рассказ "Сокровищница японской семьи" о зажиточном крестьянине. Образ крестьянина, конечно, идеализирован, и то, что делает этот чело-

век, в принципе не под силу одному, но рассказ повествует о том, как добродетель вознаграждается. Вот пересказ первой части этой небольшой сказки.

"Жил-был бедный крестьянин по имени Кускэ, который влачил жалкое существование в деревне Асахи в Ямато. Он сам пахал землю, потому что у него не было быка, а его жена с рассвета до заката ткала конопляное полотно. Каждую осень вот уже много лет, он отдавал налог в размере одной и двух десятых коку. Как и все жители деревни, Кускэ вешал на маленькие окошки своего домика сардиньи головы и ветки остролиста, бросал бобы, чтобы отвести нечистую силу. Но однажды, он собрал брошенные бобы и посадил один боб на бросовой земле. Летом на этом месте выросло много стеблей с зелеными листьями, а осенью с них собрали две горсти бобов. Крестьянин посадил их вдоль каналов с водой между рисовыми плантациями и каждый год получал хороший урожай. Через десять лет он собрал уже 88 коку. На вырученные деньги крестьянин поставил большой фонарь, который освещал проезжую дорогу, этот фонарь все еще стоит и его называют "бобовым фонарем". Постепенно деньги копились, но Кускэ продолжал работать, вкладывая в работу всю душу и его хозяйство процветало. Он купил еще земли, чтобы сажать на ней рис и выращивать другие культуры, и со временем стал богатым. Кускэ был очень изобретательным человеком и много сделал для людей. Это он изобрел грабли с железными зу-

бьями, которыми легко было рыхлить землю. Это он придумал веялку и приспособление для просеивания зерна. Молотить зерно вручную было очень трудно, и крестьянин изобрел приспособление из бамбуковых палок, с помощью которого теперь один человек мог без особых усилий работать вместо двоих.

Кускэ придумал такое устройство, с помощью которого женщины могли подготовить во много раз больше хлопка для прядения, чем раньше. Он покупал горы белоснежного хлопка, нанимал рабочих и отсылал в Эдо бесчисленные тюки. За четыре или пять лет он скопил большое состояние и стал одним из самых заметных поставщиков хлопка в своей провинции".

Власти, конечно, хвалили Кускэ, приводили в пример его трудолюбие и постоянную заботу о благе общины, но все-таки их презрительное отношение к основной части населения выразилось в указе, изданном для крестьян в 1649 году (отрывки из указа процитированы Дж. Сэнсомом "История Японии 1615-1867", Лондон, 1964):

"Крестьянские работы должны выполняться с очень большим усердием. Сажать нужно аккуратно, все сорняки необходимо убирать, а на разделах между сухими и заполненными водой полями следует выращивать бобы или другие культуры, каким бы малым ни было пространство.

Крестьяне должны вставать рано и перед работой в поле накосить травы. По вечерам им надлежит плести из соломы веревки и сумки, причем все нужно делать очень аккуратно.

Ни крестьяне, ни их жены не имеют права покупать чай или сакэ. Крестьяне должны высаживать бамбук или деревья вокруг дома, а опавшие листья использовать как топливо.

Крестьянам необходимо быть предусмотрительными. Поэтому целесообразно не кормить рисом жен и детей во время сбора урожая, а оставлять его на будущее. Вместо риса следует питаться просом, овощами и другой грубой пищей. Листья, упавшие с дерева, нужно собирать, чтобы использовать в пищу в случае голода. Во время сева и сбора урожая, когда крестьяне много работают, питаться нужно лучше, чем обычно.

Муж должен работать в поле, а жена - дома, на ткацком станке. Ночью тоже необходимо работать. Если жена пренебрегает своими обязанностями домохозяйки и часто пьет чай или гуляет по окрестностям, то какой бы красавицей она ни была, с ней надо развестись. Крестьяне должны носить одежду только из хлопка или конопли, но не из шелка. Им запрещается курить табак, потому что это вредно для здоровья, отнимает время и стоит денег. А еще это может вызвать пожар".

Крестьянская одежда из хлопка и конопли отличалась от района к району, своеобразие ей придавал носивший ее человек, но, однако, можно выделить и общие черты. Длинное кимоно носили и мужчины и женщины, особенно во время праздников. Женщины могли носить его и дома зимой, когда на улице было мало работы, мужчины же могли одевать его на работу, подвязывая длин-

ный подол узким поясом, чтобы не мешал движению. Рабочая одежда состояла обычно из короткой куртки и штанов. В некоторых районах женщины носили просторные шаровары, затянутые на щиколотках, а в других - облегающие бриджи, как и мужчины, но только с фартуком. Как мужчины, так и женщины одевали пояса примерно пяти дюймов шириной. В жаркую погоду мужчины снимали куртки и работали раздетые до пояса или оставались лишь в набедренной повязке. Обычно повязки шили из белого хлопка, но они могли быть и красными, этот цвет, по поверью, отгонял злых духов. Нижним бельем у женщин служили короткие рубашки, но женщины даже в жаркую погоду могли только немного ослабить пояс, чтобы дать доступ воздуху.

Одежду для холодной погоды дополняли краги и что-то типа нарукавников ниже локтя с большими клапанами, закрывающими кисти рук. На ноги надевали соломенные сандалии, а в грязь или в снег деревянные сандалии (*гэта*) на высоких деревянных подставках. Зимой на севере и востоке страны выпадало несколько футов снега, и поэтому приходилось носить ботинки-снегоходы из соломы или туфли-снегоходы, по форме напоминающие ласты, или даже примитивные лыжи. Такую же обувь одевали на ноги и когда работали на рисовых полях, уже залитых водой, чтобы не проваливаться глубоко в грязь. Иногда по полям удобнее было плыть на плоскодонке, высаживая рассаду. Чтобы уберечься от дождя и снега, носили одеж-

Женское нижнее белье. Собирательница устриц выжимает подол.

ду, сшитую из длинной соломы и заканчивающуюся на голове капюшоном, который служил также и для защиты от солнца. Плащи различались по фасону и отделке в зависимости от района.

Основной пищей для крестьянина и его семьи, как предписывалось указом, был не рис, сваренный на пару - им питались лишь самураи и богатые горожане, а что-то вроде каши, приготовленной в основном из проса, ячменя или пшеницы. Наряду с этим в пищу употребляли еще и зеленые овощи, редис, замаринованный в вине на рисовых отрубях, и фрукты, которые крестьянин не смог продать. Время от времени добавкой служила сушеная рыба (источник белка), которая придавала еде своеобразный аромат. Зимой рисовые поля привлекали диких птиц, и некоторые из них заканчивали свой путь в горшке с похлебкой, хотя по буддийским законам убивать было

запрещено. Свежая рыба была деликатесом. Японцы никогда не ели говядину и конину, хотя продавали шкуры, если скотина погибала. Запрет на говядину был одним из постулатов буддизма, уходящим своими корнями во времена священных коров в Индии. Однако крупный рогатый скот был необходим в качестве тягловой силы. Также велика была потребность в лошадях, которых использовали как вьючных животных для работы по хозяйству и в военных целях.

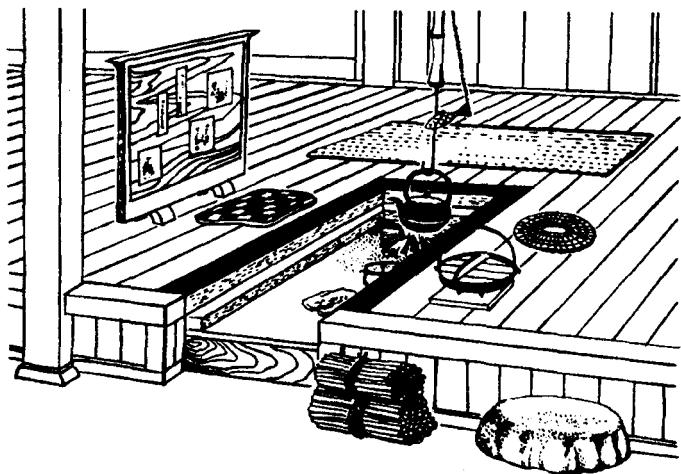

Деревенские дома с характерной формой крыши

Образ жизни крестьянской общины отражался и на архитектуре домов. Основа всех домов была деревянной, крыши покатые с большими навесами, чтобы стекала вода. Навес защищал веранду. Стены домов были часто раздвижными или съемными, чтобы проветривать комнаты жарким и влажным летом. Крышу делали из тростника или веток, иногда из

дранки или даже черепицы. Дома, как правило, были одноэтажными, но в местах, где разводили гусениц шелкопряда, под крышей часто был еще один этаж для "шелковой" комнаты. В Центральной Японии, например, в провинциях Хида и Эттю, семьи были больше, чем в других местах, потому что в семью входили и все дальние родственники. Здесь строили большие трех- или четырех-этажные дома с очень пологими крышами.

Японцы всегда очень заботились о чистоте и избегали любой грязи, поэтому в доме были места, где можно было ходить в уличной обуви, а где ее нужно было снимать. (Удар сандалией или *гэта* считался большим оскорблением). Земляной пол у входа или в помещении, где делали грязную работу, считался продолжением улицы. Для того, чтобы ступить на деревянный пол общей комнаты необходимо было снять уличную обувь и надеть приготовленные сандалии или *гэта*. Земляной пол часто шел через весь дом, причем правая половина дома отводилась под кладовую, или в более холодных районах - под конюшню. Перегородки между ней и остальным домом не было, чтобы зимой было удобно ухаживать за лошадью, не выходя из дома. В дальний конец дома, где хранился инвентарь и находилось помещение для мытья посуды и овощей, можно было попасть по тому же земляному полу. Воду для мытья наливали в деревянное корыто из ручья, текущего поблизости с помощью бамбуковой трубки, или носили ведра-

Типичный очаг. Позади места для гостя установлена ширма, защищающая от сквозняка. Хозяин дома сидит на прямоугольной циновке, жена - рядом с ним на круглой циновке. Справа что-то вроде круглой ступеньки, где снимают обувь.

ми. Иногда там помещалась печка, где варили зерно для еды.

В левой половине дома размещался очаг - важнейшее место в доме; он служил для обогрева, приготовления пищи, а также был местом, где ели все домочадцы. Помещение с земляным полом располагалось по фасаду дома, а за ним на рисунке видна деревянная обшивка жилой комнаты с очагом, расположенным в конце прохода. Печь топи-

ли дровами или сухими листьями и травой, а густой дым поднимался к крыше и выходил наружу через отверстия в ней.

Места у очага распределялись по старшинству. Глава дома, самый старший трудоспособный мужчина, сидел лицом к проходу, его жена - (скорее, стояла на коленях) справа от мужа лицом к черному входу в дом. Следующее по старшинству место было напротив жены - туда усаживали почетного гостя. (Если крестьянин был важным человеком, например, старостой в деревне, то позади места для гостя могла быть комната с отдельным входом. В ней принимали *самурая*, который приходил по делу; такой важный гость никогда бы не сел у очага, чтобы не уронить своего достоинства. Ему предлагали прохладительные напитки, правда, это вовсе не значило, что он соблаговолит их отве-дать). Если гостей не было, то это место занимал старший сын или муж старшей дочери. Остальные мужчины - члены семьи или наемные работники сидели где придется, напротив главы семьи, а женщины, включая жену старшего сына, готовили, подавали и уносили блюда, а перекусывали в помещении для мытья посуды или после того, как все остальные поедят. Если работы было много, то им приходилось довольствоваться едой, сидя на краю деревянной обшивки, чтобы не снимать уличной обуви. У очага стояла посуда: котел, ухват, железные полоски, которые служили щипцами. Над огнем был вбит крюк, на который вешали чайник или подходящих размеров котел. Их удер-

живала в одном положении защелка, которую часто делали в форме рыбы; считалось, что в этой рыбе жил дух семейного очага.

Обстановка в остальных помещениях в доме зависела от достатка. В жилой комнате лежали соломенные циновки или подушки, на которых сидели самые важные члены семьи. Если семья жила не за чертой бедности, то у жены могла быть своя маленькая комнатка с толстыми циновками на полу: на них было мягко сидеть и очень удобно спать. В семье могли жить и старики, по возрасту старше главы семьи, которые хотя и ушли от активной жизни, но все еще пользовались большим уважением. Они тоже могли иметь отдельные комнаты; в отдельной комнате жили иногда и старший сын с женой и детьми. В доме, который до сих пор сохранился в городе Такаяма в провинции Хида, такая комната была похожа, скорее, на большой шкаф под покатой крышей. Прислуга спала где придется. Кроватей, как в Китае или на Западе, здесь не было; японцы спали, (а многие и сейчас спят) на матрасах прямо на полу, по одному человеку, матрасов на двух человек не было. Маленькие дети спали вместе с матерью, пока не становились достаточно большими, чтобы иметь свой собственный матрац. Днем матрацы, которые были всего в дюйм или два толщиной, убрали в шкаф. Вместо подушек под шею подкладывали деревянные подголовники, иногда обитые чем-нибудь мягким. *Самураи* тоже спали на полу, только постельное белье у них было лучше. В богатых крес-

тьянских домах со множеством слуг, им отводились отдельные спальни. Так и младшие *самураи* в призамковых городах устраивали себе спальни на верхнем этаже больших сторожевых домов при въезде в замок.

Глава семьи считался, конечно, самым важным членом семьи, и все прочие прислушивались к его мнению. Кстати, жена могла иметь большое влияние на мужа, но пользовалась им незаметно и наедине. Женитьба детей из семей с достатком обычно совершалась после переговоров, которые вели посредники или благодетели, причем чувства молодых меньше всего принимались во внимание. Учитывались те выгоды, которые каждая семья получит в результате брачного союза. Невеста приносила с собой приданое и все "из нижнего ящика комода", то есть постельное белье и одежду. Свадьба благословлялась в процессе церемонии, вели которую благодетели, а состояла она в ритуальном обмене сосудами с *сакэ*. В семьях бедняков меньше всего обращали внимание на выгоды для семьи. Женитьба в таких семьях была более случайной, и все зависело от чувств молодых. В некоторых деревнях строили отдельные дома, где молодые люди могли жить, как в коммуне, иногда девушки и молодые люди жили вместе, и тогда одни сходились, другие расходились; постоянные отношения налаживались или по любви, или когда девушка ждала ребенка. В этом случае брак признавали только после рождения ребенка. Мужья очень легко избавлялись от жены, особенно если у нее

не было детей. Нужно было только отправить ее домой, к родителям, со всеми пожитками.

Молодая новобрачная вряд ли мечтала о том, чтобы жить в доме мужа, она просто выполняла свой долг. Многочисленные дела по хозяйству теперь вместо свекрови приходилось делать ей. Для свекрови наступала пора отдыха и возможность "поучить" невестку. А невестке часто приходилось, кроме утомительной работы по дому, расчесывать свекрови волосы, и делать массаж плеч, когда та жаловалась на усталость. Жена должна была ухаживать за мужем: приготовить ему что-нибудь вкусненькое, почистить уши и вымыть ноги, если он пришел домой после работы в плохую погоду. Рождение сына освобождало ее частично от тяжелой работы, но можно понять, с каким нетерпением ждала она того дня, когда тоже станет свекровью.

Право на землевладение передавалось обычно старшему сыну, а младшие сыновья часто оказывались ни с чем. Они работали на своих братьев, или нанимались на работу к другим хозяевам. Иным выходом был переезд в город. Если в семье не было сыновей, то в дом вводили зятя, то есть мужа старшей дочери. Фактически это означало, что семья получала приемного сына. В таком браке влияние мужа на жену было минимальным; как правило, принятый в семью зять не очень-то важничал.

В японских деревнях, как и в семьях, существовала четкая иерархия. В 1582-1598 годах Хидэёси

зарегистрировал всех землевладельцев, и когда к власти пришел Иэясу, он только продолжил регистрационные списки. Имена крестьян, которые были внесены в этот регистрационный лист, составили класс *хомбьякусё*, "подлинных крестьян". В основном это были потомки землевладельцев, которые сами отказались от меча и предпочли крестьянский труд. Самые богатые дома в деревне принадлежали *хомбьякусё*, именно они соблюдали все обычаи бракосочетания. Ниже стояли малоземельные или совсем безземельные крестьяне, они ютились в маленьких домиках или жили в домах своих работодателей. Безземельные бедняки зависели от своих хозяев, их имен не было в списках крестьян, облагаемых налогом; они не могли вступать в многочисленные группы, которые возникали в деревне. Однако, в такой упорядоченной стране, как Япония, бедняки тоже подлежали регистрации в монастырских списках. После запрещения в стране христианства каждая семья должна была зарегистрироваться в качестве прихожан того или иного буддийского храма. Кроме того, ежегодно каждая деревня должна была составлять списки своих жителей, включающие слуг и женщин, с указанием их вероисповедания. В этих списках также удостоверялось отсутствие христиан. Под списком стояли подписи настоятеля буддийского храма и старосты.

Каждый человек в деревне занимал свое определенное место. *Хомбьякусё* делились на группы по пять семей, и один из них назначался представи-

телем от всей группы. Группа отвечала за выплату налогов каждым ее членом, и в случае провинности одного из членов группы наказывали всех. Каждый год жители подписывали поручительство, в котором обещали не укрывать преступника. Все группы подчинялись старосте деревни, который представлял власть и отчитывался перед чиновником, контролирующим именно эту деревню. Должность старосты обычно передавалось по наследству, иногда старосту назначал феодал, а иногда - предыдущий староста. Бывали случаи, когда старосту выбирали главы всех семейств. Между членами группы из пяти семей и старостой имелись посредники - назначенные старостой, или выбранные главами этих пяти семей. Еще одно официальное лицо, известное как "крестьянский представитель", вел переговоры, передавал инструкции, а иногда выполнял роль полицейского при старосте. Староста часто принадлежал к одной из самых старых семей в данной местности, даже иногда к "основателям" этой деревни, в свое время поменявшим меч на плуг. Положение старосты, осуществлявшего посредничество между деревенскими жителями и представителями феодала, было незавидным. Иногда крестьяне считали его человеком феодала, а иногда он сам, рискуя жизнью, возглавлял недовольных, представляя их интересы. Случалось, что старосту казнили за преступления жителей его деревни.

Отношения между жителями одной деревни часто напоминали отношения между родителями и

детьми. Таким образом, хонбьякусё был не только отцом своих и приемных детей, но считался "отцом" своих слуг и безземельных наемных рабочих. Он, в свою очередь, мог рассчитывать на защиту и благодеяния своих "отцов" - главы пяти семей, старосты деревни и, в конце концов, феодала, но взамен он должен был поддерживать их, выполнять все их распоряжения, выказывать им всяческое уважение, а на Новый год преподносить подарки. У него были также сыновние обязанности по отношению к своим или приемным родителям, а также к посредникам на своей свадьбе.

Назначение на пост старосты подразумевало или освобождение его от налогов, или дополнительный доход с налогов, которыми облагалась вся деревня, но за это староста не только представлял деревню на любых переговорах, но и занимался всей бумажной работой. Ежегодные отчеты, такие как религиозный реестр и поручительства от групп из пяти семей, нужно было сдавать вовремя и записывать в двух экземплярах - один оставался у старосты, а другой отправляли в управление владением. Кроме этого были бумаги, которые нужно было заполнять по мере необходимости, например, когда через деревню следовал феодал, направляясь в Эдо или обратно, или какой-нибудь аристократ ехал на поклонение святым местам. В этом случае староста следил, чтобы дорогу подмели и посыпали песком, чтобы было достаточно носильщиков, подавались прохладительные напитки и так далее. Поначалу крестьяне бесплатно исполняли

все эти обязанности, но со временем староста начал взыскивать с проезжающих деньги. Для выполнения работ он нанимал бедняков, младших сыновей из больших семей или безработных, а иногда и подрядчиков. Староста переписывал инструкции, делал копии, пересылал оригиналы в другую деревню, то есть вел все "бумажные" дела.

Самой главной обязанностью старосты был сбор налогов. Чтобы рассчитать величину налога, староста составлял отчет, куда вписывал площади земельных угодий и среднюю урожайность полей. Туда же включались сведения о землеотводах под строительство, о площадях и урожайности неорошаемых полей. Учету подлежали даже дары леса. В этом отчете были и материалы о мелиорации запущенных земель и о том, какие земельные площади перестали обрабатывать. С каждого поля брали пробы урожая, и на основании всех вместе взятых факторов рассчитывали, сколько риса должны сдавать крестьяне. Обычно налог составлял 40-60 % от всего прогнозируемого урожая риса. Вообще власти однозначно считали, что крестьяне всеми способами стараются их обмануть. Для этого в частности соломенные тюки для перевозки риса делали двойными, чтобы рис не просыпался, а при назначении налогов учитывали возможные потери при перевозке.

Вопреки расчетам, урожай мог снижаться из-за насекомых-вредителей, в результате обильных дождей во время созревания урожая или налетевшего тайфуна. Тогда крестьяне не могли уплатить

Крестьянин умер от голода. Сосед показывает деревенскому старосте и буддийскому священнику (с четками), что у покойного были деньги, но на них нельзя было купить еды.

налоги. В этом случае богатые князья прощали крестьянам часть или все налоги и даже давали рис из собственных запасов голодающим. Менее богатые феодалы не могли себе этого позволить, потому что нечем было кормить своих вассалов. Если у их крестьян не было риса, чтобы заплатить налог, то они требовали деньги, а если не было денег, то крестьяне занимали деньги под будущий урожай, выплачивая непомерный процент. Даже в благополучные годы таким феодалам было трудно прокормить своих людей, поэтому они иногда взыскивали деньги в самом начале сезона. И опять крестьянин шел к ростовщику и закладывал будущий урожай, а в трудные годы деньги брали под залог нескольких урожаев на много лет вперед. Когда дела шли совсем плохо, крестьянин начинал думать о том, чтобы бросить землю

и попробовать найти работу в более благоприятном для земледелия районе или в растущих городах. Хотя продавать земли строго запрещалось, отчаявшиеся крестьяне их продавали или даже бросали. Чтобы хоть как-то этому помешать, власти издали распоряжение, по которому крестьянин, оставляющий свое владение, должен был испросить разрешения в своем синтоистском храме. Если крестьянин все-таки покидал землю или почему-либо не обрабатывал ее, то группа или вся деревня продолжали обрабатывать "брошенную" землю и платить налоги. В то же время феодалы, чтобы увеличить свои доходы, старались освоить новые земли в долинах или обрабатывать заброшенные, однако заселять эти земли было очень трудно. Использовались все мыслимые способы, чтобы привлечь туда людей: давали эти участки крестьянам, которые собирали плохой урожай со своих истощенных земель, выделяли людям деньги или *сакэ* при условии, что они поселятся на этих землях, а еще рассказывают, что эти земли заставляли обрабатывать мужчин - любовников замужних женщин, как бы в наказание.

Итак, крестьяне вечно были в долгах, и если случался неурожай, и продавать было нечего, им приходилось добывать деньги другими путями. Многие семьи вынуждены были продавать своих дочерей в дома терпимости и в районы ночных развлечений. В этом случае отец получал приличную сумму от владельца какого-нибудь развлекательного заведения за пользование услугами его доче-

ри в течение определенного количества лет. По окончании "контракта" девушка могла отправляться домой, но очень часто отец подписывал новый контракт, чтобы получить новую плату. Девушку мог выкупить любой посторонний человек, выплатив за нее всю сумму, и сделать ее своей любовницей или невестой. Иногда муж использовал таким же образом свою молодую жену, чтобы прокормить себя и родителей. Хотя многие девушки очень страдали, но эта практика не считалась порочной, так как таким способом они служили своим родителям. К тому же в те времена для многих девушек жизнь в доме терпимости оказывалась по крайней мере не хуже чем жизнь в родительском доме. Если девушка все-таки возвращалась домой, то ее с удовольствием брали в жены, потому что она уже имела образование и опыт светской жизни вдали от дома.

Сыновья, также пытаясь облегчить жизнь в родительском доме, нанимались на временную работу в города и оставались там после окончания контракта или даже уезжали в Эдо или Осаку, чтобы не быть лишним ртом в семье. В начале девятнадцатого века уход населения из деревни достиг таких размеров, что правительство приняло закон о насильственном возвращении беженцев из сельских районов. Детоубийство и аборты были еще одним способом уменьшения количества ртов в деревенской семье. В сельских районах к первому прибегали чаще - девочек обычно душили после родов. В поместьях власти делали попытки конт-

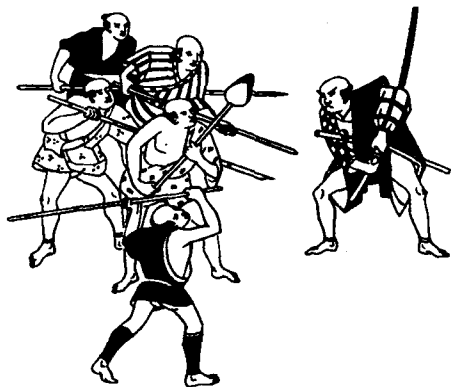
ролировать это ужасное "прореживание", требуя, чтобы беременности регистрировали. Женщинам даже вручали денежное вознаграждение за рождение ребенка, но подобные меры не давали результатов.

Чтобы улучшить положение, крестьяне время от времени обращались за помощью к общине. Любые недовольства считались незаконными, но крестьяне все равно протестовали. То они жаловались на поведение деревенских властей, то требовали снижения налогов. До наших дней дошло описание такого случая: ночью на берегу реки тайно собрались жители нескольких деревень и договорились обратиться прямо к феодалу - действие само по себе незаконное, так как все шло не по официальным каналам. К несчастью для всех, на этой сходке присутствовали шпионы старосты одной из деревень, которые обо всем и доложили ему. В результате пришлось крестьянам через старосту посылать письмо на имя двух самураев с извинениями за свои преступные действия, с обещанием, что подобное не повторится, и с просьбой заступиться за них перед феодалом. В тех случаях, если крестьяне считали, что жаловаться старосте бесполезно, они могли отправить жалобу выше, "по инстанциям", причем подписи вместе с печатями ставили по кругу, чтобы нельзя было определить имена зачинщиков.

Когда мирные протесты не давали никаких результатов, а положение становилось отчаянным, крестьяне бунтовали, хотя под руками у них были только сельскохозяйственные орудия. В описывае-

мый период в стране произошло около 1500 восстаний разного масштаба: в одних участвовали жители одной деревни, а в других - более чем двухсот. В среднем в год вспыхивало более 6 восстаний, которые хотя и не были характерной частью крестьянской жизни, все же слухи о них распространялись молниеносно, и думал о них каждый. Характерно, что зачинщики крестьянских волнений периода Токугава не ставили перед собой цель сокрушить существующий режим или угрожать местному феодалу. Они протестовали против притеснения со стороны конкретного чиновника или против налогообложения в неурожайный год. Видимо, крестьянин полагал, что выгоднее участвовать в восстании, организованном другими: его присутствие увеличивало толпу недовольных, делая ее более внушительной, и таким способом крестьянин мог дать волю накопившемуся отчаянию. Крестьянские волнения заканчивались на удивление бескровно: повстанцы могли взломать пару дверей в домах призамкового города, забраться в рисовый склад или вскрыть несколько бочонков с сакэ. Во многих случаях, повстанцы могли рассчитывать на то, что их требования удовлетворят. *Самураи* обычно не связывались с толпой и не спешили открывать из замка огонь.

Однако зачинщики волнений сурово наказывались. Например, в одном из районов Северной Японии в 1745-1746 годах были неурожай, и к началу 1747 года запасов риса не осталось совсем. Местные власти запретили ввоз риса со стороны, и 33

Крестьянский бунт. Крестьяне атакуют самурая бамбуковыми палками, пиками, лопатой.

деревни восстали и выставили ряд требований, которые в итоге были удовлетворены. Более

того, крестьянам выдали денежные суммы и рис. Затем, однако, начались репрессии. Зачинщиков арестовали и под пытками вынудили их признаться в содеянном. В конечном счете пятерых главрей казнили, а некоторых их родственников выслали, еще семнадцать крестьян и четверо старших семейных групп отделались штрафами. С другой стороны, большинство из тех, кто принял участие в восстании, пожинали щедрые плоды своей победы. В народной памяти сохранились воспоминания о том, что лидеры тех восстаний прекрасно понимали, что единственным исходом для них будет смерть, но считали, что ради пользы общества можно и пострадать. А если задуматься, скольких людей в конце концов казнили, то это придает особую окраску подобным событиям.

В литературе того времени крестьянин представлен неотесанным, необразованным человеком, не обладающим никакими положительными качествами. Однако, надо помнить, что подобные книги писались для горожан, которые считали себя людьми умными и прогрессивными и презирали все, связанное с простонародьем. *Самураи*, как правило, относились к крестьянам почти как к преступникам, стремящимся лишить их того, что принадлежало им по закону. Как бы в ответ крестьянин делал все возможное, чтобы сдавать минимальное количество риса и платить минимальные налоги. Не вызывает сомнения, что землемеров подкупали или обманывали, где возможно, чтобы они не регистрировали новые поля, а администрация владений была достаточно ленива, чтобы регулярно проводить проверки, так что повсеместно имела место неполная уплата налогов. Утверждение *самураев* относительно того, что у крестьян всегда есть хороший рис для еды, возможно, иногда и бывало справедливым. Но частые крестьянские волнения и такие громкие преступления среди крестьян, как детоубийство и торговля детьми, все-таки говорят о том, что жизнь крестьян была очень тяжелой.

Но были в деревне и радостные дни, когда все жители отдыхали и веселились. В Новый год крестьянин наносил визиты своим покровителям, а его подопечные наносили визиты ему. В это время года люди приносили с гор маленькие сосенки и ставили их у ворот. Для богов, которые охраняли дом, поддерживали огонь в очаге и следили за

кухней, пекли круглые рисовые пироги, приготовленные из особо клейкого риса. Готовили эти пироги и для духов предков, имена которых были начертаны в буддийском домашнем алтаре. Конечно, не нужно и говорить, с каким удовольствием ели эти пироги и дети, и взрослые. Во время праздников совершались самые разные обряды, предписываемые *синто*, и едва ли можно было найти деревню, в которой не ждали чудес. Даже на севере страны, где бывали особенно снежные зимы, существовали обряды, в ходе которых в дом могли заглянуть ряженые и пугать детей до тех пор, пока не получали угощения. В синтоистском храме, расположенном в деревне, который считался местом пребывания божества или духа-предка, устраивались танцы, символизирующие плодородие или охоту. Также разыгрывались представления на сюжеты мифов с непристойными танцами, которые исполняли молодые люди из определенных семей, и тогда вся деревня высыпала смотреть представление. В середине июля отмечали буддийский праздник *Бон* - самый популярный в Японии и устраивали большое веселье с танцами. Считалось, что в эти дни души умерших возвращались на землю, и деревенские жители танцевали, чтобы их развлекать. Танцы *Бон*, сопровождаемые песнями, дожили и до наших дней, хотя теперь они утратили местный колорит и включаются в репертуар исполнителей народных представлений по всей Японии. Эти танцы исполняются мужчинами и женщинами, которые встают в круг и дви-

жуются цепочкой под аккомпанемент барабанов, флейт и *сямисэна* (трехструнный инструмент). В некоторых местностях танцы были подвижные, в других - медленные и грациозные, с изящными движениями рук. В песнях чаще всего воспевались красоты данной местности. К заходу солнца жара, волнения прошедшего дня и выпитое *сакэ* делали свое дело: начиналась настоящая вакханалия. Празднества *Бон* поощрялись и были популярными, поскольку снимали то немыслимое напряжение, в котором жили люди весь год, а для общества это являлось великим психологическим благом.

В селах были и другие, пусть не столь частые, поводы для развлечений. Широко справлялись свадьбы, когда столы с вином и едой накрывали для всей деревни и развлекать гостей должна была невеста. Никакого медового месяца у молодых не было, а так как во время свадьбы только и говорили об обязанностях невесты по отношению к мужу и его семье, то никакого удовольствия от предстоящего замужества ей ждать не приходилось. Но все же невеста не была разочарована - ведь твердое общественное положение и безопасность были достаточной компенсацией утраты свободы до замужества. А еще хорошо проводили время, когда работали вместе, всей общиной - высаживали рис, рыли колодцы или перекрывали крыши. И конечно, если собирали хороший урожай, то, чтобы отметить завершение сезона, устраивали такой большой праздник, какой только могли осилить.

Земледельческий цикл предполагал праздники на протяжении всего года, но самое большое событие для бедных крестьян случалось раз в жизни, и это было паломничество в Исэ. Великий храм Исэ, который располагался на востоке полуострова Кии, был воздвигнут в древности, как храм в честь богини солнца - прародительницы Императорского рода. Паломники добирались до него по дороге, уходящей в сторону от основной (между Эдо и Осакой). Простой люд начал там молиться только с шестнадцатого века. В токугавский период число паломников резко возросло, и каждый японец стремился хоть раз в жизни побывать в этих местах. Обряд моления был вовсе несложным; нужно было посетить каждый из двух храмов, которые и составляли комплекс Исэ, упасть ниц перед святилищем и хлопнуть в ладоши, чтобы привлечь внимание богини. В обмен на пожертвование храму получали охранные дощечки и амулеты, которые привозили домой. Были и другие храмы и святыни, которые нужно было посетить, но уже к семнадцатому столетию основной целью паломников становятся развлечения, которым можно было предаться, добравшись до места.

В Исэ была улица под названием Фуруити, по обе стороны которой располагались дома терпимости, харчевни и магазины сувениров; здесь же можно было посмотреть пьесу *кабуки* или кукольное представление. Зрелища не столь изысканные - жонглирование, фокусы и так далее, показывали на территории храмов и святынь, но не в основ-

Куклы (XIX в.) Нижняя - с движущимися глазами и бровями

ном храме, святость которого охранялась. Театральные труппы в Исэ считались самыми сильными после трупп в Эдо, Киото и Осаке. Сюда же приезжали актеры и артисты цирка, гастролировавшие в летние месяцы между посадкой риса и сбором урожая, когда крестьянин мог оставить на некоторое время свои поля. Только

богатые крестьяне могли позволить себе отправляться в паломничество за свой счет. Наряду с мужчинами в паломничестве принимали участие и женщины. Мечтать о поездке женщина, однако, могла лишь после женитьбы сына, когда все тяжелую работу по дому на себя брала невестка.

Бедные крестьяне тоже имели возможность отправиться в Исэ за счет очень популярных объединений, члены которых вносили деньги в общий

фонд, в результате накапливалась сумма, достаточная, чтобы отправить в путь нескольких паломников. Очередность поездок определялась жребием, и счастливых провожала вся деревня. Считалось, что они едут, как представители всей общины и должны были для всех привезти амулеты. По всей стране работали агенты священнослужителей Исэ, они-то и делали все необходимые приготовления для путешествия (пешком, конечно) и следили за тем, чтобы паломники не оставались слишком долго около храма. Для крестьян паломничество было единственной возможностью посмотреть мир за пределами своей деревни, со всеми его чудесами и удовольствиями.

Исэ был самым важным храмом, который нужно было посетить, но были и другие - Миядзима, (на западе Японии), и Котохира на острове Сикоку, которые имели свой местный колорит. Существовали паломничества и в другие места, например, связанные с культом гор. Поклонение им состояло в умении забраться в горы - на Фудзи или на пик Ёсино, а потом, проявляя чудеса выносливости, постоять под водопадом. Хотя религиозное содержание этих обрядов было велико, но большое значение придавалось связанным с ними празднествам, в которых главными уже становились ритуалы и традиции.

К началу девятнадцатого века, в сельских общинах уровень жизни возрос, в села вели хорошие дороги, а это привело к тому, что в деревне стали показывать театральные представления. Отчеты о

Ямабуси. Адепт горного культа. Извлекает звуки при помощи раковины. На голове шляпа сложной конструкции, фасон одежды и все аксессуары имеют мистическое значение.

поездках профессиональных актеров в сельскую местность изобиловали анекдотами и рассказами горожан о сельской аудитории и глупости публики. Известен анекдот о лошади, которая непредсказуемо вела себя на сцене, но заменить ее более предсказуемым животным, которого сыграли бы два актера кабуки, не могли, так как не хватало людей. С этих самых времен ведут свою историю основные сельские театры, построенные на побережье Внутреннего Японского моря и в горной местности вблизи Эдо. Строили театры обычно недалеко от деревенского храма, они представляли собой две сцены: покрытую крышей, и вращающуюся. Вращали сцену рабочие из костюмерной, которая находилась под сценой и называлась "преисподней". Вообще-то представление давали для развлечения храмового божества, но аудитория, сидя на открытом

воздухе, с удовольствием смотрела постановку по несколько часов. Зрители ели, пили, смеялись, кормили детей, и даже бегали домой сделать свои дела, чтобы ценные удобрения не пропадали даром. В представлениях участвовали актеры или куклы, иногда исполнителями были странствующие актеры, иногда - местные таланты. Местные жители не могли оставить профессиональных актеров на ночлег из страха получить официальный выговор, поэтому актеры обычно находили приют на территории храма. Странствующие кукольники с острова Авадзи, а также с Ава или Кюсю (оттуда шли и странствующие актеры *кабуки*), не принадлежали ни к одному сословию, и феодалы частенько использовали их как удобные источники информации о том, что происходит по соседству. В некоторых деревнях жители приобретали кукол и сами ставили представления, пользуясь книжками, которые крестьяне привозили из своих паломнических поездок.

В первые годы правления дома Токугава крестьянам не позволяли смотреть пьесы, так как власти опасались, что крестьяне увидят роскошь на сцене и сами захотят жить лучше, да еще и напрасно потратят время, которое могли бы употребить на выращивание риса. В последующие годы класс самураев ослабил свои позиции в управлении страной, хотя бы потому, что позволил вырасти популярности сельского театра.

РЕМЕСЛЕННИКИ

Третье и четвертое сословия в обществе во времена правления дома Токугава составляли ремесленники и купцы. В больших городах эти два сословия были так перемешаны, что трудно было точно сказать о том или ином человеке, к какому сословию он принадлежит. В этой и следующей главах читатель найдет сведения о профессиональных занятиях этих людей. В последней главе книги речь пойдет о повседневной жизни людей в больших городах, о том, как горожане проводили свое свободное время, чем занимались все члены семьи, когда хозяин зарабатывал на жизнь.

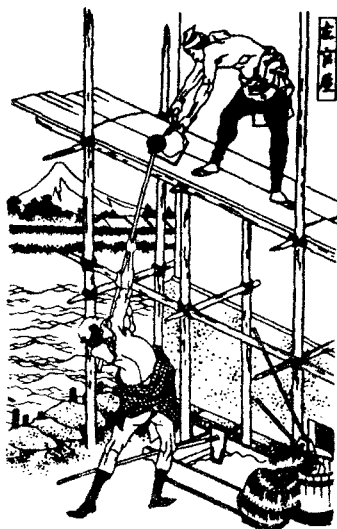
Когда складывалось сословие ремесленников - среднее между сословиями крестьян и купцов, Хидзэси и его советники считали, что ремесленники являются поставщиками различных товаров только для самураев в призамковых городах.

Им и в голову не приходило, что ремесленники могут поставлять те же самые предметы и богатым горожанам, потому что, если поступали заказы из замка, то всю остальную работу откладывали в сторону. До наших дней дошли цифры, дающие представление о структуре населения в городе Цуяма, который был резиденцией *даймё* - князя провинции Мимасака, имевшего там средних размеров владение в гористой местности около Окаямы. В 1665 году в городе насчитывалось почти 1000 домов, в которых жили самураи всех ран-

гов, включая низкоранговых, и почти 4000 домов занимали горожане. В городе работали три кузнеца, восемь точильщиков мечей, четыре серебряных дел мастера, три ремесленника, изготавливавших ножны, два лаковых дел мастера, два мастера по изготовлению копий и один мастер, который занимался деревообработкой, в основном, древесины кипариса. Все перечисленные ремесленники занимались изготовлением военного снаряжения, но были и другие, занимавшиеся производством бытовых изделий. В городе был только один красильщик, но не менее, чем 98 производителей сакэ, а также 222 плотника, 37 лесорубов, 6 штукатуров, и много бондарей, отделочников, кровельщиков (они покрывали крыши соломой), производителей бумаги, резальщиков табака, производителей черепицы и циновок.

Почти все кузнецы умели делать мечи. Их ремесло считалось большим искусством, мастерские были обнесены канатом, за который нельзя было заходить, как будто это был синтоистский храм. Точильщикам мечей приходилось регулярно затачивать лезвия (за ними надо было тщательно следить, ведь лезвия быстро покрывались ржавчиной). Мастерам удавалось добиваться удивительной остроты мечей, что и делало их страшным оружием. Много внимания уделяли также отделке рукояток мечей, копий, и алебард.

Многие ремесленники были связаны со строительством. Среди них выделялись плотники, имен-

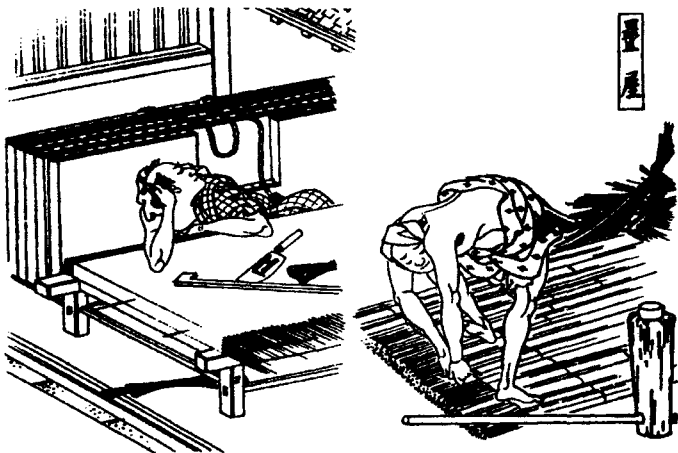

Штукатур и его подсобник. Рисунок из серии "100 видов Фудзи" Хокусая. Хорошо видны строительные леса.

но они отвечали за возведение зданий, следили за тем, как делали фундаменты для стен и обрешетку крыши, контролировали другие работы. При строительстве домов стены штукатурили раствором, приготовленным из ила, смешанного с известью, в

который добавляли солому. Затем нанимали специалистов, которые покрывали решетчатые скользящие стены домов бумагой, которая защищала от сквозняков и посторонних взглядов. В богатых домах дощатые полы были застелены толстыми соломенными циновками. Мастера, которые их изготавливали, покрывали эти циновки еще и особой травой.

Японцы со своей склонностью к систематизации делили ремесленников на тех, у кого были мастерские, где они занимались своим ремеслом, и на тех, допустим, плотников, которым приходи-

Два ремесленника, занимающиеся изготовлением циновок. Один - справа - делает основу из соломы. Другой покрывал основу специальной травой, а сейчас отдыхает. Покрытие со временем изнашивается, но его можно сменить.

лось отправляться к месту, где они будут работать. Была и третья категория - странствующие ремесленники, но здесь их опять можно было разделить на тех, которых заставляет странствовать их ремесло, и на тех, которые выполняют заказы в разных местах. К первым относились столяры, кто, как и токари по дереву в Англии, странствовали по местностям с буковыми лесами со своими переносными токарными станками и делали всякую домашнюю утварь. Эти люди вели бродячую жизнь

Кузнецы изготавливают меч. Соломенная веревка с бумажными лентами вокруг наковальни, праздничная одежда кузнецов - все говорит о полурелигиозной атмосфере в процессе работы.

и до конца токугавского периода им удавалось избегать официальной регистрации. К другой группе принадлежали собиратели сока лакового дерева. Дерево это росло, в основном, на севере Японии, и сок его применялся для пропитки древесины, из которой изготавливали предметы домашнего обихода, мебель и прочее. Этот природный лак делал деревянную поверхность необыкновенно красивой и, являясь прекрасным теплоизолятором, сохранял теплыми жидкости, которые по-

давались в сосудах, покрытых лаком. Добывали лак весной и летом, делая горизонтальные надрезы на стволе дерева; в этих надрезах и скапливался сок, который извлекали оттуда скребком. Собиратели лака работали на владельцев деревьев и окружали свое ремесло таинственностью, присущей тем давним временам, когда приобщение к тем или иным ремесленным занятиям было сопоставимо с привилегией вступления в тайное общество.

Была и еще одна группа странствующих ремесленников - изготовители рисовой водки *сакэ*. На побережье Внутреннего Японского моря на запад от Осаки, в городах Икэда, Итами и Нисинomia располагались большие центры по производству *сакэ*. Процесс производства заключался в том, что рисовые зерна подвергали воздействию плесени, начиналось брожение и в результате получалась алкогольная жидкость, *сакэ*, которую пили на всевозможных праздниках. Подавали *сакэ* в очень маленьких чашечках, а перед этим подогревали. Делали рисовую водку только зимой, и это был очень хороший заработок в межсезонье для жителей северных районов. В больших хозяйствах *сакэ* готовили для домашнего употребления, этим тоже занимались зимой. Богатые городские семьи часто нанимали ремесленников, которые приходили в их дома и готовили *сакэ* из специально закупленного для этой цели риса.

Другая категория странствующих ремесленников, занималась тем же, что и их собратья в горо-

Собиратели природного лака за работой

дах, но только переходя из деревни в деревню. Общины в больших хозяйствах, конечно, могли многое делать для себя сами: строить небольшие дома, плотничать, а изготовление крыши, вообще превращалось во всеобщее веселье. Но более тонкую работу выполняли обычно мастера, которых зазывали или специально нанимали. В начале рассматриваемого периода такого человека ценили не только за мастерство, но и за то, что он приносил в дом новости со всего "света". Более того, иногда жители кормили его и позволяли предаваться безделью, только потому что он их развлекал. Гово-

рят, что мастер даже мог выбирать себе приглянувшихся ему деревенских девушек. Позднее, с улучшением дорог и появлением контор, через которые купцы могли поставлять разные изделия в деревни, для странствующих мастеров наступили тяжелые времена.

Все ремесленники имели дело исключительно с натуральными мате-

риалами, причем работали не только руками, но и помогали себе ногами, ступнями или ртом. Станков и приспособлений было мало - токарные станки для работы с деревом, гончарные круги и ручные меха, прялки и ткацкие станки, ступки с пестиками, чтобы отделять рис от шелухи. Зато инструменты - рубанок, пила, зубило, нож и ножницы, были самого лучшего качества. Для кузнеца совершеннаяковка стали была желанной вершиной мастерства работы с данным металлом. С раннего

Варка сакэ

возраста нужно было прививать детям навыки по овладению ремеслом. Подмастерье, которым мог быть младший сын какого-нибудь горожанина или крестьянский мальчик из большой семьи, жил в доме мастера и был для него как приемный сын. Родной сын мастера тоже приучался к ремеслу, но он надеялся стать хозяином мастерской после того, как отец удалится на покой. Подмастерье должен был пробиваться в жизни сам. Период обучения для него длился семь или восемь лет, после чего он обычно работал на хозяина из благодарности еще полгода или год. После этого часть клиентуры мастер мог передать подмастерью, чтобы тот мог начать свое дело или иметь статус независимого ремесленника, которого признавали бы работодатели. Бывший ученик мог остаться работать и на своего учителя. Обучение ремеслу включало не только овладение секретами мастерства, но и приобретение фундаментальных знаний в своей области, кроме того, ученик осваивал и специальный язык, который можно было бы назвать "тайным языком". С его помощью ремесленники общались между собой, чтобы скрывать от других с таким трудом полученные знания, иногда это был своеобразный код, по которому ремесленники узнавали друг друга.

В шестидесятых годах семнадцатого столетия ремесленник, как правило, имел свое собственное дело, выполняя заказы клиентов, а в свободное время делая изделия на продажу. Он редко зарабаты-

вал состояние, и ему редко удавалось отложить что-то на развитие своего дела, к тому же в при-замковых городах цены на продукцию строго контролировались. Цена меча зависела от его длины, а не от украшения или качества работы. По рассказам, если *самураи* покупали мечи, не заплатив за них сразу, то потом получить долг было очень трудно. Деньги, вероятно, оплачивали лишь часть труда, вложенного ремесленником. Странствующие ремесленники, которые открывали свои мастерские прямо в деревне, пользовались местными материалами, и деньгами получали лишь частичную оплату своего труда. Стол и крыша, которые им предоставляли крестьяне, тоже включались в оплату работы.

Вероятно, самыми богатыми ремесленниками были те, которые работали на *сёгуна* и *даймё*, а еще строители, представители "пяти ремесел" - плотники, штукатуры, каменщики, дровосеки и кровельщики. Дровосек заготавливал лес, который выбирал плотник, штукатур отделявал стены, кровельщик крыл крышу соломой, дранкой или черепицей, каменщик должен был сделать фундамент, он же готовил основание под столбы, фонари, делал бассейны и памятники. Плотник отвечал за полное возведение дома и исполнял те же обязанности, что и подрядчик в Британии: в его услугах постоянно нуждались горожане (поскольку население постоянно увеличивалось). Особенно большая потребность в строителях возникала после пожаров или землетрясений,

Резчики по камню украшают резьбой фонарь и *кома-ину*, статуи собак, которые охраняют вход в синтоистский храм.

когда нужно было восстанавливать

целые районы. Во время стихийных бедствий даже молодые подмастерья получали работу и могли неплохо заработать; им только стоило продемонстрировать свое мастерство. В такие дни люди делали себе состояния, продавая весь запас леса по завышенным ценам или скупая его на рынке для продажи по спекулятивным ценам. В одном из своих рассказов Ихара Сайкаку описывает возвращение плотников и кровельщиков после работы на строительстве резиденции для *даймё*:

"Они шли группами по 200-300 человек и разговаривали высокими резкими голосами. Все были небритые и непричесанные. Воротники курток - засаленные, пояса завязаны поверх курток, которые были порваны на рукавах. Некоторые опирались на свои метры, как на палки, многие шли сторбившись и засунув руки за пазуху. Глядя на них сзади, можно было сразу определить, каким ремеслом они занимались. Позади шли подручные и

подмастерья, которые несли стружки и обрезки досок, но никто не обращал внимания, когда какая-нибудь кипарисовая дощечка падала на дорогу, она так и оставалась там лежать".

У кровельщиков были особенно пронзительные голоса, чтобы лучше слышать друг друга во время работы. Куртки у них были подвязаны поясами, чтобы было за что их ухватить, в случае опасности, когда они работали наверху. Материал экономии, подмастерья должны были подбирать стружки и обрезки досок и уносить их с собой после работы, но если какие-то обрезки досок падали, их почему-то не подбирали. Дальше в рассказе идет речь об одном бедняке, который стал подбирать эти обрезки и продавал их, или делал из них палочки для еды и тоже продавал. В конце жизни он стал процветающим торговцем деревом.

Очень красочно описываются в этом рассказе люди, которые были строителями, но еще и работали в услужении у *гаймё*, получая от этого двойную выгоду. Вполне вероятно, что они получали плату рисом, как все ремесленники, находившиеся на постоянной работе. Некоторые из них, обслуживающие *сёгуна* или богатых князей, были выдающимися мастерами, например, художники из семей Кано или Тоса, мастера по лаку, резчики по дереву, и фактически представители всех ремесел. Иногда этих ремесленников отмечали, удостоивая чести пользоваться теми же привилегиями, что и *самураи*. Человек из народа обычно не имел фамилии, но многим выдающимся

ремесленникам было разрешено пользоваться этим признаком высокого общественного положения, а некоторым было дано право носить два меча. Всем им разрешалось подписывать свои работы, например, плотники могли ставить свое имя на построенных ими домах; простым ремесленникам это запрещалось.

Отношение к ремеслу было точно таким же, как в странах Европы в средние века. Существовала своя система обучения, кульминацией которого было вступление в сообщество людей одной профессии. Участие ремесленников в городском управлении в Европе было более широким, чем в Японии, в остальном же видится большое сходство. Ремесленники одной профессии жили в одном квартале города. Также как и в старых городах Европы названия улиц показывают, чем занимались их жители. Говорят, что в Японии власти поощряли соблюдение этого правила, так было легче следить за людьми. В городе ремесленники имели свои объединения (можно назвать их гильдиями), которые устанавливали правила и действовали, как благотворительные общества. Некоторые объединения имели в синтоистских храмах богов-покровителей, как и в Европе - святых-покровителей. Так, кузнецы поклонялись Инари, богу риса, посланником которого была лиса. В одной пьесе *Но* описаны события, в ходе которых божество помогает кузнецу выполнить особенно тяжелую работу. Для сплочения людей устраивались ежегодные собрания и праздники. Более богатые чле-

ны объединения, особенно приближенные к богатым домам, были лидерами, их часто называли "старщинами" объединений, в которых простые ремесленники занимали очень скромное положение.

«Вы должны сердцем своим понимать, что не нужно человеку зарабатывать больше, чем ему требуется на жизнь. Неважно, насколько вы бедны, вы не должны пытаться получить другую профессию. Если вы будете с усердием заниматься своим ремеслом, посвящая ему всего себя, то придет время, и вы будете процветать» - говорилось в документе, датированном 1774 годом.

Ремесленникам рекомендовалось жить скромно, работать честно и добросовестно, не завидовать мастерам других профессий, не отказываться от заказов, даже если цена на материалы поднялась, а прибыль уменьшилась, и быть довольными своей судьбой. Многие следовали этим предписаниям либо из чувства долга, либо по традиции, но некоторые стремились побольше заработать, нанимая дешевых рабочих, и расширяя продажу. Во всяком случае, с течением времени положение некоторых ремесленников менялось. Все чаще вместо работы на отдельных клиентов, они нанимались к хозяевам. Это были владельцы мастерских, которые становились посредниками между ремесленником и его заказчиком и которые, конечно, пересматривали прежние правила, думая больше о деньгах и количестве изделий, а не об их каче-

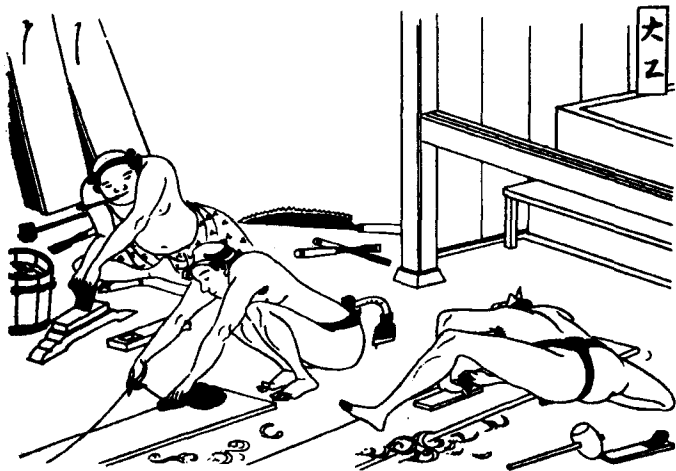
стве. Они, не раздумывая, использовали малоквалифицированные дешевые руки. Некоторые из них происходили из сословия *самураев*. Под власть владельцев мастерских попали ремесленники, делавшие различные предметы на продажу, в то время как люди, предлагавшие свое мастерство, как, например, строители, сохранили свою независимость.

Власти собирали подати с ремесленников также, как и со всех других сословий. Собственники недвижимости в городах платили налоги, но большинство ремесленников арендовали мастерские, внося плату в виде товаров или услуг. Во многих случаях охотно принимался денежный эквивалент. Изобретатели новых машин и приспособлений тоже вносили плату, чтобы получить от государства своего рода патент.

Ремесленники разных профессий в работе использовали те же приемы, что и мастера на Западе, но имелись и различия. Японец привык сидеть на полу, и из-за этого руки и ноги были расположены ближе друг к другу, чем когда человек работал, сидя на скамейке или табуретке, поэтому европейцы ногами легко приводили в движение токарный станок или крутили гончарный круг, а в Японии ногами придерживали предмет, с которым работали. По-разному обращались и с инструментами: например, пилой и рубанком работали, двигая их на себя, а не от себя. Японские мастера при необходимости проводили разметку, смачивая

шнур чернилами, в Британии же для этих целей пользовались мелком.

Лак, с которым работали японские ремесленники, был неизвестен в Европе. Мы уже рассказывали о применении лака для изготовления кухонной утвари, кроме того лаком покрывали декоративные накладки для мебели (для конторок, обеденных и письменных столов, туалетных шкафчиков и столиков) и для украшения военного снаряжения - доспехов и носилок. Европейцы же украшали изделия инкрустацией, красили, полировали их. Еще один материал, который повсеместно применяли, был бамбук. Срезанный и оструганный бамбук шел на заборы, столбы и мачты. Для использования в качестве водопроводных труб из бамбуковых стволов высверливали внутренние перегородки. Из расщепленной на волокна древесины изготавливали плетеные изделия, решетки и ширмы, делали из него и сосуды: чашки и ковшики. В сочетании с бумагой (которая тоже уже имела в то время широкое применение) из бамбука делали плоские и складывающиеся веера, головные уборы, основы для зонтов (которые потом покрывали промасленной бумагой) и каркасы для фонарей. Бумагу делали из лубяных волокон внутренней стороны коры деревьев, особенно шелковицы. Производство бумаги выделилось в целую промышленную отрасль, со своими специалистами и отличалось большим разнообразием продукции по регионам. Еще в десятом столетии цвет и

Плотники и их инструменты: рубанки, пилы, стамески, деревянные молотки, точильный камень.

качество бумаги, на которой писали стихи, были почти также важны, как и качество самих стихов. А в токутавский период письма писали только на бумаге соответствующего качества и толщины. В то время выпускали много книг, и бумага, которой покрывали стены домов часто нуждалась в обновлении, так что спрос был устойчивым. Книжки печатали с деревянных досок, одна доска соответствовала одной странице. На доске вырезали текст с написанного от руки оригинала; при цветной печати использовали одну доску для каждого цвета. Все книги печатали вручную, не было даже

устройств для нанесения краски. Текст писали кисточками разных размеров, в зависимости от шрифта, а кисточки делали из шерсти животных и вставляли в бамбуковые палочки. Тушь из смеси сажи и клея формовали в виде палочек. Палочки эти использовали вместе с камнем (мелкозернистый сланец или что-то похожее) с плоской поверхностью, с углублением с одной стороны, куда наливали воду. Палочки из туши тоже погружали в воду, а затем растирали на плоской поверхности камня, и таким образом получали тушь, которую брали с камня кисточкой. Изготовление высококачественной туши требовало большого мастерства и опыта.

Ткачество, распространенное в сельской местности, было основным занятием для женщин в деревнях. Ткали из конопли, хлопка и шелка, полотно было стандартного размера (2 фута на 20 ярдов), достаточного для пошива одного *кимоно*. Чтобы выткать такой рулон, требовалось большое искусство, поскольку надо было удовлетворить требованиям заказчика. Но так как у *кимоно* нет пуговиц или других застежек, а подвязывается оно только поясом, под которым у женского *кимоно* делается складка, то для повседневного *кимоно* услуги профессионального портного не требовались. Сшивалось *кимоно* швом, похожим на наметку. *Кимono* стирали, распоров его на лоскуты, и выстирав отдельно каждый лоскут, натягивали на раму, а потом сшивали снова, переставляя куски для равномерной носки.

Шелковую ткань часто делали декоративной; она могла быть разной фактуры, и различалась в зависимости от разноцветных нитей, которые вплетали в ткань во время ее изготовления. Когда ткань была готова, на нее можно было нанести рисунок кисточкой или выкрасить, связывая небольшие участки ткани в узлы и опуская всю ткань в краситель. В этом случае небольшие участки оставались непрокрашенными или первичного цвета. Наконец, рисунок можно было вышить на ткани, и тогда получалась парча.

В то время, как в сельских районах могли делать ткань с рисунком, в городах изготавливали ткани сложной окраски или с вышивкой. Больше всего изготовлением красивых тканей славился Нисидзин, район на северо-западе Киото, который с давних пор был поставщиком Императорского двора, а позднее сёгуна.

Изоляция Японии сохранялась до середины девятнадцатого столетия, до того времени когда Европа и Америка не вступили еще в фазу промышленного производства, и традиционные ремесла не были окончательно забыты. И хотя лучшие европейские ремесленники не уступали по мастерству японским, нужно признать, что потребности самурайского сословия в предметах элегантных и отличающихся тонким вкусом, вместе с масштабом спроса (который вполне мог быть больше, чем у аристократов Запада), предопределяли более высокое качество изделий японских ремесленников по сравнению с западными аналогами.

КУПЦЫ

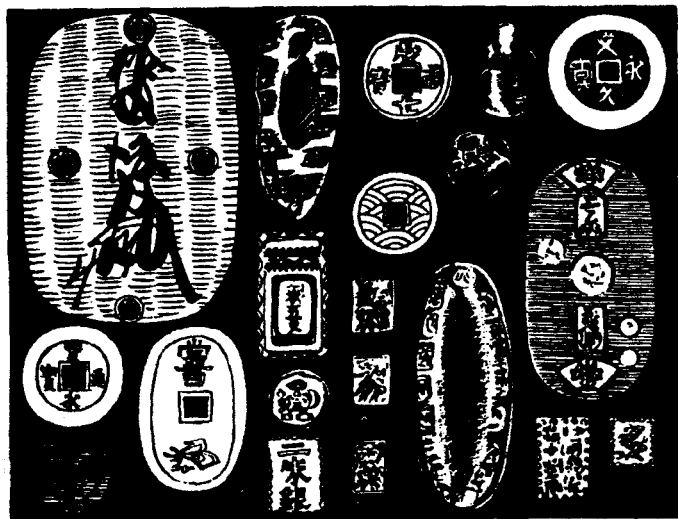
В предыдущей главе мы рассказывали о том, что многие ремесленники из людей независимых становились просто наемными рабочими в торговых домах. В токутавский период власть не любила купцов и все больше и больше их боялась. Сложилось так, что купцы стояли в самом низу сословной системы, потому что их считали паразитами, ничего не дающими экономике страны. Они зарабатывали себе на жизнь, продавая товары, которые были продуктами чужого труда. Тем не менее, со временем купеческое сословие приобрело большое влияние и власть, что было типично для перехода от феодальных отношений к товарным. Купцы процветали, а *самураи* нищали, и так как те и другие жили в городах, то богатые торговцы приобретали все большее влияние на *самураев*, отчасти из-за смешанных браков, отчасти оттого, что купцы всегда были более практичными людьми. Некоторые *самураи* даже продавали за деньги свой статус.

Непосредственное отношение к деятельности купцов имеет денежная система, которая была довольно запутанной, хотя бы потому, что для изготовления монет использовали четыре металла - золото, серебро, медь и железо. По всей стране монеты изготавливались из разных металлов. В Эдо чеканили из золота, в Осаке и Киото использовали серебро. Медь была в ходу по всей стране, хотя ее иногда заменяли железом или латунью. Про-

цесс чеканки был непростым. Кроме этого время от времени правительство пыталось преодолеть кризис в экономике, уменьшая или увеличивая количество того или иного металла в составе монет.

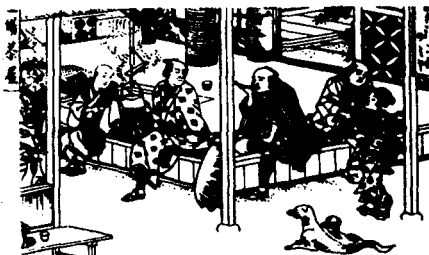
Монета самого низкого достоинства - *гзэни* - круглая, около дюйма в диаметре, с квадратной дыркой в четверть дюйма в центре. Эти монеты стали впервые выпускаться в Японии в 1636 году. До этого имели хождение монеты, которые чеканились монетными дворами Китая или даже Кореи и Аннама. На один *гзэни* можно было купить чашку чая или посидеть и отдохнуть в тени у дороги. Очень часто монетки связывали в "денежную нитку", пропуская через дырки нить конопли. Они были двух видов - связки в 100 и в 1000 монет. Такие связки существовали до 1636 года, а потом 96 монет из новой японской валюты были приравнены к 100 старым китайским монетам, тогда во многих районах стали делать нитки из 96 и 960 монет соответственно. Нитка из 1000 монет была эквивалентна по ценности квадратной золотой монете в 0,7 на 0,4 дюйма, известной, как *шибукин*, то есть одному *бу* золота, *бу* - это мера веса золота. Четыре *бу* золота равнялись одному *рё* (немного больше, чем 18 грамм), а это соответствовало весу обычной золотой монеты, известной, как *кобан*. Это была тонкая пластинка золота более или менее овальной формы и размером 2,8 на 1,5 дюйма.

Еще одна золотая монета, *обан*, была больше, чем *кобан*, и должна была весить 10 *рё*, но, на самом

Монеты. Золотая: обан, кобан, итибу кин, другие монеты. Серебряные: тёгин, мамэ-ита, моммэ, другие монеты. Медь: дзэни, необычная монета в 100 дзэни.

деле, вес ее был между 8 и 9 рё. Однако, эту монету не использовали повседневно, а держали для различных торжественных сделок. Время от времени выпускали золотые монеты меньшего веса, они и были, вероятно, единственными монетами из золота, которые имели хождение среди обычных людей. Кобан использовались только при совершении сделок между самураями или большими торговыми домами.

Чайная у дороги: объявление снаружи гласит "Еда за один дзэни". Среди посетителей - буддийский священник. Служанка несет сосуд с сакэ. На путешественнике соломенные сандалии, на служанке - деревянные гэта.

В Киото и Осаке имели хождение монеты из серебра и меди, они были разной формы и размеров, самой большой монетой был *тёгин*, монета эллиптической формы, часто грубо изготовленная, примерно 3,6 на 1,2 дюйма. Мера веса серебра, выраженная в

моммэ, составляла примерно 43 *моммэ* (около 161 грамма). Монета меньшего размера, *мамэ-ита*, выглядела как круглый кусочек серебра определенного веса и размеров с пробой, удостоверяющей качество металла. Периодически появлялись монеты разного достоинства прямоугольной формы и фиксированного веса.

Для больших сумм серебряные монеты собирали в связку, удобную по весу, например, по 100 *моммэ* и 500 *моммэ*, в то время как золотой *кобан* собирали в аккуратные связки по 25, 50 или 100 штук, завернутые в плотную бумагу с государственной или другой, не менее значимой, печатью. Обычно эти связки монет использовали, не

открывая их. Перевозили или хранили большие суммы в специальных крепких деревянных ящиках, которые вмещали только определенное количество монет. Чаще всего пользовались ящиками на 1000 рё.

Простой человек хранил свои *гзэни* в кошельке, который он носил за пазухой, там же держали маленькие серебрянные монеты, а маленькие золотые монеты складывали в плоские коробочки, похожие на бумажники для банкнот, используемые на Западе.

В начале токутавского периода правительству в Эдо принадлежало монопольное право чеканить монеты, значительная часть которых уходила за границу через Нагасаки, а в провинции денег не хватало. Вот тогда начали печатать банкноты, обеспеченные золотом, серебром или медью. *Даймё* использовал их для выполнения своих обязательств. В период между 1701-1730 годами, банкноты запретили, но в ограниченном количестве ими пользовались и позднее.

В 1701 году известная история с банкнотами произошла во дворце в Эдо, когда князю из владения Аки в Харима нанесли оскорбление, и ему пришлось обнажить меч прямо во дворце. За это его приговорили к смертной казни с конфискацией недвижимости и имущества. После его смерти 47 его вассалов (теперь *ронины*) вступили в сговор, чтобы отомстить за смерть своего господина. Как им это удалось и как они впоследствии все кончили жизнь самоубийством - это тема бесчисленных

рассказов и пьес об этом "Верном Союзе". Интересно другое. Когда стал известен приговор, вынесенный их господину, один из вассалов немедленно отправился из Эдо домой, в замок, и преодолел расстояние в 400 миль в носилках за пять дней; тогда как обычному путешественнику на это потребовалось бы 17 дней, и даже курьеру - 8. Первая мысль старшего вассала Оиси, когда он услышал об участии своего господина, была о держателях банковских билетов, выпущенных в его владениях. Он подсчитал золотой запас в казне и обнаружил, что последний составил лишь 60% выпущенных бумажных денег. Обмен банкнот был совершен по этому курсу, таким образом, держатели банкнот получили возможность спасти хоть что-то, лишив между прочим, сёгуна ощутимой суммы. Тем, кто получил деньги, повезло, ибо, хотя конвертируемость была условием печатания денег, тем не менее эта местная валюта подвергалась опасностям неконвертируемости, девальвации и инфляции.

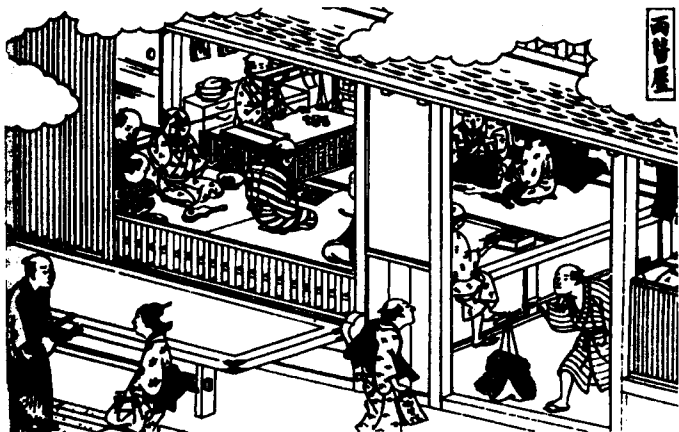
Меновая стоимость монет, изготовленных из разных металлов, постоянно колебалась в течение всего периода, несмотря на стремление властей стабилизировать ситуацию. В начале, в 1609 году, валютный курс был один *рё* золота к 50 *моммэ* серебра, к четырем ниткам *гзэни*, но вскоре серебро упало в цене до 60 *моммэ*. Отношение золота к серебру оставалось более-менее постоянным до середины девятнадцатого столетия, когда под влиянием мирового валютного курса цена серебра

упала до минимума (один *рё* равнялся ста *моммэ*). Медь тоже начала падать по отношению к золоту: в последней четверти восемнадцатого века она составила шесть ниток к одному *рё*, а в 60-х годах она упала до десяти ниток. Эти серьезные изменения сопровождались кратковременными колебаниями курса внутри страны и использовались менялами как источник спекулятивных доходов.

Так как в стране имели хождение монеты из трех различных металлов, нужна была широкая сеть быстрого обмена одних монет на другие.

В розничной торговле расплачивались медью, и богатым торговцам и оптовикам приходилось менять ее на золото или серебро. Нужны были и обратные операции, например, когда купец отправлял людей в провинцию, чтобы закупить товары в небольшом количестве. Кроме того, перевод денег между Эдо и Осакой требовал обмена серебра на золото и обратно. Поэтому одним из основных занятий купцов был обмен денег, на основе которого и возникли многие состояния и знаменитые династии. Признаком доходности предприятия в период Гэнроку был процент комиссионных, когда меняла брал 10 бу, то есть 10 *гзэни* за каждый *рё* золота (процент, возможно, покажется маленьким, но когда его брали с каждой сделки, он составлял приличный доход).

Как и в любой другой профессии, менялы объединялись в группы, в которых существовала жесткая иерархия. В Осаке было всего три такие группы. На самой низшей ступени были мелкие тор-

У менялы. Служащие взвешивают (пользуясь весами), считают на соробан, пересчитывают и продают денежные нитки. Посетители курят трубки в ожидании. Мимо идут самурай и дама.

говцы, которые торговали в розницу маслом или сакэ и меняли медь и серебро в небольшом количестве. Их называли "лавка *гозэни*". Большое деревянное изображение *гозэни* служило вывеской пункта обмена денег. Над ними стояли те, в сфере деятельности которых была вся городская торговля: они выдавали документы на обмен денег, принимали депозиты, выдавали ссуды, т. е. выполняли те же функции, что и современные банкиры. В то время на депозитные счета не начислялись проценты, а выдавались сертификаты на совершение

финансовых операций. Ссуды, обычно, зависели от личности заемщика и выдавали их, как правило, тем кто имел деньги на депозите. Вес серебра, которым оплачивались сделки в Осаке, был гораздо больше, чем вес золота в Эдо, и поэтому удобнее было использовать аккредитивы.

Группа купцов-менял, расположенная на самой верхней ступени, состояла из "десяти человек", а точнее, десяти семей, которые с 1660 года исполняли роль начальников над остальными менялами. Они следили, чтобы последние следовали всем нормам профессии. Эти десять семей, в свою очередь, являлись экспертами властей по финансовым вопросам и получали право носить мечи.

Почти такая же система купцов-менял существовала в Эдо, не обходились без них и призамковые города в провинции. Правительство контролировало менял, особенно весы и гири, которые и были их "орудиями производства". Инспектировал менял обычно чиновник, отвечающий за меры и веса. Весы, качество которых было одобрено правительственным чиновником, изготавливали только две семьи, а гири делала та же семья, которая контролировала монетные дворы. Менялы вели регистрационные книги и считали на *соробан*. В одну из них заносили все операции, которые выполнял торговый дом. Делали это только владелец и управляющий. Регистрационная книга содержала служебную информацию об обороте и прибылях, жизненно важных для ведения дела. Каждый новый год начинали новую книгу.

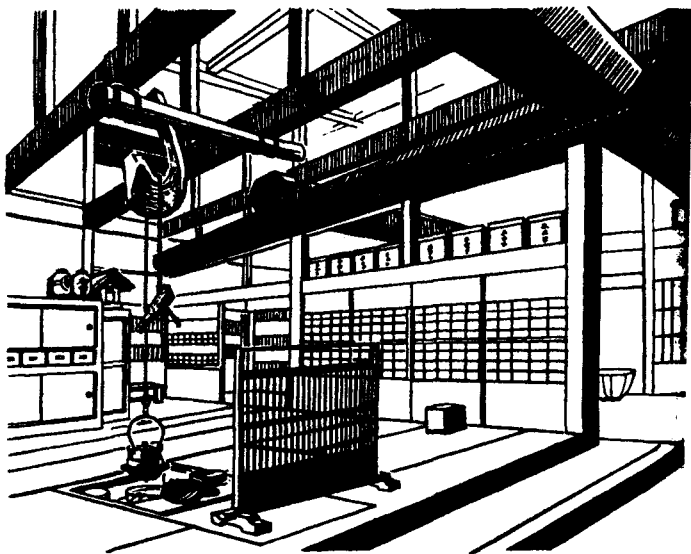
У ростовщика Тамамаки-я. В то время, как нищие ходят по улицам и собирают милостыню, потенциальные нищие несут ростовщику одежду и какие-то пожитки. Чиновник принес портрет возможного преступника. Сзади за загородкой сидит хозяин или управляющий, рядом с ним толстая книга и квитанции. Женщина (возможно, жена) курит трубку и греется у горшка с горячими углями. Объявление гласит, что вещи берут в залог максимум на восемь месяцев.

Соробан - счеты, с помощью которых выполняли сложение, вычитание, умножение, деление, извлечение квадратного корня и т. д. Представляли они собой рамку 15 на 6 дюймов с 13 рядами костяшек (в Эдо - 17). Хотя умели считать и устно, но *соробан* освобождал от необходимости запо-

минать или записывать промежуточные стадии вычислений и опытные пользователи приобретали большую скорость и точность в работе. Кроме того, что *соробан* использовали для счета, им можно было еще и дать подзатыльник нерадивому служащему или даже защититься от меча *ронина*-взломщика, проникшего в контору.

В провинции Хида, в горах, в призамковом городе Такаяма и сейчас еще существует дом менял. Именно они обслуживали местных купцов и торговцев, организовывали продажу риса и других продуктов во владении *гаймё*, ссужали его деньгами еще перед тем, как собирали урожай, обменивали деньги и вообще действовали, как представители *гаймё*. После каждой операции у *гаймё* оставались небольшие комиссионные, и он процветал.

Этот двухэтажный дом, располагавшийся изначально в удаленном от центра районе и перестроенный после очередного пожара в 1879 году, сохранил традиционную архитектуру. Вход с улицы ведет прямо через двор к черному входу, слева от прохода расположена контора, где и совершались все деловые операции. Справа находится большое, выложенное циновками пространство с очагом, над которым на большом крюке висит чайник или котел. Стены между этим помещением и проходом нет, нет и потолка, и дым поднимается прямо к крыше двухэтажного дома и уходит между балок. (В провинции Хида рос лес, и тяжелые деревянные постройки характерны для этого района).

Интерьер дома Такаяма

Справа были жилые помещения для членов семьи, они располагались за очагом и окнами смотрели на очаг. Во дворе был сад с колодцем, дворовые постройки, а сзади - склады для временного хранения товаров и хозяйственной утвари, построенные так, что были видны целиком, на случай пожара или проникновения взломщиков. Мощные стены и крыша были покрыты толстым слоем штукатурки, обитые железом двери запирались на крепкие засовы и висячие замки. Ценные вещи и документы хранились дома в высоких сундуках с

выдвижными ящиками, снабженных колесиками, чтобы в случае пожара их можно было быстро выкатить на улицу, ломая перегородки. Управляющий записывал все текущие сделки в толстые регистрационные книги, сам он сидел в конторе за деревянным ограждением, для сохранности своего рабочего стола и бухгалтерских книг.

Итак, дом Такаяма дает некоторое представление о том, что такое богатство в провинции, но чтобы до конца оценить размах дела, которым занимались менялы, стоит рассмотреть историю семьи Коноикэ. Основатель семейного состояния жил в деревне Коноикэ около Осаки с 1570 по 1650 годы. В 1600 году он начал производство сакэ. Четыре года спустя сакэ начали отправлять в Эдо на продажу, так как спрос на сакэ все увеличивался со стороны самураев - приближенных сёгуна. Сначала сакэ отправляли по дорогам, а затем - морем. Ко дню смерти Коноикэ имел три магазина, торговавших сакэ в Осаке и ссуживал деньги *гаймё*. У него было восемь сыновей и две дочери, и при разделе имущества его восьмому сыну Дзэнъэмо-ну удалось заполучить самый большой магазин в Осаке и основную часть семейного бизнеса, которому предстояло процветать еще 200 лет. Довольно долго самым сложным делом был разлив сакэ в бочки, но потом проблема разрешилась частично в связи с ограничениями на потребление сакэ, введенными центральным правительством в 70-х годах семнадцатого века, частично с изменением по-

рядка продажи *сакэ* - его стали продавать непосредственно в резиденциях *даймё* в Эдо.

В конце семнадцатого столетия Коноикэ занимались уже и торговлей в Нагасаки, т. е. принимали участие во внешней торговле, занимались сбытом лекарств, шелка-сырца и сахара. В 1669 году их годовой оборот оценивался в 228.000 *моммэ* серебра. Заниматься обменом денег они стали в 1656 году, торгуя *сакэ*, чтобы облегчить перевод денег из Эдо в Осаку, а также давали ссуды *гаймё* и другим купцам. В 1662 году семья Коноикэ присоединилась к организации "десяти". Ширились связи с *гаймё*, пока их число в бухгалтерских книгах не дошло до 122. Они контролировали торговлю рисом, который *гаймё* переправляли в Осаку на продажу, и это продолжалось до реставрации Мэйдзи, когда был создан банк, первая компания западного типа, появившаяся в Японии.

Таким образом, профессия менялы была очень важной в купеческих кругах Японии.

В высших купеческих кругах, как и среди "десяти человек" в Осаке, в обязанности менялы входило ссуживать деньги *гаймё* под обеспечение рисом и другими продуктами, которыми тот торговал. Чтобы показать, насколько экономика страны зависела от купцов, опишем те пути, которыми рис от крестьян попадал к торговцам. Во - первых, нужно понять, что большинство *самураев* получали больше риса, чем им было нужно, и хотя жалование и общественное положение определялось количеством риса, реально имело место де-

нежное содержание. Только самые низкоранговые *самураи*, чьи потребности соответствовали доходам, брали свое жалованье натурой. Плату деньгами предпочитали и обедневшие *даймё*, только в этих случаях крестьяне должны были платить им задолго до сбора урожая. В хозяйстве всегда имелись запасы риса, которые можно было назвать "тайными": зерно оставалось после уплаты налогов, и с кредиторами, которые давали деньги в счет будущего урожая, могли рассчитываться этим рисом, когда подходил срок оплаты. Были еще и неучтенные площади, которые обрабатывались и давали урожай. "Тайный" рис покупали и отправляли в Осаку, как и основную часть риса, собранного в качестве уплаты налогов.

В разных местах этим рисом распоряжались по-разному. Достаточно ясно, как распоряжались рисом, собранным с владений *сёгуна*. Его резиденция и центральное правительство располагались в Эдо, поэтому рис должен был направляться туда. Крестьянин обязан был доставить его в контору управляющего имением или в другое удобное место, после того, как весь рис был собран у старосты деревни. После проверки у управляющего тот же крестьянин переправлял рис в порт и грузил на корабль, отправляющийся в Эдо. Одна треть суммы за перевозку выплачивалась при погрузке, а две трети - по прибытии. Никаких других грузов на борту этих кораблей не было. За перевозку "тайного" риса морем платили капитану одну пятую часть. Если переправляли рис, который шел в счет

уплаты налогов, то его обычно сопровождал староста, который получал расписку после его доставки на склад. Эту расписку он должен был привезти с собой в провинцию, как доказательство того, что рис доставлен по назначению. В Эдо рис загружали в правительственные амбары и оставляли для выплаты жалования чиновникам, которое выдавалось трижды в год, во второй, пятый и десятый месяцы в следующей пропорции: одна четверть, одна четверть и половина. Иногда часть жалования выплачивалась деньгами, причем рыночная цена риса не всегда учитывалась. Вначале денег выплачивали больше, чем получилось бы от продажи эквивалентного количества риса, позже выплачивали уже меньшую сумму. Дни выплат для чиновников назначались в соответствии с их рангом, а среди чиновников одного ранга устраивали нечто вроде лотереи, чтобы определить очередность вручения жалования. Первоначально чиновник сам забирал причитающийся ему рис, но позже этим стали заниматься торговцы, в основном владельцы чайных магазинов, расположенных около рисовых складов, где самураи ждали своей очереди получить паек. Торговцы должны были представить свои полномочия и забрать рис; иногда они же и доставляли его на место, но чаще - забирали, оставляя самураю эквивалентную сумму денег. Постепенно они начали давать *самураю* деньги в долг задолго до дня выплат, и под значительные проценты. Таким образом, торговцы получа-

ли доход от ростовщичества и от комиссионных за услуги по получению и продаже риса.

Такая система существовала и в некоторых других призамковых городах, но всё-таки большая доля риса в оплату налогов из поместий отправлялась морем в закрома *гаймё* - в Осаку или Эдо. Выручка от риса, проданного купцам, шла на оплату расходов по дому в Эдо, где жила семья *гаймё*, и его собственных во время обязательных посещений столицы. Рисовый рынок в Осаке стал прообразом товарной биржи, со своими торговцами и оптовиками, которые совершали сделки с рисом, еще не собранным, и даже порой не существующим. Все основные сделки заключались на улицах района Додзима - японского Уоллстрита токутовского периода. При заключении сделок учитывали возможность тайфунов, дождей, засухи и прочего, поэтому торговца часто изображали с поднятой головой и глядящего в небо, как будто он пытался определить виды на урожай. Роль купцов можно было оценивать по-разному; конечно, они относились к непроеизводящему среднему классу, но те удобства, которые они предоставляли, предлагая заемы в счет урожая, который собирали только раз в год, и давая возможность получить деньги в Эдо за урожай, который собирали где-то в провинции, позволяли работать этой чрезвычайно искусной системе, созданной Токутава.

Одной из характерных черт сделок в Осаке, даже когда за сделкой фигурировал реальный рис (а это было чаще всего, ибо сделки по будущему и пред-

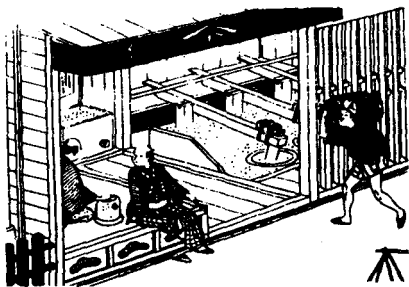
полагаемому урожаю время от времени запрещались правительством), было то, что торговец вручал доверенность на определенное количество риса, из того, что уже хранилось на складе. В результате торговой сделки рис уходил в другие районы. Киото, например, зависел от поставок из Осаки. Нужно было удовлетворить потребности и самих горожан, что было очень трудно, так как жители Осаки слыли знатными едоками - пословица гласила, что банкротства в Осаке случались из-за обжорства, а в Киото - из-за стремления одеваться слишком красиво. В общей сумятице рисового рынка встречались и те, кто хотел продавать рис в своих магазинах. Они платили за рис по рыночным ценам, а потом получали расписки на купленное количество, шли на склад и забирали рис, потом везли его в тяжелых телегах, запряженных волами (такие повозки запрещалось использовать простолюдинам, но разрешалось перевозить в них рис и другие товары по улицам Осаки).

Зерно на складе хранилось все еще в коричневой шелухе. Люди победнее забирали его в таком виде, но вообще-то лущить его должны были в лавке, иногда с помощью специальных машин, еще до продажи. Некоторые покупатели, особенно те, кто закупал рис оптом, нанимали "луцильщиков", которые приносили необходимое оборудование к дому и устанавливали его прямо на улице.

Хотя все дороги из глубинки вели в Эдо, и там был крупный рисовый рынок, его оборот значительно уступал рынку в Осаке. Это касалось и лю-

бого другого товара - будь то масло из разных масличных культур, хлопок, индиго, не говоря уже о сакэ и соевом соусе, которые производились в районе Осаки. Осака также являлась крупнейшим центром торгового флота, перевозившего грузы на склады в Осаку и из Осаки в Эдо. До токугавского периода основные торговые пути проходили из Осаки на запад по Внутреннему Японскому морю (связывая побережье Хонсю с побережьем северного Сикоку и Кюсю) и на восток к Эдо с заходом в порт Симода. От северо-западного побережья корабли курсировали в порты Цуруга и Обама, откуда грузы нужно было доставлять по суше к северному берегу озера Бива, а оттуда на лодке по озеру и по реке в Осаку. Был торговый путь в Эдо и с северо-востока, который не огибал полуостров Босо, а проходил по водным путям из Тёси. Торговые пути, проходившие по Внутреннему Японскому морю, сначала были опасны из-за пиратов, нападавших из многочисленных малых гаваней на островах, но потом, благодаря жестким мерам, принятым Хидэёси, разбойники перестали угрожать торговым кораблям.

В семнадцатом столетии была прекращена торговля с Азией, и запрещено строить большие океанские корабли. Кроме того, отказались и от торговых путей, упомянутых выше, с выгрузкой товара, в пользу единственного, хотя и более длинного пути вдоль северного побережья через пролив Симоносэки и в Эдо вокруг полуострова Босо. Этот последний торговый путь был разработан при

Торговцы рисом

содействии сёгуна, заботившегося об увеличении поставок риса в Эдо. В конце восемнадцатого века его продлили дальше на север до Хоккайдо, который начал поставлять лес и вяленую

рыбу.

Торговые корабли, которые рисковали выйти в море, ходили недалеко от берега, перевозили людей и товар с одного острова на другой или из одной провинции в другую, и были самыми большими судами страны... Они имели четырнадцать морских саженей в длину и четыре в ширину, на них можно было ходить под парусами или на веслах. Команда на таком корабле состояла, обычно, из 30-40 человек, чтобы можно было плыть на веслах в штиль. Места гребцов были расположены на корме. Они гребли или под ритмичную мелодию песни или под речитатив, служащий одновременно и командами гребцам, и их подбадриванием. В отличие от европейской манеры гребли, когда весла ведут вперед, а затем опускают в воду, японские гребцы резко опускают весла почти вертикально вниз и снова поднимают. Этот способ гребли не только ничем не хуже европейского, но и пред-

почтительнее, когда корабли идут по узкому проходу, минуя пролив, или близко друг за другом.

Наем судов для перевозки грузов был хорошо организованным бизнесом. Вся перевозка между Осакой и Эдо осуществлялась двумя пароходными компаниями. Первая называлась "компания Хигаки", потому что ее корабли были оборудованы конструкцией из бамбуковых стволов, предотвращающей перемещение груза во время качки. Эта компания была основана в 1620 году, когда один купец из Сакаи, старейшего торгового города, расположенного к югу от Осаки, нанял несколько судов, стоявших в гавани полуострова Кии, для того, чтобы начать перевозки грузов в Эдо. Именно с этого времени начали вместо наземных торговых путей использовать морские. Примерно в 1660 году появилась другая компания - Тару, которая начала перевозку сакэ из винокурен таких городов, как Нисиномия, в Эдо. Обе пароходные линии обслуживались товарными складами, где получали и складировали грузы для транспортировки. В 1772 году у компании Тару было восемь таких складов в Осаке и шесть в Нисиномии, а в 1773 году у компании Хигаки их было девять. В эти годы с центральным правительством было заключено соглашение, по которому за ежегодные выплаты в казну (эти вклады назывались "благотворительными") было разрешено перевозить грузы между Осакой и Эдо. Сакэ перевозили только на кораблях Тару; рис, отруби, индиго, пшеничную лапшу, укус, соевый соус и восковые свечи

перевозили на кораблях обеих линий; корабли Хигаки имели монопольное право перевозить все остальные грузы. Подобные соглашения очень часто в то время служили для создания торговых объединений. "Благотворительные вклады" составляли внушительную сумму, ежегодно поступающую в правительственную казну.

В тридцатых годах девятнадцатого столетия контроль за перевозкой грузов был снят, и в последующие десять лет в одиннадцатый месяц каждого года между кораблями двух компаний устраивали соревнования. Корабль Тару вез сакэ нового урожая, а Хигаки - шелк, и капитан того корабля, который приходил первым, получал хорошую премию и всяческие привилегии в течение всего года. Позднее влияние компании Тару усилилось, и она практически взяла в свои руки все перевозки.

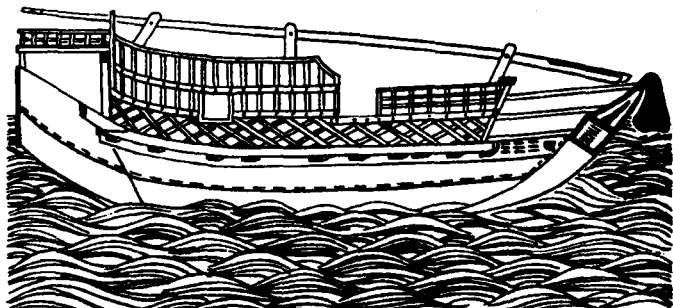
Кроме больших кораблей, перевозкой грузов и пассажиров занималось множество каботажных суденышек, которые ходили из гавани в гавань, по рекам, там, где они были судоходными. Один из самых важных речных путей проходил между Фусими в нескольких милях на юг от Киото и Осакой, им широко пользовались жители этих двух городов.

Поскольку каботажные суда курсировали из порта в порт, выполняя близкие рейсы по перевозке товаров, не нужно было заботиться об удобствах команды, для которой было достаточно иметь навес от дождя и огонь, чтобы сварить немного риса. Японские моряки, как и моряки во всем мире,

умели предсказывать погоду и были суеверны. Мужество их проверялось во время шторма; они не раздумывая ловили китов сетями, чтобы полакомиться их мясом, которое считалось деликатесом. Рыбу ловили по всему побережью, а около больших городов рыбная ловля носила организованный характер.

Дух наживы, воодушевлявший пиратов Внутреннего Японского моря в прошлые века, сохранился и у моряков, плававших в районе: остров Хирадо - Нагасаки - южная оконечность острова Кюсю. Контрабанда здесь процветала. Контрабандные пути проходили от острова к острову на юг до Рюкю, потом в Китай, где проходили тайные встречи с иностранными судами.

Несмотря на увеличение морских перевозок между Эдо и Осакой, наземный транспорт тоже развивался. Наземным транспортом кроме *даймё*, пользовались *самураи* и купцы. Послания чрезвычайной важности доверяли чиновникам, и они отправлялись в тяжелое путешествие в своих тряских носилках. Носильщики издавали ритмичное ворчание, передвигаясь по дороге быстрым шагом, и говорят, что пассажир при этом испытывал крайние неудобства. Он пытался противостоять тряске, почти повиснув на петле, укрепленной у него над головой. Посланник, который принес в Акио весть о смерти своего господина, не мог сразу отпустить петлю, когда прибыл на место назначения, так затекли у него все члены после вынужденного тяжелого путешествия. Носильщики сме-

Судно Хигаки с фальшбортом ромбической конструкции из бамбуковых стволов

нялись через короткие интервалы на почтовых станциях, расположенных вдоль Токайдо.

Для пересылки писем, документов, небольших сумм денег существовали курьеры, передвигавшиеся пешком. В первые годы описываемого периода сёгун и даймё организовали собственную почтовую связь; это была эстафетная система со сменой через каждые семь *ри* (семнадцать с половиной миль). В 1663 году организацией курьерской связи стали заниматься купцы, которые пересылали почту между Эдо и Осакой три раза в месяц. Курьеры добирались до Киото за десять дней и еще за два дня - до Осаки. Услуги по пересылке почты могли быть дешевле, если срок доставки был менее 25 дней, но доставка могла быть и срочной, всего за три дня, если курьеры шли сутками, про-

делывая больше ста миль в день. Правительственных курьеров первыми пропускали на переправах, они могли проходить через любые заставы; очень часто их сопровождал эскорт с фонарем, на котором было написано слово "гоё" ("служебное дело"). Постепенно такая же система стала появляться и на других важных дорогах Японии.

По мере развития торгового флота, стало невыгодно использовать дороги для перевозки товаров, и носильщики с вьючными лошадьми перебрались дальше вглубь континента, или стали перевозить грузы, требующие особого внимания. Примером такого груза может служить подарок, отправленный великим актером Киото конца семнадцатого столетия, Саката Тодзюро, своему коллеге в Эдо, который провел сезон в Киото. Это был большой сосуд с водой из реки Камо, предназначенный для первого церемониального новогоднего чая. Тодзюро хотелось преподнести своему другу что-то отражающее его глубокие чувства, но выраженное не в деньгах. Чтобы быть уверенным в благополучной доставке подарка, он отправил его по дороге с восемью носильщиками.

Чтобы пролить немного больше света на торговую жизнь того времени, давайте поинтересуемся, каким образом семья Мицуи, которая как и Коноикэ пережила Реставрацию и стала одним из финансовых гигантов современной Японии, составила свое огромное состояние. Начало эта семья ведет из города Мацудзака недалеко от Исэ, где

они варили *сакэ* и ссужали деньги под залог. Процветание семьи началось с Такатоси (1622-1694), младшего сына другого Такатоси, который происходил из *самураев*. Говорят, что у отца не было торговой жилки, и первыми успехами в бизнесе они были обязаны своей матери.

Примерно в 1625 году старший сын Тосицугу отправился в Эдо, чтобы ознакомиться с последними достижениями и пополнить семейное состояние. Сначала он работал на каких-то родственниках, владевших магазином тканей, но уже в 1627 году, в возрасте 20 лет, открыл свой маленький магазинчик, а в скором времени - еще один в том же районе. На входе в магазин он повесил кусок ткани, выкрашенной индиго, *норэн*, который предохранял внутреннее помещение от грязи и пыли с улицы, и, кроме того, служил символом независимости и процветания торгового дела; на нем были нанесены три горизонтальные черты, обозначающие *мицу* ("три"), и ромб, обозначающий четыре стенки колодца ("*и*"), вместе составляющие фамилию Мицуи. Торговые дома часто давали названия магазинам, оканчивающиеся на -я ("дом"); Мицуи назвал свой "*Этиго-я*", по имени семейного бизнеса. В Киото он тоже открыл магазин, который и стал в конце концов его главным филиалом.

А в это время подрастал Такатоси, и в 1635 году мать дала ему хлопка стоимостью в 10 *рё* для начала самостоятельной жизни. Он отправился в Эдо

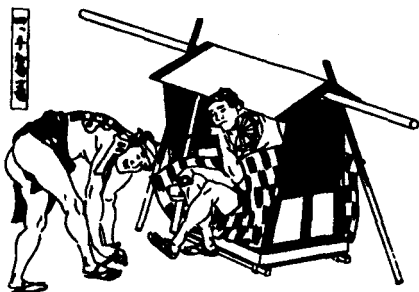
Носильщики ждут плату. Это были крепкие парни с татуировками на спине и плечах.

работать продавцом в одном из магазинов брата и очень преуспел.

За десять лет он увеличил капитал со 100 *каммэ* серебра (1670 *рё* золота) до 1500 *каммэ*. Развивая торговлю, он в 1649 году вложил 800 *рё* в другой филиал в Эдо, а свой первоначальный капитал в десять *рё* превратил в десять *каммэ* серебра и намеревался открыть свое собственное дело.

Когда его старший брат узнал об этом, он испугался конкуренции Такатоси. Поэтому уговорил мать, овдовевшую в 1633 г., отозвать Такатоси в Мацудзаку и убедить заняться семейными делами. Слово старших в семье было законом, и Такатоси не мог послушаться, хотя ему было уже 27 лет. По возвращению он женился на дочери одного из процветающих купцов города; у них родилось 10 сыновей и 5 дочерей.

Теперь он больше думал о своих сыновьях, чем о себе. Его брат Тосицугу все еще был в Киото, но все равно являлся наследником семейного состояния, поэтому Такатоси решил иметь собственное дело. Первым шагом в этом направлении было

строительство в 1652 году резиденции. Одновременно он становится купцом-менялой. Как и в семье Коноикэ, он предоставлял ссуды не только *гаймё* и купцам, но и крестьянам, которым иногда нужно было раньше срока выплачивать налоги, подкупить рис или подправить что-то в хозяйстве. Поскольку ссуды *гаймё* и крестьянам обеспечивались рисом, он еще и торговал рисом. Похоже, что ссуды купцам не играли серьезной роли в его бизнесе, а огромный капитал он накопил, занимаясь другой деятельностью.

В 1667 году он отправил своего четырнадцатилетнего сына Такахира в Эдо в магазин Тосицугу, где начинал сам, учиться торговать, а затем в 1668 и 1672 годах вслед за старшим отправились и два следующих сына. В 1670 году Такахира поменял имя на Хатирозмон. Он уже имел репутацию умелого торговца и в 1672 г. стремится открыть магазин для своего отца; это облегчается в связи с внезапной смертью Тосицугу. Тем временем его отец отправляется в Киото, открывает там склад и начинает скупать ткани для последующей отправки в Эдо. Они называли фирму Этигоя Хатирозмон, и их начальный капитал составлял 100 *каммэ* серебра. В магазине в Эдо было занято пять или шесть старших продавцов, два ученика и один разнорабочий; а в Киото - четыре старших служащих и столько же младших.

В Эдо в это время все магазины тканей были на одной улице. Самый большой достигал в ширину

Символ дома Мицуи виден в середине этой вывески с крупной надписью гофукумоно - "ткани" - под ним. Слева наверху - какэнэ наси - "умеренные цены". Справа наверху - гэнгин - "продажа за наличные", слева внизу - Этигоя, снизу справа - Мицуи - в иероглифическом написании.

120 футов, а Хатирозмон арендовал помещение в девять футов шириной. Поначалу ему не хватало товара из Киото, чтобы заполнить прилавки в Эдо и приходилось занимать товар у родственников. В то же время, вступая в рынок со сложившейся конкуренцией, он должен был чем-то привлечь покупателей. И он вводит принципиально новый метод оплаты товара: раньше покупатели оплачивали покупки раз в год в конце 12-ого месяца или два раза в год в конце 6-ого и 12-ого месяцев, и это, конечно, замораживало капиталы на долгое время и поднимало цены. Такатоси стал брать плату наличными в момент продажи и снизил цены на десять-двадцать процентов. Это снижение цен не порадовало его конкурентов, и ему пришлось в 1683 году переехать в другой район.

Бизнес в Киото с покупкой магазина в районе Нисидзин, где производили самый высококаче-

ственный шелк, также расширился, а в первые годы нового столетия в его магазинах начал появляться и импортный китайский шелк. Незадолго до этого в Эдо открыли еще один магазин по продаже хлопчатобумажных тканей; к 1720 году его штат увеличился с 17 до 130 человек. Отчасти это объясняется ростом городского населения, а отчасти тем, что люди стали богаче.

В 1683 году фирма еще расширилась, когда в одном из магазинов в Эдо открыли пункт обмена денег. Через три года семья переехала из Мацудзаки в Киото, в 1687 году Мицуи стали официальными поставщиками тканей для центрального правительства, в Эдо и Киото были открыты специальные конторы. Но Такатоси совсем не считал это дело прибыльным, хотя, вероятно, оно было престижным. Сам он вскоре воспользовался возможностью отстраниться от этого бизнеса. Итак, к концу 80-х годов бизнес по обмену денег в Эдо стал одним из 30 самых крупных. Менялы здесь, как и "десять человек" в Осаке имели контрольные права над остальными представителями этого бизнеса, а правительство уполномочило их следить за государственной казной. До сих пор деятельность семьи Мицуи происходила в Мацудзаке, Эдо и Киото, теперь они перенесли торговлю тканями и денежные операции в Осаку, и в том же 1691 году подписали контракт на доставку денег из Осаки в Эдо. По традиционной системе деньги из обменной конторы в Осаке переправляли правительству в Эдо за 60 дней. А Мицуи ввели новую систему,

по которой как только деньги поступали в контору в Осаке, их тут же под расписку выдавали купцам в Осаке, которые имели должников в Эдо. Те в свою очередь выкупали расписки, таким образом, ликвидируя долги. Этими деньгами семья Мицуи могла расплатиться и с правительством. Итак, при этих нововведениях уменьшалось количество переводов денег в Эдо из Осаки и обратно, кроме того семья Мицуи к своей личной выгоде имела на руках правительственные деньги в течение двух месяцев и ссужала эти деньги купцам в Осаке под большие проценты. Предприятие было очень надежным и стало следующим шагом в превращении торговой фирмы с довольно ограниченным полем деятельности в национальную финансовую корпорацию.

В 1694 году Такатоси передал четверым сыновьям семейное дело, оговорив при этом долю доходов для каждого. Когда в 1695 году он умирает, то семейное дело уже находится в надежных руках. В рискованные предприятия Мицуи не вступали: например, не давали ссуд *гаймё*, не давали ссуд на восстановление заброшенных земель, хотя к концу данного периода политика по поводу последних была пересмотрена. И сейчас фирма Мицуи очень влиятельна во многих областях. Их ткани до сих пор продаются в сети универмагов Мицукоси (*мицу* - первый слог фамилии, а *коси* - японский вариант чтения иероглифа *эти* в слове *Этиго*, первоначальном названии торгового дома).

Было и еще несколько богатых купеческих семей, каждая из которых имела свою специализацию, как Сумитомо с их шахтами, но и описания становления семей Мицуи и Коноикэ будет достаточно, чтобы показать силу семейных связей и авторитет старших в семье, а также то, как купцы использовали *самураев* и созданную ими систему для обогащения и развития своего дела.

В отличие от крестьян, чей образ жизни полностью зависел от *самураев*, купцы жили по установленным ими правилам. Вот отрывок, хорошо иллюстрирующий это положение.

"Купцы, в отличие от *самураев*, не имеют жалованья и содержат семью на деньги, полученные от ежедневной торговли. И так продолжается из поколения в поколение. Им приходится быть скромными в одежде, еде, убранстве дома и откладывать на черный день: на случай болезни, пожара или землетрясения.

Так как на жизнь они получают от своих клиентов, то нужно братья за любые самые маленькие сделки. Купцы не должны проявлять неучтивость даже к служанкам и детям.

У *самураев* свой кодекс, по которому они живут, у крестьян свои сроки посадки и сбора урожая, у ремесленников свои приемы и секреты изготовления предметов, а купцам приходится каждый день писать счета. Пословица гласит, что рот откроешь зря и несчастье может войти в дом, язык тоже может накликать беду, поэтому никогда нельзя разговаривать с клиентом грубо и оскорбительно.

Основное правило жизни купца - быть преданным своему хозяину, который направляет его по пути истинному, быть благодарным своим родителям, которые его воспитали и которые, экономя и отказывая себе во всем, копили состояние для будущих поколений".

Менее сентиментальный, но не менее убедительный кодекс поведения поведал Сайкаку. Один из его героев сообщает о том, что способствует зарабатыванию денег:

Ранний подъем	10%
Преданность семейному делу	40%
Работа сверхурочно	16%
Бережливость	20%
Хорошее здоровье	14%

А вот что мешает процветанию дела и накоплению денег:

1. Дорогая еда и женщины; шелковые *кимоно* каждый день.

2. Отдельные носилки для жен; уроки музыки и игры в карты для взрослых дочерей.

3. Уроки игры на барабанах для сыновей.

4. Соревнования по стрельбе из лука, игры в мяч, поэтические конкурсы, курение благовоний.

5. Ремонт в доме, пристрастие к чайной церемонии.

6. Гуляние во время цветения вишни, катание на лодке, ежедневные ванны.

7. Городские увеселительные мероприятия, участие в азартных играх.

8. Уроки владения мечом и дуэльной схватки для горожан.

9. Посещение храма и общение с потусторонним миром.

10. Стремление помогать ближним в несчастьях, брать кого-то на поруки.

11. Тяжба по заброшенным землям, участие в шахтерских прожектах.

12. Употребление сакэ по вечерам, частое курение трубки, лишние поездки в Киото, не вызванные необходимостью.

13. Спонсирование благотворительных соревнований по борьбе. Слишком большие подношения храмам.

14. Занятия резьбой по дереву во время работы; коллекционирование золотых украшений для мечей.

15. Знакомства с актерами и посещение мест развлечений.

16. Долги под проценты большие, чем 8% в месяц.

Все перечисленное действует вернее, чем мышьяк.

Другими словами, работай много и не трать ни время, ни деньги на посторонние вещи.

ПРИДВОРНЫЕ, СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ, ВРАЧИ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Императорский род существовал в Японии всегда, однако Императоры, начиная с десятого века, только изредка получали реальную власть. Жили они во дворце в Киото, на земле, пожалованной правительством, и вели размеренный образ жизни, принимая участие в официальных церемониях и литературных занятиях. Придворные - обладатели древних чинов и званий, тоже жили во дворце, носили традиционное платье, по отдельным деталям которого можно было судить об их положении при дворе. По повелению сёгуна чины и звания при Императорском дворе присваивались самураям высокого ранга во время торжественных церемоний. Император строго придерживался ритуала проведения церемоний, насчитывающего сотни лет: например, в честь посадки риса или сбора урожая риса. Однако, устойчивость Императорского правления определялась консерватизмом и поддерживаемым сёгуном авторитетом Императора, что в свою очередь придавало исключительность посту главнокомандующего, на который его назначил сам Император. Вряд ли кто из путешественников, посетивших Японию в те времена, знал о существовании Императора, а Кэмпфэр называл этим титулом сёгуна, обращаясь к нему, как к Папе, живущему в Киото. В любом случае, успокоением Императору могло служить то, что умирал он не от трудов праведных. Как можно рань-

ше он слагал с себя все обязанности и уходил на покой. Его, как важную персону, охраняли офицеры, назначенные властями. На трон вступал старший сын Императора, хотя обычно он был еще очень молод. Младшие сыновья становились священнослужителями, и многие известные буддийские храмы оставляли посты настоятелей для членов Императорского рода. В токутавский период дочерям Императора не разрешалось выходить замуж, они шли в монастырь. То, что Император жил в Киото, создавало в городе определенную атмосферу. Если купцы в Эдо стремились стать поставщиками дома сёгуна, то в Киото купцы лезли из кожи вон, чтобы заполучить клиентов в Императорском дворе. Может быть, иметь подобную клиентуру было и не очень прибыльно, но зато очень престижно и привлекало богатых снобов, которые готовы были платить лишние деньги за возможность пользоваться услугами тех же мастеров, кто обслуживал "небожителеев", как называли членов Императорского двора. Жители Киото время от времени видели обитателей дворца во время различных церемоний верхом или в экипажах, запряженных быками. Если членам Императорского двора предстояло дальнейшее путешествие; допустим в Никко, выразить уважение праху Иэясу, который покоился в богато украшенном мавзолее, или в великий храм в Исэ, или в Эдо для участия в переговорах, им позволялось бесплатно пользоваться услугами почтовых станций, крестьяне при этом служили носильщиками или бесплатной рабочей силой.

Во дворце было принято исключительно изысканно и витиевато выражаться, а самих придворных считали мягкотелыми декадентами, хотя относились к ним с большим почтением. Они посвящали себя таким эстетическим занятиям, как любовование цветами и поэтические поединки, учились различать и оценивать ароматы. У горожан, живших по купеческому кодексу экономии и бережливости, подобное времяпрепровождение вызывало осуждение. Были у придворных и более подвижные занятия. К ним относились церемониальные танцы под придворный оркестр, и игры в мяч, где целью было не выиграть, а провести всю игру крайне грациозно. Придворные любили также смотреть театральные представления и кукольные спектакли, чтобы провести время, которое было для них тяжким бременем. Иногда придворным случалось наносить друг другу оскорбления, соответственно властям приходилось прибегать к их наказаниям.

В середине девятнадцатого столетия двор становится центром активной политической оппозиции, что привело в конечном счете к перевороту: правительство сёгуна было сброшено, и на его место пришел Император, власть которого была восстановлена впервые за тысячу лет. Таким образом, классический институт власти Японии стал во главе страны, осуществляя политику, которая и положила конец периоду традиционной Японии.

По традиции Император исполнял основные религиозные функции, как прямой потомок богини

солнца Аматаэрасу-оми-ками - "великого божества, освещающего небо". Он являлся гарантом изобилия, выращивая рис на священном рисовом поле в пределах Императорского дворца, также как китайский Император отвечал за урожаи всей своей огромной страны. Религия, в контексте которой Император исполнял эти функции, представляла собой комплекс верований и обрядов, и стала известна под названием *синто*, или "путь богов". В число синтоистских богов входили: великие божества, создавшие мир и в частности Японию, божества, правящие небом, землей и подземным миром; божества менее значимые: покровители семейных и родовых групп в деревнях и городах, духи, живущие в деревьях и камнях, духи, обитавшие в домах и оберегавшие очаги и личные покои, божества, от которых зависело благосостояние крестьян и торговцев, помогающие собирать урожай или защищающие купеческие гильдии. И хотя в легендах великие боги вели себя, как мужчины и женщины, их изображали не в человеческом облике, а в виде духов, невидимо присутствовавших в священных местах, обозначенных веревкой из рисовой соломы или каким-то ограждением вокруг дерева или камня. Синтоистский храм был, по существу, обителью с несколькими воротами; простые люди приходили помолиться к самому дальнему входу, внутрь храма проходили только привилегированные прихожане. Огромные могилы древних Императоров были таких же размеров, как и погребальный холм Мэйдзи. Простолюдинам достаточно было преклонить колени на рас-

стоянии, а члены Императорского дома и чиновники Управления Императорского двора могли подойти поближе.

Приблизиться к святыне можно было только после очищения: нужно было вымыть руки, прополоскать рот и пройти через ритуальное очищение, когда священник обмахивал голову прихожанина пучком бумажных лент. Священники жили при больших храмах. В обычной деревне или в городском районе священник проводил ритуальное очищение в свободное от основных занятий время, но в центрах провинциальных или национальных культов священники уделяли этому все свое время.

В свое время были женщины-священнослужительницы, - медиумы, устанавливавшие контакт между реальным и потусторонним миром. В фильме "Расёмон" дух убитого человека излагает свою версию преступления, которая прослеживается посредством священника-женщины. К началу токугавского периода эти женщины превратились в проституток или в деревенских колдуний. Были при храмах и женщины, которые принимали участие в религиозных танцах, но в целом женщины занимали незаметное место в религии. Священники могли жениться, и сын наследовал место отца в храме, что вместе с землей составляло собственность рукоположенного. Но, конечно же, деятельность синтоистского и буддийского духовенства подлежала контролю правительства.

В обязанности синтоистского духовенства входило посредничество между людьми и богами. Они

принимали подношения, читали молитвы и по праздникам устраивали театрализованные представления на мифологические сюжеты. Было у них и много административных обязанностей - начиная с вручения амулетов и охранных надписей в обмен на подношения и до ведения хозяйства и заботы о паломниках в таких больших храмах, как Исэ или Миядзима. Агенты больших храмов, собирающие среди крестьян группы паломников по святым местам, тоже являлись членами духовенства. Они собирали группы паломников и среди горожан. Желающие могли полностью воспользоваться всеми плодами паломничества, не посещая храма; им продавали амулеты и охранные надписи, а за определенное вознаграждение передавали молитвы и просьбы указанным божествам, в тех случаях, если люди были ограничены в средствах или во времени.

Вообще говоря, синтоистские священники не проповедовали аскетизм. Их религия подразумевала жизнь, полную удовольствий от еды, питья и семьи. И хотя до периода Мэйдзи обе религии - и синто, и буддизм - были теоретически объединены так, что синтоистские божества были инкорпорированы в буддийский пантеон, различия между религиями были довольно четкими, как и между двумя духовенствами. Храмы Исэ, чей бог был предком Императора и, следовательно, семейным богом Императора, были единственными храмами, на территорию которых не допускали буддийских священников, и даже придумали им специальное прозвище - "бритоголовые".

Буддийское духовенство сильно отличалось от синтоистского, ибо они были не просто посредниками между верующими и Буддой. Буддийские священники сами были истовыми верующими, стремящимися пройти все три степени сознания и обрести состояние Будды. Всевозможные секты претендовали на то, чтобы стоять у истоков своей собственной религии. Перед тем, как в 794 столица была перенесена в Киото, резиденция Императора находилась в Наре, где до сих пор сохранились величественные храмы старых сект. Священнослужители в них занимались тем, что охраняли свои сокровища и предавались философским дискуссиям. Прошло несколько веков и стали появляться новые сооружения: комплексы монастырей и храмов на горе Хиэй, на востоке от Киото, и на горе Коя, на юге от Осаки. После гонений в период Ода Набунага они уже не были столь могущественными, но с ними все еще нельзя было не считаться. Тот буддизм, который они проповедовали, был пронизан символическими ритуалами и таинственными колдовскими знаниями. Секта Дзэн, с центрами вокруг городов Киото и Камакура, где была резиденция первого сёгуната, использовала минимум ритуалов, но обучала умению медитировать, ее аскетизм и упор на интуицию очень привлекали к ней самураев.

Все буддийские школы учили, что человек только сам, своими усилиями может достичь состояния Будды, а они будут помогать ему в этом своими учениями, молитвами после его смерти, так что-

бы человек скорее прошел свой путь. Потом стали появляться школы учения Чистой Земли, которые учили, что спасение души зависит от усилий Будды, которого по-японски называли Амида (Амитабха на санскрите), он даровал вечное наслаждение тем, кто с верой и чистым сердцем повторяет фразу "Слава Будде Амида", и тогда вечность они проведут, сидя у водоема в цветах лотоса у подножия трона Амида в его раю на Западе.

Последняя школа появилась незадолго до начала токугавского периода; в ней проповедывали учение священника Нитирэна, удивительно националистическое и нетерпимое ко всем другим религиям. Эта школа сильно пострадала от преследования властей. После распространения учений школ Чистой Земли и Нитирэна буддизм становится все более популярной религией и это превращает его из доступного небольшой группе посвященных учения в более открытую, обращенную к людям религию. Теперь верующие могли пойти в храм, где пели молитвы о спасении души, и верили в это спасение. И хотя буддизм утратил прежнее политическое влияние, зато приобрел контакт с простыми людьми.

Конечно, здесь сыграл роль и тот факт, что по закону о запрещении христианской религии, каждый гражданин обязан был зарегистрироваться в списках паствы какого-нибудь буддийского храма. Число храмов постепенно увеличивалось, все больше храмов появлялось в деревнях.

Несмотря на то, что в школе Чистой Земли браки разрешались, большинство священнослужителей давали обет безбрачия; они придерживались вегетарианской диеты, не употребляли сакэ и избегали душистых благовоний. Буддийские священнослужители имели свою иерархию, по которой можно было подняться, обучаясь в больших храмах, являвшихся семинариями. Епископата, как в Христианской Церкви, несшего ответственность за священников того или иного прихода, не существовало. В самом начале периода правления дома Токугава большинство храмов подчинялись школе Дзэн. Вовсе не надо думать, что священники только и делали, что медитировали и решали богословские задачи, они исполняли и чисто административные функции в храмах и отвечали за свою паству, в частности совершали богослужение, когда кто-то из прихожан умирал.

Буддийские священники всегда очень серьезно относились к смерти. Ведь этот мир был лишь промежуточным звеном в последовательности жизней, и уход из него, конечно, сопровождался буддийскими ритуалами. Очень малая часть населения страны исповедовала не буддийское учение, а синтоизм, для них существовало захоронение по законам *синто*, к которому прибегали и те немногие семьи в стране, которые считали себя конфуцианцами - людей хоронили, а не кремировали. А по буддийским правилам человека почти всегда кремировали. Последний клуб дыма при кремации в больших крематориях крупных городов симво-

лизировал для человека расставание с жизнью. В сельских районах верующего могли предать земле, хотя кремация становилась все популярнее в токутавский период. Даже Императоров хоронили с почестями по буддийским законам, как было с большинством сёгунов, кроме первого, Иэясу, чьи останки перенесли из Сидзуоки и перезахоронили в богатом мавзолее Никко.

Когда кто-то умирал, приглашали священника из храма, и он совершал богослужение, читая над усопшим подходящие цитаты из буддийских сутр на китайском языке. Богослужение сопровождалось ударами колокола (форма колокола, в отличие от европейского, скорее напоминала чашу). Иногда били в деревянный барабан, похожий на тыкву. После богослужения у умершего сбрасывали все волосы, омывали его водой и заворачивали в белый саван из хлопка, потом в сидячем положении тело укладывали в гроб, который имел форму бадьи. Крышку закрывали и всю ночь бодрствовали у гроба с зажженными свечами и курящимися благовониями, при этом продолжали читать сутры. На следующий день процессия с носилками, на которых устанавливали гроб, сопровождаемая скорбящими родственниками и священником, направлялась к месту захоронения или к крематорию. Несомненно пышность церемонии зависела от достатка семьи: у бедного крестьянина не было средств для погребального костра, и хоронили его на краю собственного поля.

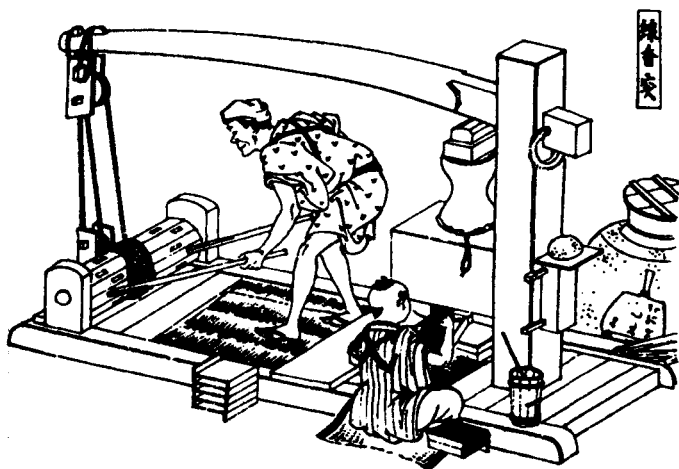
После кремации пепел собирали и помещали под священным камнем на кладбище у храма или в Киото, в месте, с древних времен отведенном для этого. Лакированную дощечку с буддийским именем покойного, которое присваивалось ему после смерти, помещали в алтаре (они были почти во всех домах) или в храме, к которому была приписана семья.

После смерти через определенные промежутки времени совершали специальные обряды с обязательным чтением сутр и молитв. Каждые семь дней сразу после смерти вплоть до сорок девятого дня по усопшему читали особые молитвы, потому что по учению Будды в эти дни и особенно на седьмой, тридцать пятый и сорок девятый день, умерший очень нуждался в помощи тех, кого он оставил, ибо именно в эти дни решался вопрос о его будущей жизни. Если человек был или очень добродетельным или наоборот, очень плохим, то вопрос о будущей жизни решался без промедления. Но в большинстве случаев нужно было оценить его достоинства, и вот тогда-то воздействие, исходящее с земли вместе с молитвами, могло оказать благотворное влияние. Потом наступал черед поминовений в годовщину смерти, причем и здесь некоторые годовщины были важнее, чем остальные; первая, третья, седьмая, тринадцатая, семнадцатая и так далее до пятидесятой и после этого каждые 50 лет. Набожная семья посещала храм в эти дни, где читали молитвы, жгли свечи, курили благовония. Поминовение усопших совершал священник, что и было для него постоянным занятием и постоянным источником дохода.

Семья также должна была соблюдать траур, для родственников период траура длился разное время, в зависимости от близости родства: от 50 дней по родителю, 30 по мужу, 20 по жене до 3 по племяннику или племяннице. Родственник усопшего должен был на время траура изолировать себя, чтобы не осквернить других; в особенности он не должен был осквернять синтоистский храм и его пределы образом смерти, а уж если избежать этого было совсем невозможно, он не должен был входить через *тории* - ворота храма. В доме тоже нельзя было пользоваться главным входом; нельзя было устраивать свадьбы, делить имущество, пить *сакэ* или есть мясо, слушать музыку, бриться или стричься. Кроме того очень долго нужно было носить траурное платье, по родителю - дольше всего, целых тринадцать месяцев. Правда, этот обычай касался в основном придворных, которые носили черное, и *самураев*, которые носили черное кимоно с семейным гербом; обязательно нужно было покрывать голову, хотя бы просто листом бумаги, чтобы не осквернять солнце.

Буддийских священников видели на улице тогда, когда они шли на похороны или на поминальные, а также во время праздников *Бон* летом, когда души умерших нисходили на землю, и нужно было читать молитвы. Около больших семинарий можно было видеть послушников, которые со своими чашами отправлялись просить милостыню. Одеты они были в белые хитоны, подвязанные веревочными кушаками, в черные куртки и соло-

менные шляпы. На босу ногу надевали соломенные или деревянные сандалии. Одежда священников менялась в зависимости от ранга и принадлежности к секте, и конечно, благосостояние священника тоже играло не последнюю роль, но в целом платья священника и послушника были похожи, за исключением кэса, полоски ткани, которая перекидывалась через левое плечо и закручивалась на талии слева направо. Если человек ста-

Изготовитель свечей с благовониями. Он использует сложный пресс, чтобы прессовать воск с душистыми маслами, который затем сын хозяина (юноша с мальчишеской стрижкой) режет на куски.

новился буддийским священником, то он проходил через особый ритуал бритья волос на голове. Они носили четки, бусинки, которые можно было "посчитать", они соответствовали количеству молитв. Четки можно было потереть между ладонями, тогда бусинки стучали друг о друга и этот звук изгонял духов и умирал призраков.

Иногда священник мог посетить кого-нибудь из прихожан, который по обычаю брал на себя обязательство оказывать храму как материальную, так и моральную помощь, и те часто развлекали священников. Священника допускали на семейные советы и часто среди домочадцев *гаймё* был священник, в обязанности которого входило не только отправлять все буддийские ритуалы, но и выполнять функции переписчика, каллиграфа и специалиста по чайной церемонии. Священники часто не только читали проповеди, а были единственными, кто имел опыт публичных выступлений. Кроме выполнения этих почетных обязанностей, священники порой были непрочь хорошо провести время вдали от храма, их часто можно было видеть в театрах. Некоторые занимались любовью с псаломщиками, а среди мальчиков (проституция тогда расцвела пышным цветом) они считались надежными клиентами. В это же время сюжет о священнике, скрывающем в глубине храма любовницу, часто встречается в литературе.

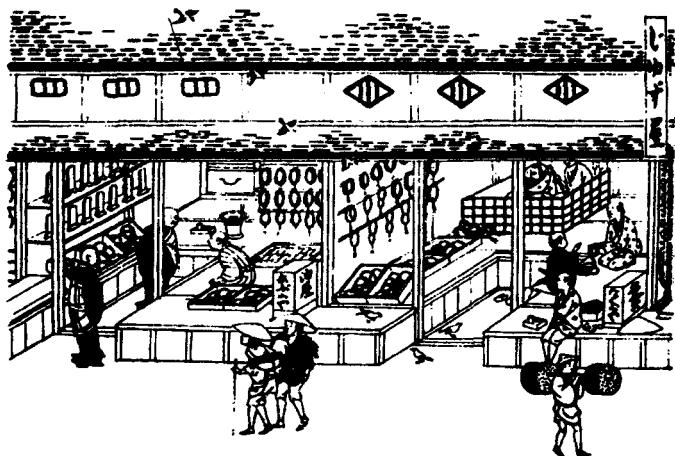
Профессионального священника, который служил для прихожан в храме, готовили с детства. Были среди священников и те, кто приходил в

храм, оставляя мирскую жизнь. В основном это были люди в возрасте, главы семей и их жены, даже иногда высокопоставленные *самураи*, которые отказывались от выполнения своих административных и деловых обязанностей. Женщины шли в монахини и жили в монастырских кельях. Но были среди монахинь и такие, которые только притворялись верующими, а сами шли бродяжничать по дорогам, распевая буддийские гимны. Им нравилось оказывать услуги во время своих странствий. Они составляли ту многочисленную группу людей, которые существовали около буддизма, их жизнь была похожа на жизнь уличных артистов и нищих. Они доводили себя до неистовства, танцуя, сопровождая танец звоном колокольчика и ударяя себя в грудь. Иногда они даже вели службу где-то на углах улиц. В те дни некоторые формы сумасшествия считались развлечением, и людей, которые ими страдали, просили иной раз устроить представление для зрителей. В результате эти полунищие, которые своими ужимками и фиглярством развлекали ближнего, постепенно превращались в парий. Буддийские священники стояли над сословиями, а если они подвергались наказаниям, то, скорее, таким же, как *самураи* (только без права делать *харакири*). Их могли отправить в изгнание или заточить в собственном храме.

Кроме духовенства, были еще и *оммёси*, достигшие совершенства в познании китайской науки *инь* и *янь*, положительного и отрицательного начал жизни. Их занятия включали изучение кален-

даря, расположения звезд, компаса и физиогномики, они могли дать совет в любой сфере деятельности человека. День бракосочетания назначался в соответствии с гороскопами вступающих в брак, также определялся день, когда можно начинать строительство дома, в какую сторону ставить его фасадом, даже расположение комнат зависело от гороскопов, в общем, все делалось по рекомендациям *оммёси*. Когда в восьмом веке определяли место для строительства города Киото, тоже пользовались услугами *оммёси* и считали, что город очень хорошо защищен от происков злых сил, поскольку окружен горами со всех сторон, кроме южной. Но результат оказался плачевным: в Киото холодно зимой и жарко летом. В токутавский период специалистов в этой области насчитывалось десятки тысяч. Они обладали большим влиянием. Профессией *оммёси* владели как буддийское духовенство, так и синтоистское, те и другие священники были еще и искусными астрологами.

Еще одна группа профессионалов стояла над сословиями - это врачи. Им разрешали носить длинные мечи, они имели фамилии. Врачей можно было легко отличить по внешнему виду, волосы у них были коротко острижены, но на макушке не выбривались. Профессия врача передавалась от отца к сыну, и детей отправляли учиться в Киото и другие города к старым специалистам. Учились они основам китайской медицины, лечению травами. Настои готовили сами, выращивая тра-

Два магазина, где можно купить все для буддийских обрядов. Тот, что справа, Накура-я, очевидно, специализируется на продаже четок, а тот, что слева, Абура-я, продает не только четки, но и погребальные дощечки. Священнослужители в Абура-я одеты в свои кэса.

вы в садах около своих домов. Лекарства против внутренних болезней часто бывали весьма эффективны, некоторыми из них пользуются и сейчас. Хорошо лечили ножевые раны, но хирургия была в зачаточном состоянии, хотя благодаря контактам с врачами из голландской фактории в Нагасаки, японцы совершенствовались в анатомии. К девятнадцатому веку лучшие врачи стали успешно сочетать восточную и западную медицину. Дело в

том, что в некоторых областях, японская медицина даже обгоняла западную, метод общей анестезии был использован сначала в Японии, а потом в Америке.

Лекарства принимали в порошках, и для каждого человека подбирали лекарства, которые подходили именно ему. Почти каждый носил с собой набор таких лекарств, и если какому-то прохожему на улице становилось плохо от приступа болезни или от ран, то любой по доброй воле мог дать ему лекарства из коробочки, которую пострадавший носил на поясе.

Лечение, предлагаемое специалистами, было разнообразным. Очень часто вечерами можно было встретить слепых массажистов, они играли на флейте, чтобы им уступали дорогу. Искусство массажа было очень развито, от легкого похлопывания и массирования плеч для снятия напряжения и усталости - любая послушная жена делала это для мужа и свекрови; до полного серьезного массажа с битьем и растягиванием. Различные боли, а иногда и заболевания можно было лечить прижиганием; для этого щепотку травяного порошка сыпали на одну или несколько болевых точек на теле и поджигали. Это средство особенно помогало при мышечных болях. Были практикующие врачи, которые предлагали лечение акупунктурой - серебрянные иголки вводили глубоко в определенные точки на теле человека. Оба эти метода широко применяют и сейчас. Причем до сих пор пы-

таются выяснить научную подоплеку их эффективности.

Кроме священников и врачей, была в Японии и еще одна категория образованных людей. К этой категории относились конфуцианские ученые и люди, изучавшие литературу и историю Японии. Жизнь великого поэта Басё может служить хорошим примером того, как человек, благодаря своему высокому литературному или интеллектуальному статусу, становился вне всех сословий. Мы называем этого поэта Басё, хотя он носил это имя только с 1680 по 1694 годы. Его настоящее имя было Мацуо Мунэфуса. Фамилию Мацуо носила его семья, у поэта же был целый набор имен, как и приличествует человеку, происходившему из рода *самураев*. Он пользовался своими именами в разное время для разных целей (кроме этого у него было 15 псевдонимов). Басё родился в 1644 году в маленьком приамковом городе Уэно в провинции Ига, его взяли служить в замок к одному из сыновей *гаймё*, звали его Тодо Ёситада. Мальчиков учили, по-видимому, одни и те же учителя, один из которых оказал особое влияние на Басё. Этот учитель занимался с мальчиками древней литературой Японии и заставлял их принимать участие в домашних конкурсах по стихосложению, что было в то время очень модно. (Группа поэтов собиралась вместе как на праздник, они должны были придумать стихотворение из 17 слогов, позже эти стихи называли *хайку*). Ёситада и Басё изучали так же военные искусства и китайскую классическую

литературу. В 1666 году еще молодой учитель умирает и, потрясенный его смертью, Басё отправляется странствовать. Ради этого он отказывается от своей вассальной зависимости и по сути превращается в беглеца. Какое-то время он живет в Эдо под защитой ученика его умершего учителя литературы.

В то время его слава как поэта быстро росла, один за другим публиковались сборники стихов. В Японии существовала давняя традиция, по которой литератор мог удалиться от мира и уединиться в маленькой хижине, где жизнь его была наполнена любованием природой, беседами с друзьями, разделяющими его взгляды, и где он мог записывать свои мысли. И вот Басё предоставилось возможность жить именно так. У одного из его покровителей было поместье в районе Фукутава, в то время - сельская местность на востоке от Эдо, и Басё поселился в хижине сторожа где-то на территории владения. Его кормили и снабжали одеждой. Друзья помогли ему переехать на новое место, а один из них подарил декоративное банановое дерево, басё, чтобы посадить его около хижины. Эту хижину его друзья стали называть Банановой Хижиной, *Басё-ан*, а поэт - банановым мудрецом, или просто *Басё*.

В этом уединении жизнь его текла просто, он довольствовался самым необходимым, и все дни проводил в поэтических и интеллектуальных поисках. Вокруг него собирались ученики, они шли пешком или приплывали на лодках, чтобы вместе заниматься поэзией, обсуждать стихи, совершенствоваться и

вырабатывать свой стиль. Ученики приносили своему учителю какие-нибудь подарки, как и сейчас делают студенты, обучающиеся традиционным ремеслам, они даже плату за обучение стараются завернуть в красивую обертку и как-то замаскировать ее. Басё в свою очередь посещал своих учителей: учителя китайской поэзии, учителя рисования (последний был учеником Басё в поэзии) и, наконец, учителей по Дзэн-буддизму.

В последние десять лет жизни, занимаясь древней китайской и японской поэзией, он путешествовал по стране и несколько раз, воспользовавшись случаем, посетил свою семью в провинции Ига. Во время своих путешествий он облачался в одежду буддийского священника, отчасти для того, чтобы легче было без лишних распросов проходить все посты, а отчасти оттого, что его взгляды и образ жизни совпадали со взглядами буддийского священника. В одном из своих дневников он рассказыва-

Слепой массажист

ет о прощальных вечерах, которые давали в его честь, когда он отправлялся путешествовать. Ученики развлекали его, а один поэт, бывший *даймё*, который удалился от жизни, чтобы заниматься поэтическими изысканиями, милостиво послал ему свои стихи; другие устраивали для него катание на лодке, а некоторые дарили ему теплые носки или давали денег, чтобы купить сандалии.

Басё не брал с собой много багажа, потому что всегда рассчитывал в основном на гостеприимство своих бывших учеников и братьев-поэтов. А в ответ он разбирал их стихи, принимал участие в поэтических конкурсах, писал свои стихи в альбомах гостей. Отправляясь в

путь, *Басё* шел пешком или ехал верхом, но только на тихо плетущейся лошади, а не на "быстром скакуне", потому что в это время любовался природой, сочинял стихи о том, что видел вокруг. И умер он во время странствий в Нагое. Как и полагается, он оставил посмертные стихи - "*Таби ни яндэ юмэ ва арэ-но о какэ-мэгуру*" - "В пути я занемог. И все бежит, кружит мой сон по выжженным полям". В этих словах кратко выражена вся его жизнь.

Басё во время путешествия с компаньоном

АКТЕРЫ И ПАРИИ

Итак, придворные, священники и интеллектуалы явно выигрывали от той свободы, которой они пользовались, оказавшись вне сословий, но была и другая категория людей, которые предпочли бы оказаться внутри этой сословной системы. Этих людей исключали намеренно за профессиональную непригодность, или из-за рода занятий, которые они выбирали. Некоторые не допускались в сословную систему по традиции; они составляли группу, называемую *эта*. Некоторые исключались из сословия временно, другими словами, могли быть освобождены от статуса парии; это были *хинин*, то есть "нелюди". Актеры и обитатели районов "красных фонарей" не могли входить ни в одно сословие вообще, потому как они занимались развлечением публики; это правило соблюдалось до тех пор, пока они занимались своим ремеслом. Но, в действительности их никогда не допускали в приличное общество. Это контролировалось свадебными посредниками, ведь они никогда бы не предложили кандидатуру, запятнанную общением с людьми, занятыми развлечениями.

Конечно, актеры были разные. Те, кто развлекали *самураев* и даже обучали их своему искусству, могли в качестве благодарности рассчитывать на почтительное к себе отношение. Это особенно касалось исполнителей танцев *ковака*, которые разыгрывали перед *самураями* боевые легенды древних лет. За это им было разрешено носить два меча

так, как будто они сами состояли в сословии *самураев*. Их общественное положение было значительно выше, чем у актеров аристократической драмы - пьес *Но*. Последние жили обычно семьями, с момента рождения, или после усыновления, их положение внутри профессии было четко определено в зависимости от старшинства. Ремесленники и купцы, вероятнее всего, не часто бывали на этих спектаклях. Иногда *сёгун* допускал горожан на представления, которые давали в Эдо. В Осаке часто попеременно с ними играли актеры *кабуки* - популярной тогда драмы. Общественное положение актеров *Но* и *кабуки* было одинаковым.

Хотя японцы, живущие в городах, с удовольствием ходили в театры, военная администрация с большим подозрением относилась ко всем людям, занимающимся всякого рода развлечениями. Предки актеров - популярные исполнители прежних лет - назывались *кавадо-моно* - "люди берега реки", и тоже были изгоями. Они жили в поймах рек, там, где не возводили постоянных строений из-за опасности внезапных наводнений, которые часто случаются в Японии. Эта связь между актерами и речными берегами перешла и в семнадцатое столетие, ведь первые театры строились на берегу реки Камо в Киото в районе моста над современной Четвертой улицей, где до сих пор сохранился единственный оставшийся с тех времен театр *кабуки*. Название "люди берега реки" изначально относилось не только к актерам, но и к некоторым ремесленникам, правда, начиная с

шестнадцатого века, этим именем называли лишь актеров, которые представляли самую уважаемую категорию среди тех, кто не был допущен в "приличное общество".

И дело было не только в обычном неприятии этих людей обществом; военачальники не сомневались в их развращающем влиянии на моральные устои зрителей. Однако, бытовала точка зрения, что занятия купцов были настолько достойны порицания, что развратить их больше было невозможно, и будет лучше, если театр отвлечет их, и они не будут так досаждать властям. В Канадзаве, например, местные власти сами какое-то время держали театр, чтобы удержать своих подчиненных от жестоких поступков. *Самураям* и крестьянам посещать эти спектакли запрещалось. Тем не менее, *самураи* иногда посещали театр тайком, и вот однажды, когда в театре выставили патруль, который следил за уходившими зрителями, нескольких *самураев* схватили, а остальные спрятались в театре и дождались ухода патруля (хотя ждать пришлось несколько недель), или скрылись, переодевшись женщинами или слугами. Крестьян тоже нужно было оберегать от походов в город: увидев другую жизнь, они могли понять, что существует лучшая доля, поэтому такие поездки не поощрялись.

За порядком в театре строго следили, и если он нарушался, то следовали немедленные наказания; мы уже упоминали о знаменитом случае с актрисой Эдзима, в результате чего один из театров в

Эдо был закрыт и, по крайней мере, трое актеров и управляющий были отправлены в ссылку. Еще ранее в 1656 году в Киото произошел другой случай, когда *самурай* пригласил актера в ложу и напоил; все веселье закончилось, когда *самурай* бросился на актера с мечом, и тому пришлось спастись бегством. Был ли наказан *самурай*, мы не знаем, но все театры в Киото были закрыты на несколько месяцев, а когда их открыли снова, лож уже не было и пить во время спектакля запрещалось.

Некоторые *самураи* были большими поклонниками *кабуки*. В театр они обычно ходили в головных уборах, похожих на глубокие корзинки, надетые по самые брови. Иногда представления смотрели в собственных домах или в домах своих князей. Актеры в Эдо очень любили, когда их приглашали со своими постановками в дома, поскольку за это хорошо платили.

Случались здесь и смешные происшествия как, например, с известным актером-управляющим Саката Тодзюро. Тодзюро воспользовался случаем, когда театр в Киото был временно закрыт, и отправился с некоторыми актерами своей труппы на вечер в замок на озере Бива. *Даймё* узнал его и пригласил присоединиться к нему и его друзьям (при этом имя князя так и осталось неизвестным), все пили и с наслаждением любовались пейзажем, скрываясь от сквозняков и взоров простолюдинов за ширмами. Очевидно, Тодзюро хорошо выполнял роль гостя, так как князь предложил ему са-

мому выбрать себе подарок. Тодзюро был большим специалистом по необычным подаркам (вспомните сосуд с речной водой для чая) и может быть поэтому, а, может, быть из боязни принять обычный подарок, недостойный его - непревзойденного лидера в своей профессии - он попросил подарить ему сосну, растущую поблизости. И только когда сосну доставили к нему домой и, чтобы посадить ее у дома, пришлось снести часть ограды, это вызвало у хозяина легкую растерянность.

Тодзюро был очень богат по сравнению со своими собратьями-актерами. Дом его был обставлен дорогой и элегантной мебелью и был таким большим, что в нем легко можно было устраивать репетиции. Он был не только управляющим, но и великим актером и, благодаря своей популярности стал обладателем большого состояния. Большинство актеров работали по контрактам, которые подписывались на

Лицо актера

год каждую осень, о жалованьи на текущий год актер и управляющий каждый раз договаривались отдельно. В 1741 году актеру из Эдо Эбидзо предложили поехать в Киото с годичным жалованьем более 30000 фунтов в современной британской валюте, но это была очень большая сумма, и больше такие случаи не повторялись. Как правило, только четверть этой суммы составляла верхний предел годичного жалованья, а большинство актеров довольствовались и меньшим.

Актеры жили трудно. Правда, вечера у них часто бывали свободными, так как с наступлением темноты спектакли обычно не играли. Зато работать они начинали рано утром и не останавливались весь день. Спектакль в зависимости от успеха пьесы недолго сохранялся в репертуаре. Несмотря на то, что репетиции проводили поверхностно, с точки зрения западных правил, почти всегда готовили что-то новое. Не вызывает сомнений, что актеры тех лет работали с такой же нагрузкой, как и сегодняшние актеры *кабуки*, продолжительность спектакля уже тогда была очень большой. А ведь актер должен был еще успевать развлекать посетителей, следить за своей рекламой, а еще и успеть перекусить в перерыве между появлениями на сцене. У актеров не было жизни вне театра, особенно это касалось *оннагата*, актеров, исполняющих женские роли. Женщинам нельзя было появляться на сцене, исключение составляли лишь годы в начале семнадцатого столетия. Поэтому женские роли исполняли мужчины и, если они хо-

тели, чтобы их принимала публика и критики (последние периодически составляли списки актеров по степени их популярности), то должны были сохранять свои мужские привычки втайне от публики и даже от семьи.

Как правило, актерами становились, если шли по стопам отца, или начинали играть на сцене еще детьми. Иногда человек приходил на сцену, если его усыновил актер, или он сам в детстве познал тяжелый труд уличного актера. Бывали такие же случаи, как с британскими актерами, которые начинали карьеру где-нибудь в провинции, а потом их приглашали в театр в Уэст-Энде в Лондоне. Некоторые японские актеры начинали, например, в центре паломничества в Исэ, где для развлечения паломников работало несколько временных театров, а потом заключали контракты с большими театрами в Эдо, Киото или в Осаке. Иногда сами актеры из крупных театров находили таланты, разъезжая по провинции со спектаклями, посещая по очереди все центры паломничества, такие как Исэ, Миядзима и Компира (или Котохира) на острове Сикоку. Там до сих пор сохранилось здание театра тех времен (его сейчас используют как кинотеатр). Театры повсюду ставили на открытых местах на землях, принадлежащих буддийским и синтоистским храмам, причем земли эти, как правило, не входили в сферу юрисдикции властей. А так как по указаниям князей жители города не имели права давать приют артистам там же, где и простым смертным, то их размещали внутри хра-

мов. В святых местах до сих пор сохранились настенные росписи и имена актеров, сделавших подношение храмам, поскольку они все-таки считали эти поездки паломническими.

Актеры *кабуки* (а также певцы, музыканты, актеры кукольных театров в больших городах) составляли верхушку пирамиды всех представителей развлечений. В ресторанах и других местах развлечений находили приют мужчины-комики, исполнявшие весь вечер комические танцы и куплеты, развлекавшие публику. Их коллеги - женщины жили в своем собственном кругу, со строгим соблюдением иерархии; некоторые посвящали себя этим занятиям по доброй воле или просто потому, что были лишены средств к существованию из-за смерти мужа или развода. Одной из многих причин, по которым девушке приходилось покидать дом, был ее долг по отношению к отцу - обедневшему крестьянину, который получал за нее деньги иногда на годы вперед. Одним девушкам везло и они по окончании контракта возвращались домой и удачно выходили замуж, а других родители могли заставить остаться еще на один сезон за дополнительную сумму, правда, всегда оставалась надежда, что какой-нибудь богатый клиент заплатит выкуп и заберет девушку к себе в дом, может быть, в качестве жены.

Но было и много странствующих комических актеров, у которых не было постоянной крыши над головой. К ним относились актеры самого низкого ранга - фокусники, танцоры, певцы, ку-

кольники, уличные актеры и женщины всех категорий - полурелигиозные звонари в колокольчики, плакальщицы и другие. Они собирали милостыню и ничем не отличались от простых нищих.

К хинин - "нелюдям", относились не только более или менее постоянные и потомственные хинин, такие как просящие подаяние, но и те, которые могли еще надеяться на возвращение к положению "приличного человека" (или на это могли рассчитывать их дети). Это были преступники, ссыльные и те, кто остался жив после групповых самоубийств. Доведенные до отчаяния влюбленные часто пытались умереть вместе, чтобы, как гласит поверье, провести оставшуюся вечность вместе в буддийском раю. К ним власти относились особенно жестоко, и к тем, кому удалось совершить самоубийство, и к тем, кто выжил. Их считали преступниками, а тела умерших выставляли на всеобщее обозрение, как после казни. В конце семнадцатого столетия такие двойные самоубийства стали очень модными после того, как известный драматург Тикамацу Мондзаэмон написал целую серию знаменитых пьес. Герой этих пьес - некий купец, влюбившийся в куртизанку, решается вместе с ней на самоубийство. Семьи тоже страдали за грехи своих родственников и страдали очень остро. Но бывали и такие случаи, когда из-за бедности людям приходилось браться за работу, которую выпол-

няли только "нелюди", и тогда они тоже становились *хинин*.

Жизнь нищих была такой же, как и во всем мире. Они жили в лачугах и хижинах и с трудом добывали пропитание. Некоторым из временных "нелюдей" помогали семьи, которые еще поддерживали с ними отношения, но власти не приветствовали такие связи. Правда, они могли работать надзирателями в тюрьмах, палачами для приведения в исполнение самых разных наказаний и пыток, они же выставляли для общего обозрения тела казненных преступников и доставляли тела туда, где на них пробовали новые мечи; они же ликвидировали последствия природных катастроф - наводнений, тайфунов, землетрясений, пожаров, когда было много жертв и часто их было некому хоронить.

Обычные люди старались не соприкасаться с мертвыми, и отвращение это было вполне понятно. С одной стороны, следуя положениям синтоистской религии, они опасались осквернения, а с другой стороны, по буддийским канонам запрещалось убивать. И конечно, та работа, которой занимались "нелюди", отнюдь не пробуждала у них любви к ближнему. Разные про них рассказывали истории. Так например, они шантажировали симпатичную дочку торговца, которая видела, как они вели арестованного. "Этот человек приговорен к смерти и просит о последней милости - испить *сакэ* из твоих рук", и девушке приходилось давать взятку охранникам, чтобы не подвергать себя такому

унижению. Вообще-то "нелюди" были совсем беззащитны и, в отличие от официальных работников различных служб, носили волосы совсем коротко подстриженными, а не собирали их в косичку, чтобы отличаться от других людей. И случалось, что самурай в плохом настроении или решив опробовать свой новый меч, мог зарубить любого из них без сожаления и не боясь наказания.

В строго организованном обществе того времени ни один человек не оставался не охваченным, даже "нелюди". В Эдо их регистрировали по рай-

Девушки района Ёсивара

Человек-театр. Этот изобретательный уличный актер правую свою половину одел пожилым горожанином, а левую - ронином или другим персонажем. Так он один может играть целую драму.

онам, где они жили, и определяли среди них старшего. Самым известным предводителем был Курума Дзэнъити, имя по наследству передаваемое предводителям. Легенда гласит, что первый Дзэнъити был из богатой самурайской семьи и попытался убить сёгуна Хидэтада (1605-23), чтобы отомстить за смерть брата; попытка не удалась и Дзэнъити сохранили жизнь с условием, что он будет предводителем "нелюдей".

Бывали случаи, когда *хинин* восстанавливался во всех правах, проходя своеобразное ритуальное очищение перед реабилитацией. Такую награду он мог получить за хорошую службу. А вот *эта* не мог ни при каких условиях выйти из своей категории, он был обречен находиться в положении парии по рождению. Они тоже были зарегистрированы, и их предводителя в Эдо звали Дандзаэмон, имя, тоже передаваемое по наследству. *Эта* считались выше по положению, чем *хинин*, и их

предводитель был важнее, чем Дзэнъити. Они выделялись тем, что занимались свежеванием туш животных, обрабатывали кожу животных и делали из нее всевозможные изделия. Жили они в определенных районах городов и в отдельных поселениях в сельской местности, причем могли жить хорошо и даже процветать, но скрывать свое происхождение считалось для них преступлением и уезжать из мест, куда они были приписаны, они тоже не могли.

В 1871 году все социальные различия, обусловленные рождением, были устранены. "Нелюди" сразу же растворились среди обычных людей, но *эта* потребовалось для этого больше времени. Их так уже никто не называет, разве только в исторических повестях, но их потомков еще не все признают, и им бывает трудно выйти замуж или жениться и войти в обычную семью.

Шпагоглотатель

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ЭДО

Повседневная жизнь японцев во многом определялась сменой времен года, хотя в больших городах со временем появились часы и календарь. В 1873 году в Японии был введен Грегорианский календарь, до этого пользовались лунным календарем, по которому год делился на месяцы по 29 и 30 дней. Получалось, что даже если все месяцы состояли бы из 30 дней, то нескольких дней солнечного года не хватало. А если включались и короткие месяцы, то просто необходимо было добавлять месяц для согласования календаря с солнечным годом. По порядковому номеру такой дополнительный месяц обозначался как предыдущий, но имел особый знак, указывающий, что он дополнительный. Месяцы определяли и сейчас определяют по номерам (например, Апрель-четвертый месяц), хотя у них были и красивые поэтические названия.

Секрет составления календаря ревниво оберегали эксперты-составители. По лунному календарю Новый год начинался в день, соответствующий определенному дню в феврале, ближе к началу весны, и нес с собой обновление и возрождение. Каждый месяц лунного календаря начинался с темной ночи молодой луны, а середина месяца приходилась на полную луну. В восьмом месяце появлялась самая знаменитая луна, которая была известна, как луна сентябрьского урожая. Она была так популярна, что ее достаточно было упомянуть в

стихотворении, и становилось ясно, о каком времени идет речь.

Кроме года, выделяли и периоды, включавшие несколько лет. Например, период Гэнроку начался в 1688 году, а закончился в 1703 году. Периоды во времена Токутава имели всегда радостные, счастливые названия, но они не были постоянными, потому что если в это время дела шли плохо, то название периода меняли. Эта система сохранилась до наших дней, только меняют названия периода в год смерти Императора.

Неделя не была тогда мерой времени, вместо этого месяц делился на временные отрезки по десять дней, которые назывались верхним, средним и нижним, они используются и сегодня. Некоторые магазины до сих пор закрыты в дни месяца, заканчивающиеся на одинаковую цифру, например в четвертый, четырнадцатый и двадцать четвертый дни. Как и в западном календаре, дни считают в пределах месяца.

День делился не на часы, а на двенадцать периодов, которые в дни равнодействий равнялись двум часам. Японцы, в отличие от китайцев, использовали старинную систему деления времени между восходом и закатом на равные промежутки, шесть - на день и шесть - на ночь. В течение года эти промежутки времени менялись по продолжительности (правда, не так сильно, как это было бы в Британии, поскольку там длина дня меняется в зависимости от сезона). И когда португальцы привезли в страну часы, то пришлось придумывать

специальный пересчет для согласования способов исчисления времени. В полночь было девять часов, а потом восьмой час начинался в 2 часа утра и так далее до четвертого часа, который начинался в полдень и весь цикл повторялся снова с девяти. Современному человеку эта система может показаться сложной, но вследствие постоянного использования у людей того времени трудностей не возникало.

Из Китая пришла другая система, по которой сочетание особых знаков для 12 животных - крысы, быка, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, обезьяны, птицы, собаки, кабана, - и пяти стихий - дерева, огня, земли, металла, воды, - образуют шестидесятилетний цикл. Ясно, что цикл в шестьдесят лет состоит из пяти циклов по 12 лет. Отсюда и идет ассоциация года с животным: например, первый год периода Гэнроку - 1688, был годом "земли и дракона", а год 1700 через 12 лет - годом "металла и дракона". Именно такой календарь и использовали *оммёси* (которые составляли календарь, занимались астрологией и предсказаниями). Например, они считали, что девочка, родившаяся в год лошади, погубит своего мужа, поэтому ей очень трудно было выйти замуж; даже день свадьбы переносили, чтобы первый ребенок не родился в несчастливый год. В результате девочки, рожденные в этот год, часто были жертвами детоубийства.

Цикл из 12 животных использовался еще и для названия месяцев, составлявших год, и для деления суток, начиная с полуночи. 30-градусные де-

ления на компасе тоже обозначались животными: крыса - север, заяц - восток и так далее.

День для торговцев начинался с 6 часов утра, когда они открывали свои лавки. Об этом возвещал стук ставен, закрывавших витрины по фасаду. Эти ставни по желобам свободно задвигались в специальные ящики вдоль стен, где находились в течение дня. От размеров дома зависело, была ли спальня отделена от гостиной. Ночью спали на матраце, расстеленном на полу и укрывались стеганым одеялом, чтобы не замерзнуть. Подголовник был деревянным или фарфоровым и представлял собой немного вогнутую подставку под шею. Волосы в те времена убирали в замысловатые прически, смазанные толстым слоем жира. Обычно, прическу не меняли и голову не мыли десять дней, поэтому было важно во сне не испачкать жиром матрац и не помять прическу. И мужчины и женщины на ночь одевали простые хлопчатобумажные кимоно и завязывали их узким пояском, но иногда спали и в одежде, в которой ходили целый день, только женщины снимали свои пояса (*оби*) с тяжелыми и большими узлами. Бедные горожане и наемные рабочие, у которых не было своих спален, расстилали матрацы на рабочем месте или укладывались на тростниковых циновках, покрывающих пол, или прямо на голых досках.

Утром женщины скатывали спальные принадлежности и убирали их в глубокие шкафы, предназначенные специально для их хранения. В хорошую погоду постели проветривали на солнце, причем

делали это как можно чаще, поскольку летом в Японии так жарко и влажно, что в доме появляется плесень. Соломенные циновки на полу все время чистили и выбивали метлами, а деревянные полы протирали влажной тряпкой. В результате через некоторое время полу придавался такой оттенок, как будто его натерли воском; на самом деле в те времена в Японии не пользовались ни краской, ни лаком для полов.

Раз в год проводили генеральную уборку дома, которая называлась "черной уборкой", когда выносили все циновки с пола в сад или на улицу и выбивали. Бамбуковыми палками с пучком гибких веток, как метлами, сметали пыль и сажу с потолков и перегородок. Примечательно, что "весеннюю уборку" делали не для наведения чистоты и красоты, а по религиозным соображениям, так, чтобы Новый год мог прийти в дом, сияющий чистотой. Приход Нового года в первые десятилетия правления Токутава отмечали в двадцатый день двенадцатого месяца, но после того, как третий сёгун, Иэмицу, умер в этот день, приход Нового года перенесли на тринадцатый день того же месяца. Время от времени бывали какие-то изменения, но обычно придерживались этой даты.

Итак, день начинали, открывая ставни, проветривая или убирая постель. Следующей заботой был завтрак. Во многих городских семьях ели два раза в день - один раз утром и один раз рано вечером. В деревне часто ели еще один раз - в полдень, но

этот обычай пришел в город гораздо позже и даже теперь не все его придерживаются.

Питались в семьях по-разному, и это зависело от достатка и общественного положения семьи. Глава семьи ел с важными гостями или со старшим сыном. Ему прислуживала жена или невестка, которым помогали слуги, если семья могла их себе позволить. Женщины ели отдельно, урывками между подачей блюд на стол или доедая остатки. В семьях, где была невестка, она обслуживала мать мужа. Конечно, в стране с таким сложным общественным устройством, ритуал различался даже в семьях с одинаковым достатком.

Еду обычно подавали всю сразу (за исключением риса) на отдельных лакированных подносах, которые выглядели как столики на четырех ножках площадью 18 дюймов и высотой примерно 9 дюймов. Ставили такой поднос прямо перед едоком. На нем сначала подавали закуску, с которой по этикету можно было выпить чашечку сакэ, и которую съедали перед рисом, а рис завершал всю трапезу. Выбор закусок в большой мере определялся поводом, по которому собирались за столом, достатком семьи и тем общественным положением, которое она занимала. Самые бедные городские семьи довольствовались следующим меню: суп мисо, овощи, небольшое количество риса или его заменителя, маринованные овощи и чай.

Мисо готовили из соевых бобов, которые сначала заливали на какое-то время водой, а потом варили. Бобы растирали и смешивали с рисовыми

Интерьер комнаты, где спальные принадлежности и другие вещи убирают в шкафы, закрывающиеся раздвижными дверями. Обстановка, характерная для 50-х годов XIX в.

дрожжами, солью и водой и оставляли бродить на несколько лет: в результате получалась красно-коричневая волокнистая масса с характерным вкусом и запахом, которую разбавляли водой. Как и все японские супы его подавали горячим в лакированной миске, покрытой крышкой, которая в перевернутом виде могла служить блюдцем. *Мисо* могли варить с овощами, добавляя зелень петрушки или сельдерея, съедобные стебли или корешки лотоса (их подавали и отдельно, сваренными с бо-

бовой кашей с добавлением ароматных семян). Суп пили прямо из миски, а потом доедали палочками, вынимая из супа кусочки плавающих овощей, или миску с супом подносили ко рту и палочками направляли кусочки овощей в рот. Палочки (*хаси*) часто делали из необработанной древесины и такие палочки считали самыми недолговечными. Иногда палочки изготавливали из древесины после специальной обработки или даже из слоновой кости и драгоценных металлов. Во время путешествия и просто для сохранности их помещали в коробочки. В богатых домах пользовались подставками под палочки, чтобы не испачкать поднос.

Рис или его заменитель (смесь пшеницы с рисом) варили в очень небольшом количестве воды, чтобы к концу варки вся жидкость испарилась и зерна превратились в вязкую массу, которую было бы легко есть палочками. Рис приносили из кухни в закрытой лакированной или более простой посуде, из нее рис раскладывали по глубоким фарфоровым чашкам. Во время еды быстро отправляли массу в рот, а не просто брали ее палочками. Соль и сахар при этом не добавляли, но иногда сдабривали блюдо листочками сухих водорослей, в которые, манипулируя палочками, заворачивали рис, заедали еще и маринованной редиской. Гигантскую редиску (не меньше фута длиной), подавали по-разному: в сыром виде, порезанную мелко или на большие куски, в этом случае ее замачивали в воде с рисовыми отрубями, и она становилась ярко-желтой. Самая вкус-

Веники. Бамбуковые ветки с листьями использовали для "весенней уборки", а веники треугольной формы - для уборки полов.

ная редиска получалась, когда ее подавали с огурцами и остатками *сакэ*.

Каждый человек должен был съесть три полные миски риса, а когда подавали добавку, считалось хорошим тоном оставить в миске две-три рисинки. Чай пили из тех же мисок, чтобы не пропадал оставшийся там рис. Заваривали чай из зеленых свежих листьев в глиняных чайниках, но это не было похоже на священнодействие с завариванием чая в Англии. Не имел этот чай ничего общего и с чаем из измельченных листьев, который пили во время чайной церемонии. Обычно, когда пили

чай после еды, его разбавляли еще и еще, пока он совсем не терял цвет и вкус.

После чая прием пищи считался законченным, можно было только быстро воспользоваться зубочисткой и поблагодарить хозяина или главу дома, или воздать хвалу богам. Когда ждала работа, то промедление не поощрялось - быстрое мелькание палочек - и опять за дело.

Выбор блюд для более серьезной трапезы был солидный. Не все, что едят сегодня, ели тогда. Мясо в городах ели редко, а говядину и конину не употребляли вовсе. Это правило соблюдалось по всей Японии (отчасти по религиозным соображениям, а отчасти старались сохранить скот для военных и сельскохозяйственных нужд). Рассказывают, что в некоторых семьях *даймё*, которые раньше были христианами, тайно ели говядину, а во владении Хиконэ на востоке от озера Бива *мисо* готовили по местным рецептам с нежнейшим куском говядины. Блюдом этим однажды даже угощали *сёгуна* и его придворных. Другие сорта мяса - олени, кабана, птицы - продавали в Эдо, иногда под вымышленными названиями, например, "горный тюлень" и даже "лекарство", потому что считалось, что будет совсем неплохо, если бедная протеинами пища горожан пополнится питательным тушеным мясом, что очень поддержит людей, особенно зимой. Но, несмотря на это, любителей мяса было немного.

Очень много белков попадало в пищу с рыбой. У побережья в Эдо плавали целые флотилии рыбо-

ловных лодок, которые каждый день доставляли горожанам свежую рыбу, а продавали ее купцы.

Речная рыба тоже входила в меню, а времяпрепровождение с удочкой по берегам каналов и ручьев было очень распространенным. Чаще всего ели морского леща, форель, лососевых рыб, карпа и мелкую речную рыбу. Хотя из морской рыбы можно было варить мисо, а мелкую рыбешку жарить, обычно морскую рыбу ели сырой. Сырую рыбу резали очень тонкими ломтиками и ели, макая в соевый соус, или смешивали ее с зелеными овощами и заправляли уксусом. Точно также ели нежное мясо молодых цыплят. Некоторые сорта рыбы солили, маленькую рыбешку вялили на солнце и ели целиком, а мясистую рыбу сушили и она становилась как деревянная. Потом от нее отрезали небольшие куски и добавляли в еду для аромата, но можно было есть ее отдельно.

Еще в пищу употреблялись креветки и лангусты, устрицы, крабы, блюда из корневищ и стеблей, например, разных сортов батата, яиц птиц и икры рыб, а еще экзотические блюда из мяса лягушек и личинок пчел, рыбьих глаз и чешуи. Будет уместным отметить вообще отношение японцев к еде в те времена. Самым питательным в рационе была каша в конце трапезы: обычно ее ели с проросшим зерном или зерном, не очищенным от шелухи, так что тогда витаминов хватало, что нельзя сказать о более поздних временах, когда зерно продавалось уже очищенным. Суп мисо и овощи добавляли еде аромат, немного белка и ви-

тамины. Существовала интуитивная уверенность в том, что эти три составных компонента необходимы для полноценного питания и в них не отказывали даже самым низкооплачиваемым работникам, которых кормили так, чтобы им только хватало сил на работу. В основном ели простую пищу быстро, тратя минимум времени на разговоры.

Во многих домах кухня располагалась на первом этаже, а пол был земляной. Входить с улицы можно было, не меняя обуви. В кухне была деревянная раковина для мытья овощей, воду держали в большой бочке или горшке, а наполняли бочку из колодца, который был выкопан в саду. На один большой дом или несколько маленьких был общий колодец, у которого хозяйки останавливались поболтать и посплетничать. Плиту обмазывали известью, и внутри разводили огонь, а сверху оставляли отверстия, на которые можно было ставить металлические чайники и кастрюли. Для риса, *мисо* и овощей рыбу и овощи резали в раковине острыми ножами, которые можно было легко купить. Если кухня была не слишком маленькой, то в ней устраивали деревянный настил, по которому можно было пройти в ту часть дома, которая была выложена циновками. На этом возвышении усаживалась повариха, подложив под себя тонкий коврик или соломенную циновку, и готовила блюда, пользуясь деревянной, фарфоровой и лакированной посудой, ступками, пестиками, ситом и другой утварью.

Магазин фарфора. Посуда повседневного пользования.

Хотя дома пищу готовили женщины, профессиональными поварами всегда были мужчины, которые обучались своему ремеслу в течение многих лет. Собственный кухонный нож был символом вступления в профессию; его очень берегли, считая основным орудием труда для тех, кто начинал собственное дело.

Пищей, полезной для здоровья, считали рисовую размазню, жидкие, легко усваиваемые блюда и время от времени, сытные тушеные блюда. Моло-

ка не употребляли. Вообще говоря, остальную пищу ели, если она была привлекательна по виду или необычна для данного времени года. Европейцы привыкли к более острой еде, чем японцы, исключение составляют мисо и маринованные овощи, которые не были такими пресными.

Чем изысканнее и нежнее была пища, тем сложнее была церемония ее поглощения. Для этого *самураи*, например, учились соответствующему этикету. Купцы также стремились обладать хорошими манерами. Пить *сакэ* без соответствующего ритуала нельзя было всем сословиям. Во время обеда или ужина его подавали только в начале трапезы, к рису не приступали, пока не допивали *сакэ*. В домах *сакэ* подавала жена или невестка в изящных фарфоровых или лакированных сосудах в форме бутылки. В этих сосудах *сакэ* подогревали и наливали каждому в отдельную чашечку, которую протягивал мужчина - по размеру чашечки были похожи на подставку для яйца. Оказывая честь гостю, хозяин наполнял для него свою собственную чашку, а потом и гость делал то же самое. В более торжественных случаях, когда группа мужчин приходила куда-нибудь посидеть, один из них проходил по кругу с полным кувшином, наполняя чашки. Гости могли уговорить выпить с ними и хозяйку.

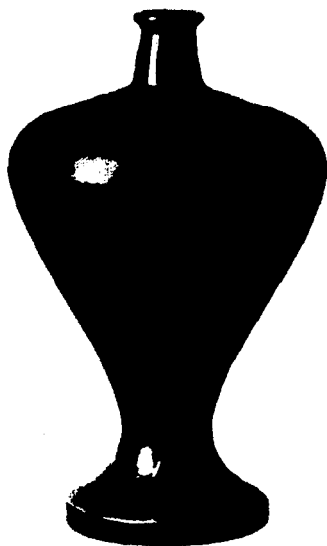
Во многих домах ели два раза в день, но в течение дня перекусывали сладостями - *мандзю* - приготовленные на пару кексы из сахара и рисовой муки, *ёкан* - кусочки подслащенной бобовой мас-

сы с разными добавками. Делали много печенья различной формы (цветы, листочки и так далее), готовили его из пшеничной муки с добавками, придающими цвет и аромат. Ели печенье обычно перед тем, как пить горький чай, который заваривали для чайной церемонии, и с крепко заваренным зеленым чаем.

Жизнь в любом доме продолжалась и с наступлением темноты, т.е. помещение нужно было чем-то освещать. До середины токутавского периода свечи были редкостью. Иногда пользовались несовершенными свечами из сосновой смолы, но постепенно свечи из воскового дерева вытеснили масляные лампы. В свечах обычно использовали бумажные фитили и масло из семян камелии или другие растительные масла для заправки. Свечи ставили в подсвечники или в фонари. Фонари делали из дерева и бумаги, в стационарные фонари вставляли свечи или лампы. Круглые или цилиндрические лампы носили чиновники, на них изображались эмблемы *самурайских* семей или слова, означавшие "государственное дело". Такие же фонари, только больших размеров, использовали во время праздников для украшения храмов. У входа в магазины тоже вывешивали фонари с именем владельца или названием товара; надписи или силуэты товаров делали из черной или белой бумаги. Если праздничное шествие продолжалось и вечером, то дорогу освещали горящими факелами, а во время праздников устраивали фейерверки. Во время син-

тоистских праздников считалось, что в огнях фейерверков скрывается душа божества.

Домашняя утварь была простой и скромной. Кроме всего необходимого для сна и еды были шкафы для одежды, стоящие отдельно, или встроенные в стены, размещенные в прострастранстве под лестницей на второй этаж. Если в доме была гостиная, то в ней на полу лежали несколько квадратных подушек для гостей. Зимой это помещение обогревалось с помощью большого сосуда, заполненного горячей золой и кусками тлеющего угля. Рядом лежали металлические приборы, похожие на большие палочки для еды, ими ворошили угли. Здесь же стоял поднос с курительными принадлежностями. Курительные трубки, имели настолько маленькую чашечку, что в нее можно было вставить современную сигарету; многие старинные трубки сегодня используют как мундштуки. Табак резали очень тонко, одной затяжки было достаточно, чтобы выпустить два клуба дыма и выбить пепел в кусок бамбука, который служил пепельницей. На подносе также помещался контейнер для углей и табака. Гость пользовался своей трубкой, которую он носил с собой в коробочке. Если человек заходил в дом или в магазин, он мог, не снимая обуви, присесть на приподнятую часть пола, где ему подавали поднос с табаком, чтобы он мог выкурить трубочку. Табак ввозили португальцы, и Иэясу, как и король Джеймс в Англии, стремился к тому, чтобы его меньше употребляли. В 1612 году вышел закон, запрещающий разведе-

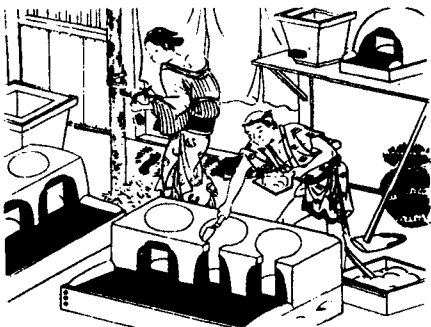

Фарфоровый (слева) и лакированный (справа) кувшины для сакэ.

ние табака, но это не помогло, курили и мужчины и женщины.

Зимой согревали руки и лицо у печки, которую топили древесным углем. Чтобы согреться, сидели у *котацу* - печки, на которую сверху ставили что-то вроде столешницы, покрывали ее большим стеганым одеялом так, чтобы можно было спрятать под него ноги, и тогда горячий воздух шел прямо под одежду. Ночью около *котацу* можно

Изготовители печей. Пока муж заканчивает установку трехкомфорочной плиты, его жена с ребенком на спине готовит солому для топки.

было спать. Топить печку обычно начина-

ли в первый день кабана (двенадцатый день) десятого месяца. Иногда горячие угли клали в специальный контейнер и носили под кимоно для тепла. Дом обогревали огнем, разведенным в очаге на кухне, правда тепла не хватало для всех помещений в доме. Тогда от холода спасались, одеваясь в зимнюю одежду - *кимоно*, подбитое шелковой или хлопковой ватой.

Летом надевали легкую одежду и обмахивались веерами, которые в сложенном виде носили с собой. Рабочие в жару раздевались и оставались в набедренной повязке. Летом люди страдали от москитов, появляющихся из луж и прудов, которых было великое множество. Спасались от насекомых, накидывая почти прозрачные москитные сетки, их делали из хлопка, шелка или конопли. Большая сетка закрывала всю комнату, но можно было закрыть и спящего человека. Тогда сетку в виде прямоугольного мешка без дна, с помощью шнуров

Странствующий продавец масла наливает его (из мерной посуды) в чайник покупателя. В разных емкостях - масло для различных целей. Лента, одетая через левое плечо, поддерживает правый рукав. Предмет в левой руке служит воронкой и фильтром.

подвешивали за кольца к потолку. Под сеткой, конечно, было душно, но нужно было выбирать из двух зол меньшее. В любом случае, даже в очень знойную погоду, дома на ночь закрывали. Как бы то ни было, но нет сведений о том, что в Японии была малярия, поэтому несмотря на назойливость комаров, большой опасности они не представляли.

Пожалуй, изоляция Японии в то время спасла ее от распространения многих болезней. Японцы строго соблюдали личную гигиену и поддерживали чистоту в доме, что препятствовало распространению эпидемий (оспы, проказы, холеры и т. д.). В городских домах не было ванн, поэтому люди

пользовались общественными банями. В первом десятилетии XIX в. в Эдо было 600 таких заведений, причем создавать их начали еще в XVII в. Принять ванну стоило от 7 до 8 *гзэни*. В то время мужчины и женщины мылись вместе, хотя и принимали

Изготовители свечей

меры предосторожности, чтобы не смущать друг друга. Здания строились таким образом, что ванна и место, где люди мылись, были погружены почти в полную темноту. Более того даже в воде мужчины не снимали набедренных повязок, а женщины оставались в нижней рубашке, иногда одевали специальную одежду, предназначенную для купания.

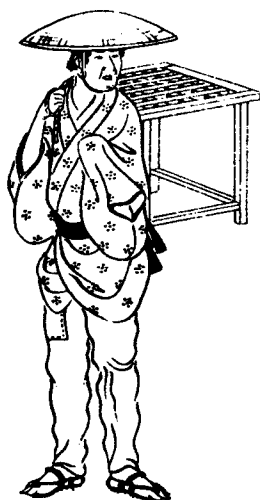
Мыло тогда в страну ввозили, и оно было очень дорогим, поэтому сначала намыливались рисовыми отрубями, а уже потом - мылом. Тело вытирали маленьким полотенцем - *тэнугуи*, - представляющим собой кусок хлопчато-бумажной ткани размером девять дюймов на два фута. Этими мокрыми кусками ткани терли тело, а потом ткань вы-

жимали. Конечно, после такого вытирания тело было слегка влажным, но одежда впитывала всю оставшуюся влагу. Летом испаряющаяся вода приятно охлаждала тело, и японцы, в отличие от европейцев, не боялись простуды, когда выходили на улицу после бани. Зимой же сразу ложились в постель, чтобы сохранить тепло.

Полностью описывать японский этикет было бы утомительно, лучше рассказать о том, как вели себя японцы дома. Сидеть было принято на коленях, на полу. К этому приучали с детства, поэтому суставы между ступнями и голенями были так разработанны, что пятки укладывали плоско на пол. Если собирались просто в кругу семьи, то мужчинам разрешалось сидеть, скрестив ноги перед собой, женщинам же такая вольность запрещалась. Когда женщины здоровались, прощались, выслушивали приказание, то для выражения почтения руки опускали перед собой ладонями вниз, и наклонялись, лбом касаясь пола между ладонями. При наклоне мягкое место элегантно старались не приподнимать. Мужчины, когда приветствовали друг друга на улице, останавливались и кланялись, и только когда приветствовали кого-нибудь значительно выше себя по статусу, например, *даймё*, то нужно было лечь на землю, чтобы выразить уважение.

Было очень невежливо дышать на людей, поэтому если разговаривали со старшими, то ладонью прикрывали рот. То же неудобство испытывали, когда вручали послание от высокопоставленной

персоны или получали от синтоистского священника какую-нибудь святыню. Чтобы не осквернять их дыханием, даже брали в рот бумажку. Невежливо было здороваться, когда несли какой-то рабочий инструмент. На улице женщины надевали на голову платок, чтобы не пылились волосы, а во время работы длинные рукава кимоно засовывали за узкий кусок материи, который одевали на шею и продевали подмышками. Во время разговора с гостем или со старшими нужно было снять платок с головы и распустить рукава. Так же и мужчина, который, работая, повязывал на лоб полотенце, чтобы пот не заливал глаза, или был в очках в черепаховой оправе, должен был снять и полотенце и очки перед тем, как поклониться.

Мужчина с котацу

В комнату входили и выходили через раздвигающуюся перегородку. Когда служанка приносила поднос с едой, она сначала опускалась на колени в коридоре перед перегородкой, ставила поднос на пол, отодвигала перегородку; потом вставала, входила в комнату, снова опускалась на колени, переносила поднос в комнату, закрывала перегородку, поднимала поднос с пола, вставала, прино-

Продавец круглых вееров

сила его гостю, опускалась на пол, кланялась и подавала ему сакэ. В современной Британии это выглядело бы странным; от женщины это требовало почти акробатических навыков, но так было принято в хороших домах и почти на всех постоянных дворах.

В лучшей комнате дома, где принимали гос-

тей, была ниша, по размеру в половину или целую циновку (т. е. от трех до шести футов) шириной, высотой до потолка и, по крайней мере, 18 дюймов глубиной. Уровень пола в нише был выше, чем в комнате. В ней висел свиток с картиной или текстом, который меняли в зависимости от времени года. Ниша (*токонома*) была подходящим местом для декоративного кувшина, композиции из цветов или принадлежащего семье меча. Самого важного гостя сажали спиной к *токонома* и, если по старшинству гости были равны, то перед тем, как

Мужская баня. По выражениям лиц видно, насколько приятно было расслабиться в этом месте. У одного из купающихся в волосах ключ от замка шкафчика.

усесться, все вежливо отказывались от чести сидеть на почетном месте. Такая же проблема возникала, если двое встречались возле узкого прохода, хотя, если человек не сомневался насчет своего старшинства, он без ложной скромности принимал все почести, особенно если это был *самурай* среди простолюдинов. В крайне редком случае, когда муж и жена вместе выходили из дома, жена следовала на шаг сзади мужа и подчинялась ему во всем.

Если женщина ждала ребенка, прежде всего родители решали, оставлять его или нет. Как в городе, так и в деревне, бедность и большое количество детей заставляли родителей думать, стоит ли иметь в семье еще один лишний рот. В деревне родители ждали, кто родится, и если это была девочка, то ребенка душили после рождения. В городе, как правило, делали аборт, что было очень опасно для матери, при этом аборт вообще были запрещены.

Когда срок беременности подходил к пяти месяцам, вокруг талии матери завязывали кусок материи (его называли *ивата-оби*). Это делала повитуха, которая должна была принимать ребенка. В разных частях Японии по этому поводу существовали многочисленные суеверия. В некоторых местах талию женщины рекомендовали обвязывать набедренной повязкой мужа (ее часто делали из одного куска материи), в других - брали эту повязку у родителей, а где-то использовали повязку, взятую в том храме, чье божество помогало при деторождении. Шли месяцы, женщина возносила молитвы соответствующим богам; старалась не есть жирную, острую пищу. В те времена, как и раньше, в высших кругах считали, что рожая ребенка дома, женщина оскверняет дом, поэтому женщин старались отправлять в другое здание, которое строили специально для этого. Но у большинства горожан не было ни средств, ни места, чтобы построить еще один дом, тогда мать рожала прямо в спальне. Если это был первый ребенок, то

было принято, чтобы мать рожала его в доме своих родителей. При родах женщин сажали на корточки, в токутавский период придумали кровать со специальной спинкой. Пуповину обрезали ножом, сначала бамбуковым, а потом - стальным. В обязанности повитухи входило не только принять роды, но и на седьмой день после рождения ребенка устроить праздник для родственников и друзей, которые приходили поздравить родителей. По этому случаю матери и ребенку дарили подарки и ребенку давали имя.

Если мать умирала при родах, или по какой-то причине не могла кормить ребенка, то его отдавали кормилице. Так обычно поступали жены купцов, у которых было много обязанностей по дому. Ребенок бывал очень предан кормилице, а своему молочному брату или сестре - больше всех, после своих родных братьев и сестер.

В низших сословиях матери кормили своих детей как можно дольше - гораздо дольше, чем в Европе. Отчасти это объяснялось тем, что, как считали, пока женщина кормит она не может забеременеть, а также тем, что детей всегда носили с собой. Мать привязывала ребенка к спине широкой полосой материи, которая поддерживала ему спинку и попку. Так ребенок и проводил целый день на спине, засыпая и просыпаясь, его освобождали только когда нужно было покормить. Иногда ребенка носила старшая сестра, но ребенок все время находился с кем-то в физическом контакте. Ночью он спал с матерью, а позже - от-

дельно, в комнате родителей. Возможно, это оказывало большое влияние на всю последующую жизнь человека, который, оставаясь один, чувствовал себя неудобно.

У большинства семей был свой синтоистский храм, где они молились, и свое божество-покровитель. Дети принимали активное участие во всех праздниках и первое представление ребенка божеству было очень важным событием, которое организовывала повитуха. Это случалось обычно на тридцать второй день для мальчиков и на тридцать третий день для девочек. Для матерей, которые рожали не дома, после этого заканчивался период "затворничества". На детей в этих случаях одевали одежду покроя кимоно.

В то время запись о рождении не делали, а возраст считали по календарным месяцам. Так как новорожденному исполнялся год в двенадцатом месяце года его рождения, то ребенку, родившемуся осенью, через несколько месяцев после рождения исполнялось два года. Пятнадцатого числа одиннадцатого месяца отмечался праздник под названием "семь - пять - три", по возрасту детей, которые принимали в нем участие. Трехлетних мальчиков и девочек одевали в самое лучшее и вели в храм. Считалось, что в этот день они расставались с детством, что сопровождалось изменением прически. В тот же день пятилетний мальчик в первый раз одевал одежду взрослого фасона. Его ставили на подставку площадью около 18 квадратных дюймов, используемую для игры в го, и поворачи-

вали лицом в счастливую сторону. (Го - игра, в которой у одного игрока были белые фишки, а у другого - черные, выигрывал окруживший фишки противника). Затем на него надевали его первые хакама, причем, начиная с левой ноги, а потом вели в храм. Девочка проходила через похожую процедуру в семь лет, когда кимоно с узкими пришитыми лентами, которые завязывались на талии, меняли на кимоно с отдельным оби.

Для детей придворных и самураев в возрасте от 10 до 15 лет церемония гэмбуку отмечала их вхождение во взрослую жизнь. Для мальчиков она была более важной и состояла в том, что волосы на лбу подбрасывали и меняли прическу, чтобы можно было носить головной убор, полагающийся при дворе. Дочери аристократов именно с этого времени начинали чернить зубы и брить брови, потому что тогда было модно рисовать брови высоко на лбу. После этой церемонии молодые девушки в самурайских семьях, начинали носить взрослые прически. В купеческих семьях сыновей считали взрослыми с 18 или 19 лет; ритуал посвящения, хотя и не был таким торжественным, заключался в подбрасывании волос на лбу и надевании праздничной одежды. Женщины низших сословий тоже чернили зубы, но только когда выходили замуж или ждали первого ребенка.

В течение года были и другие праздники, которые дети тоже ждали с нетерпением. Что касается горожан, то для них праздники сохранились еще со старых времен и очень поддерживались саму-

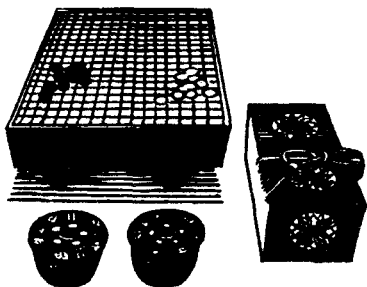
раями, а позже были приняты и купцами. Тогда, как и теперь, большим праздником был Новый год. В этот праздник люди не работали несколько дней. Было принято навещать родственников, начальников и всех, кому были чем-то обязаны. Рисовые пироги ставили в *токонома*, к воротам привязывали сосновые ветки. Каждого гостя угощали рисовым пирогом, редкими деликатесами, душистым вином. Дети играли красивыми ракетками и воланами. Из выпавшего снега лепили снежных баб, хотя это занятие было редкостным для Нового года.

Если в доме росла девочка, то в третий день третьего месяца отмечали праздник кукол. Этот праздник стал очень популярным среди горожан в токугавский период, когда в *токонома* выставляли кукол, изображающих Императора и Императрицу со свитой в полной экипировке. Для игрушек делали дворец, куда помещали настоящих или бумажных кукол. Всю комнату украшали цветами сливы и приглашали родственников и подруг, которые за приятной беседой выпивали немного подслащенного *сакэ*. Весной устраивали пышную распродажу кукол, торговцы старались часто менять ассортимент, чтобы спрос на них не падал.

У мальчиков праздник отмечали на пятый день пятого месяца. В домах *самураев* этот праздник очень почитали, в этот день вручали подарки, а официальные лица одевали специальную одежду — длинные *хакама*. Перед входом в резиденцию *гаймё* выставлялись алебарды, шлемы и другое военное снаряжение, вывешивали флаги, выставляли

охрану из ёрики и досин. Поскольку военное снаряжение выпускалось и продавалось повсюду, то и горожане стали проводить такие же праздники у себя дома, где тоже устраивали небольшие выставки шлемов, снаряжения и оружия. Если в доме был мальчик до восьми лет, то поднимали флаг, по форме похожий на карпа (рыба, которая способна плыть против течения, за что ее очень ценят в Японии). Флаг сшивали носком, как флажки для определения направления ветра на аэродроме. Мальчики в этот день сражались на мечях, демонстрируя мужество и силу, били по земле сплетенными листьями ириса.

В седьмой день седьмого месяца отмечали день Ткачихи и Пастуха, считалось, что в этот день встречаются две звезды, когда Пастух переправляется через небесную реку - Млечный путь. В этот день у дома выставлялись бамбуковые палки с листьями, украшенные лентами из цветной бумаги, листочками со стихами о двух звездах, макетами тетрадей, кисточек и других письменных принадлежностей. В школе дети

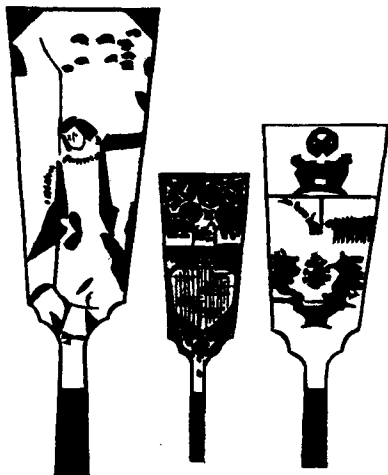
Доска для игры в го: фишки держали в круглых лакированных коробках, а те, в свою очередь, можно было прятать в ящик.

в этот день писали стихи, и это был своеобразный праздник грамотности.

Было много и других праздников, которых ждали и взрослые и дети. Например, праздник божества местного храма, фигуру которого на красиво украшенных носилках несли молодые люди, служившие в храме. В этот день трубили в рожки, били в барабаны и гонги, и великая радость была вокруг. Праздник *Бон* проводился и в городе и в деревне, отчасти он был серьезным, с молитвами в буддийском храме, но в основном - веселый, с танцами и угощениями. Дети играли с волчками, запускали воздушных змеев, играли в куклы, мячики, свистели в свистульки и ходили на ходулях, играли в прятки и жмурки, в классы, в туфлю по кругу; делали фигурки из бумаги (*оригами*) - это традиционное домашнее занятие, развивающее ловкость пальцев. Зимой играли в снежки.

У японских детей как правило, не было домашних животных. Дома редко держали собак, кроме собачек породы пекинез, которых привезли голландцы. К собакам было необычное отношение только во времена *сёгуна* - "собаки". Японские собаки, такие как бойцовая порода из Тоса на Сикоку, были сильными животными, очень похожими на эскимосских собак, и считались хорошими сторожевыми псами. Но они часто сбивались в стаи и держали в страхе людей. А вот кошек нередко держали дома, но им никогда не наливали даже блюдца молока. Очень ценили белых кошек, у которых один глаз был желтым и один зеленым, они

Ракетки для игры в воланы в новогодние праздники. Образцы относятся к семнадцатому столетию. Позже их стали делать более украшенными. Существовало поверье, что ударяя волан, ударяли по москитам и это предохраняло от укусов.

считались хорошим талисманом у торговцев, так как цвет

их глаз означал "золото и серебро". В Японии водились дикие обезьяны, которых дрессировали, а потом заставляли танцевать на публике. В домах ловили сверчков и сажали в коробочки. Их стрекотание летом помогало людям переносить жару, так же как и звяканье колокольчиков, которые висели на балконах. Летом ловили и светлячков. В прудах разводили карпов и золотых рыбок. За животными люди ухаживали в том случае, если они приносили пользу, но обращались с ними без ласки. Интересно, что по буддийским законам, запрещалось отнимать чью-то жизнь, поэтому когда животных отпускали из клеток, то человеку это засчитывалось в следующей жизни. На улицах встречались торговцы, которые продавали всем же-

лающим птиц в клетках, рыб в банках, черепах для того, чтобы потом их выпустить на волю, и никто не задумывался над тем, что животных специально ловили для того чтобы сделать поводом чьего-либо доброго поступка.

Подсчитано, что в конце токугавского периода только двое из пяти мальчиков и одна из десяти девочек учились в школах, а не дома. Мальчики из *самурайских* семей ходили в школы, расположенные во владениях *гаймё*. В сельских районах многие деревни также могли похвастаться своими школами, которые существовали иногда на благотворительные деньги, иногда на средства деревенских жителей, а иногда - как частное предприятие. В городах преподаванием занимались самые разные люди - *самураи*, не имевшие господина и те, кто очень нуждался, хотя и имел господина; инвалиды и вдовы, разведенные и старые девы, а также потомки учительских династий.

Дома дети приобретали навыки ведения домашнего хозяйства и обучались разным ремеслам. Девочек мамы учили готовить, шить и стирать, а мальчики учились у отца и наемных работников тому делу, которым занималась семья, их учили даже считать на счетах и вести бухгалтерские книги. Иногда мальчиков отправляли учениками к ремесленникам. В сословном обществе школы не обучали профессиональным навыкам, не учили детей завоевывать свое место в жизни, они скорее показывали преимущества от умения сохранять место, данное от рождения. Например, детей

Продавец воздушных змеев, опустившийся на колени, чтобы поставить корзину

самураев учили в основном письму, переписыванию высоконравственных текстов. Когда ученики демонстрировали свои успехи, их родители преподносили учителю подарок. Учитель получал подарки и на Новый год, в детские праздники, просто в дополнение к регулярной плате за обучение. Родители несли также ряд дополнительных расходов, например, платили за уголь зимой.

Среди девочек из семей, принадлежащих к разным сословиям, в наибольшей мере посещали

школу купеческие дети. Дело в том, что в купеческом сословии женщины играли очень важную роль. Они управляли магазинами и торговыми предприятиями, общались с покупателями и клиентами, если мужья уезжали по делам. Даже если в магазине работал платный управляющий и помощники, жена хозяина все равно имела большую власть. В школе девочки учились читать и писать, поэтому могли работать с корреспонденцией и бухгалтерскими книгами.

В то время много читали, и в стране было немало издательств, печатавших книги с иллюстрациями. Книги печатали с деревянных досок. Самые простые книжки с картинками походили на современные комиксы. В них рассказывали о супергероях-самураях, обладающих сверхчеловеческими способностями. В других книгах рассказывалось о привидениях, злых лисах и барсуках-оборотнях. Такая популярная литература развивала в людях суеверный страх перед сверхестественными силами, который подогревался и буддийской верой в потусторонний мир. Мстительные привидения считались реально существующими, и внимательные глаза людей всматривались в спутников, если у них были свирепые лица, пытаясь увидеть их ноги. Считалось, что привидения парят в воздухе, не имея ног, или материализуются из колодцев или из-за ширм. Красивые женщины, встречающиеся на пустынных дорогах, особенно в сельской местности, как считалось, на самом деле были лисами. Самыми хитрыми и подлыми были

белые лисы, стремившиеся навлечь на человека всякие неприятности.

Дешевое чтиво было рассчитано на простолюдинов. Книжки о романтической любви и преданности, сатирические описания жизни в районах "красных фонарей" пользовались большой популярностью в читательских кругах. Большой спрос был и на пьесы. В книгах печатали тексты имевших успех драматических произведений, давали критические оценки игры актеров. Для серьезных читателей - последователей Конфуция и их оппонентов - печатали философские трактаты. Кроме того, издавались самые разные справочники, например, красочные путеводители по важным дорогам и местам паломничества, иногда в виде плутовских описаний путешествий. Общество того времени было одержимо навязчивой идеей постоянно давать советы - большую аудиторию собирали лекции о том, как вести праведную жизнь, о жизни известных личностей. Книги не только продавались в магазинах, но их можно было взять на дом у странствующих библиотекарей.

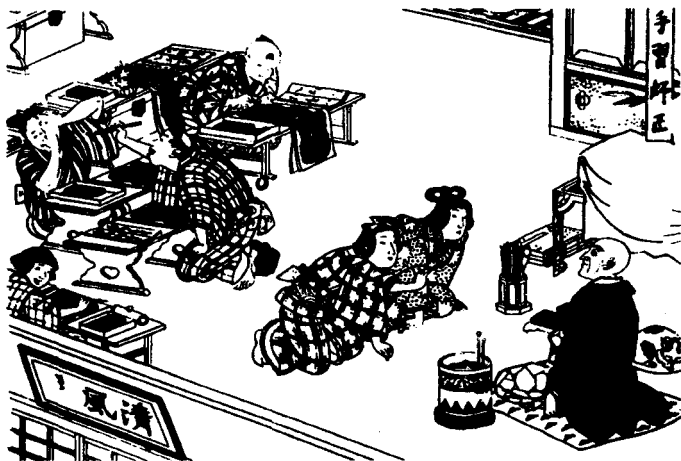
Воспитание девочек подразумевало их подготовку к замужеству, их учили, как вести себя в доме мужа. Печатали и наставления по сексуальной жизни, ведь в то время была развита сеть соответствующих заведений, и для сохранения мира и материального благополучия в семье жена должна была постараться, чтобы ночи муж проводил дома.

К браку в городах относились также, как и в сельских районах. Неофициальные отношения, кото-

Сушка белья. Кимоно распарывают перед стиркой, куски стирают отдельно, затем подкрахмаливают и натягивают на раму для сушки.

рые потом скреплялись брачными узами, не приветствовались, более всего при вступлении в брак учитывались финансовые и деловые интересы. В городе, как и в деревне, новобрачная после свадьбы во всем подчинялась свекрови, но в городе сыну или ученику иногда давали возможность заводить собственное дело и тогда они с женой отделялись. Хотя жена много работала по дому, условия жизни в городе были более комфортные, и если деревенскую девушку выдавали замуж в семью, уехавшую в город, она была счастлива, хотя могла и совсем не знать своего будущего мужа. Переезжая в дом мужа, девушка перевозила приданое, одежду,

Обучение письму. Две ученицы почтительно кланяются учителю. На каждом столе - тушечница и тетрадь. Бумага была дорогая и ее многократно использовали, пока она не темнела совсем и только свежая тушь делала надпись видимой. Обратите внимание на жаровню с углями, кошку и подставку для кисточек разной величины.

постельные принадлежности и многое другое. Очень часто семьи, у которых сын собирался жениться, тратили неоправданно большие средства на обучение его хорошим манерам, на ремонт и перестройку дома, чтобы привлечь невесту с богатым приданым. Иногда это даже приводило к разорению.

Книжная мастерская. Справа реклама новых книг. На заднем плане рабочие подбирают страницы. Проходящий мимо самурай и носильщик остановились посмотреть.

В Японии бракоразводная процедура была очень проста. Муж просто писал письмо, в котором объявлял жену свободной и не ука-

зывал никаких причин своего решения. Чаще всего поводом для развода служила бездетность. Письмо занимало три с половиной строчки; и вот эти "три с половиной строчки" (*микудари-хан*) и стали известным названием документа о разводе. При разводе не имело значения, беременна жена или нет, хотя в некоторых районах, если жена в момент развода заявляла о трехмесячной беременности, муж брал на себя ответственность за ребенка. Теоретически муж в случае развода должен был вернуть женщине приданое и все, что она принесла в дом, но часто она была рада, когда ей хоть что-то удавалось забрать, хотя в спорных ситуациях могла рассчитывать на поддержку отца или главы своей семьи.

Заметим, что в японском обществе жена не могла подать заявление на развод. Поэтому она могла просто уйти куда глаза глядят, в надежде на лучшее. В стране было несколько храмов, самым знаменитым из которых был Токэйдзи в Камакуре, которые давали приют несчастным женам. Пока жена укрывалась в храме, священники вступали в переговоры с мужем и пытались убедить его дать жене развод. Если храму не удавалось достичь соглашения, то женщина оставалась в его стенах три года, после чего развод оформлял государственный чиновник за счет храма. Если же муж преследовал жену до ворот храма, ей достаточно было бросить одну сандалию за ограду, и она получала защиту. Фактически, если храм брал женщину под свое покровительство, муж чаще всего освобождал ее от брачных обязательств. По тем записям, которые дошли до нас, в 1866 году четыре женщины скрывались в храме, а сорок женщин получили развод. Укрываться в храме могли только женщины, жившие поблизости от Камакуры, сюда относился и Эдо, а вообще женщинам очень сложно было получить развод.

В этой главе речь шла, в основном, о семейной жизни людей, которая была довольно замкнутой. Жизнь за пределами домов: на улицах и в общественных местах, была очень оживленной. Вот как Кэмпфэр описывает первые впечатления от Эдо:

"Прямо у городских ворот раскинулся рыбный рынок, где продавали разные морские растения, моллюсков и рыбу, которыми здесь питаются все.

Характерные “страшные” иллюстрации к детским комиксам

Мы двигались по главной улице, она, извиваясь, шла на север через весь город. Мы миновали несколько величественных мостов над мелкими речушками и грязными канавами, шли мимо маленьких улочек, убегавших налево от главной улицы. Среди мостов был один, длина которого составляла сорок две морские мили. Он был знаменит по всей Японии, потому что от него, как от общего центра измерялись расстояния до городов по всей Империи. Называется он Нихонбаси, то есть Японский мост... На главной улице шириной в 50 шагов толпа была невероятной, пока мы по ней ехали, нас обгоняли процессии принцев и придворных, на носилках проплывали мимо богато одетые дамы. Мы встретили отряд из ста пожарников, идущих

щих строевым шагом так же, как они ходят у нас в Европе; одеты они были в кожаные куртки для защиты от огня, одни несли длинные пики на плечах, другие - пожарные багры. В середине отряда ехал их капитан. По обеим сторонам улицы располагались многочисленные, хорошо оборудованные магазины. Здесь продавали ткани, занавеси, шелк, лекарства, фигурки идолов, книги, изделия стеклодувов и многое другое. Черный кусок материи свешивался сверху, закрывая часть магазина. Магазинычки немного выступали вперед и образцы самых лучших товаров, которые продавались внутри, были выставлены на всеобщее обозрение. Мы заметили, что люди при виде нас не спешили выйти из своих домов на улицу, вероятно, потому что в нашем маленьком кортеже не было ничего впечатляющего или необычного, что могло заинтересовать жителей такого большого города, резиденции могущественного монарха, где они каждый день наблюдали гораздо более помпезные и внушительные процессии."

Кэмпфэр не упоминает колесного транспорта, который очень редко встречался в те времена. По улицам быстро двигались курьеры с письмами и деньгами и носильщики с тюками товара. Они несли тюки на спине или на длинных шестах, по одному или вдвоем. Люди шли за покупками, помолиться в храмы, навестить друзей или родственников. Если прохожие испытывали голод или жажду, то к их услугам были многочисленные палатки и магазины. Еду можно было приготовить дома,

но был большой выбор блюд, приготовленных в общественных местах, их можно было съесть на месте, но можно было заказать эти блюда на дом. Большим спросом пользовались миски гречневой лапши (*соба*), приправленной овощами, которая считалась в Японии таким же восстанавливающим силы блюдом, как и чашка чая в Англии. Продавали и упакованный готовый завтрак - шарики холодного риса с маринованной сливой внутри, в многочисленных киосках продавали чай, которым можно было запить такой завтрак. Более вкусными считались *суси* - рисовые шарики, завернутые в сухие водоросли, с кусочками сырой рыбы или вареного осьминога. Крутые яйца было принято чистить и есть прямо на ходу. Чтобы согреться зимой, очень любили есть *огэн* - вареные овощи, корешки и бобы с творогом, заправленные соусом. Любители выпить могли зайти в лавку *сакэ*, где их любимый напиток подавали, не соблюдая сложного этикета. На улице на каждом шагу встречались уличные комики. Временами *драчуны-самураи* скрещивали свои мечи, лучше было в этот момент держаться от них подальше.

Кровопролитные схватки были характерны для семнадцатого столетия, а не для описываемого периода, когда на улицах лучше следили за порядком. В 1666 году, среди *хатамото*, или "знаменосцев" (*самураев*, приближенных к *сёгуну*) служили молодые люди, чьи обязанности были не обременительными, но которые имели постоянный доход. Из них формировались банды, одна из них, назы-

балась "Банда белых эфесов". Ее члены носили белые *оби*, белые ножны для мечей, которые были длиннее обычных. Одевались они крайне эксцентрично: зимой носили одно короткое *кимоно*, а летом - три длинных, в подол одежды зашивали кусочки свинца, чтобы он раскачивался при ходьбе. Когда у них не было денег, они не оплачивали своих счетов. Когда же деньги появлялись, они расплачивались крупными монетами и приходили в ярость, если им предлагали сдачу. Про них рассказывали, что на члена другой банды они нападали сзади, чтобы помешать ему атаковать, а когда наносили ответный удар, то он сначала пронзал их собственное тело, таким образом они кончали сразу и с собой и с человеком, который пытался с ним драться. Были и банды из горожан низкого происхождения - носильщиков, наемных рабочих, которые носили длинные мечи и часто ввязывались в кровавые схватки со знаменосцами. Городские банды занимались и организацией игорного бизнеса. Но к началу восемнадцатого столетия все банды были ликвидированы.

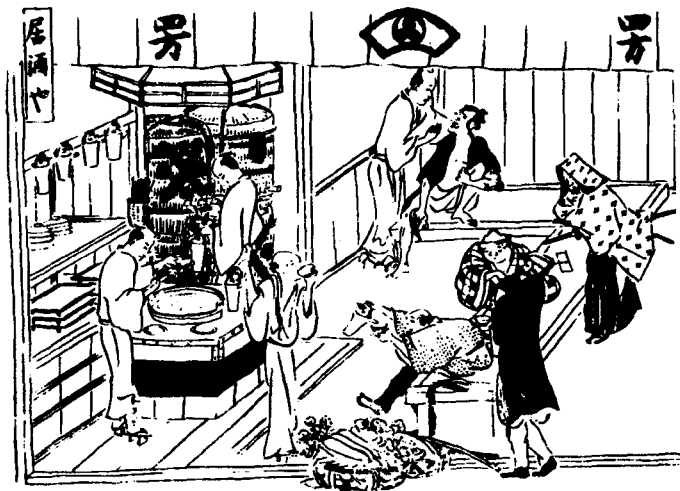
В 1733, 1787 и 1866 годах в Эдо случились волнения, во время которых бедняки нападали на магазины, торгующие рисом. В 1787 году, например, когда цены на рис резко подскочили, по стране прокатились голодные бунты. Похожие бунты наблюдались в Киото и в Нагасаки, примерно, в то же время. Бунтовщики в Эдо насчитывали порядка 5000 человек, большей частью это были крестьяне, недавно приехавшие в город, которые корми-

лись случайными заработками. Они нападали на магазины, где продавали рис, на дома богатых купцов, взламывали двери, крушили все внутри. Власти в таких случаях давали толпе "выпустить пар" - ведь нападали, как правило, только на дома купцов, чью гордыню стоило время от времени усмирять. Но в 1787 году пришлось арестовать тридцать человек, чтобы установить порядок.

С целью борьбы с бандами в 1645 году перед въездом в различные районы Эдо стали устанавливать ворота. Местные районные власти должны были выставлять сторожей и уже в десять часов вечера ворота запирались на ночь. Открывали ворота на рассвете.

Ворота нельзя было оставлять без присмотра, потому что в случае пожара их надо было открыть. В этой связи характерна история девушки по имени О-Сити, дочери зеленщика. Она влюбилась в молодого священника, который служил в храме, где укрылась семья девушки после пожара, лишившего их крова. Позже они вернулись домой, но девушка, которая мечтала снова встречаться со своим возлюбленным, решила устроить пожар, чтобы опять открыли ворота, и тот смог бы к ней прийти. Ее арестовали и сожгли живьем на костре за поджог.

С 1600 по 1866 годы в Эдо было зарегистрировано порядка 20 больших пожаров и три землетрясения, не считая пожаров, затронувших замок, а не город. Три самых больших пожара случились в 1657 году (в огне погибло примерно 108000 чело-

Лавка сакэ. Посетители - самурай и крестьянин, который оставил свою корзину с редиской снаружи. Бочки с сакэ стоят за соломенными занавесями. На заднем плане урезонивают расшумевшегося пьяницу.

век, и полгорода лежало в руинах), в 1772 году (поджог намеренно совершил взломщик, сгорела большая часть города) и в 1806 году (выгорел весь восточный район города, где располагались дома самураев). Незначительные пожары быстро тушили. Много ли нужно, чтобы поджечь японский дом из смолистого дерева с раздвижными стенами, покрытыми бумагой; а если еще дул сильный ветер, то огонь быстро выходил из-под контроля. Поэтому

Рассказчик. Он устроился прямо на улице и привлек много слушающих, среди них и мальчишка - разносчик, который доставляет свои товары, завернутые в кусок ткани, свешивающейся у него с плеча. Рассказчик пользуется веером и куском дерева, которым он стучит по столу, задавая ритм рассказу, как правило, какому-нибудь кровавому историческому анекдоту.

му. богатые люди держали ценности в огнеупорных кладовых или в сундуках на колесах, которые можно было легко вытолкать на улицу прямо через стены. Люди были всегда готовы подхватить то, что можно было унести, и покинуть дом.

По свидетельству Кэмпфера, пожарная служба была хорошо налажена. В 1629 году по указанию пра-

вительства проблемой занялись всерьез, создается первая пожарная команда. В то же время вышел запрет на устройство тростниковых и соломенных крыш, хотя разрешили использовать деревянную кровельную дранку. На улицах теперь везде стояли большие чаны с водой и ведра. Незастроенные участки между домами расчищали, рас-

ширяли улицы, чтобы они служили преградой для распространяющегося огня. К концу XVII века *гаймё* организовали свои пожарные команды, в основном для защиты замков и прилежащих к нему домов *самураев*, а купцы создавали отряды для защиты своей собственности от огня. Пожарные команды, организованные правительством, строились по подобию полицейских подразделений. Одеты они были в защитные кожаные одежды с шлемами и капюшонами. Горожане нанимали в пожарники строителей, особенно кровельщиков, и выдавали им плотную хлопковую одежду. Пожарники баграми растаскивали горящие крыши, а в 1760 году изобрели деревянные насосы, чтобы качать воду. В разных частях города построили пожарные вышки, с которых звонили в колокола, причем о близости и интенсивности огня судили по частоте и силе ударов колокола. Без сомнения многие пожары, которые могли бы иметь серьезные последствия, были ликвидированы благодаря быстрым и решительным действиям пожарных.

В первой половине описываемого периода горожан лишали развлечений, которыми могли наслаждаться лишь сильные мира сего. Постепенно, однако, сословные грани стирались, поскольку *самураи*, чей доход был небольшим, начали работать, а богатые купцы покупали право становиться приемными детьми в *самурайских* семьях для себя или для своих сыновей. Поэтому уже в семнадцатом веке у горожан были свои собственные развлечения

Городской бунт в 1866 году

ния, к которым относились театры и дома терпимости.

Отношение токутавского правительства к проституции диктовалось тем, что в стране было много воинов. Считали, что нижние чины имеют право на сексуальную разрядку, но боялись оставить это без контроля. Поэтому в больших городах дома терпимости располагались в одном районе, где их можно было контролировать; на почтовых станциях вдоль важных дорог путешественникам тоже оказывали подобные услуги. В Эдо этот район был известен под названием Ёсивара, что сначала зна-

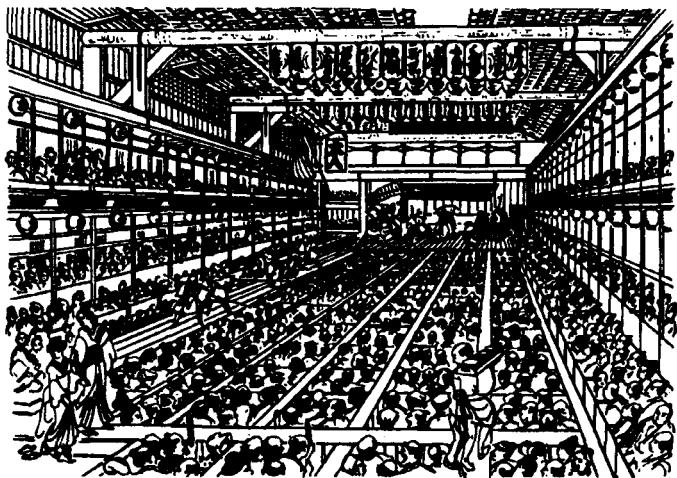
чило "тростниковая равнина", но позже один из иероглифов в названии заменили на другой с таким же произношением и получилось "равнина удач". Однако району Ёсивара не очень везло: в период между 1617 и 1634 годами квартал выгорал до тла не меньше четырех раз. Может быть из-за того, что город очень быстро рос, этот район оказался излишне близко к центру. Пришлось вынести его на вос-

Ночной сторож

точные окраины, где он и оставался до тех пор, пока эти заведения не распустили окончательно после Тихоокеанской войны.

Происхождение обитательниц этих районов и их взаимоотношения мы уже описывали. Девушки получали широкое образование в области искусств, их обучали пению, танцам, музыке, проведению чайной церемонии; им прививали вкус к необычным нарядам и они становились законодательницами мод даже для порядочных женщин. Их пред-

Театр в 1804 году. На этом наброске для цветной гравюры показан театр в районе Сакаи в Эдо. Среди зрителей - несколько самураев, которые держат мечи клинками вверх.

ставляли в романсах и пьесах в романтическом ореоле. В одной пьесе, например, речь идет о девушке, которая выходит замуж за старого самурая, чтобы дать свободу своему молодому любовнику. И когда последний пытается восстановить с девушкой прежние отношения после ее замужества, она отвергает его.

Посетителям района Ёсивара предлагались разнообразные развлечения. Клиенты шли, чтобы

Пожарное оснащение и пожарная вышка

провести ночь с девушкой, причем, чем лучше была девушка, тем выше была плата. Мужчине могло и не повезти, потому что девушка, принадлежащая к высшему разряду проституток, их называли *таю*, могла отказать посетителю, если не знала

его или он ей не нравился. Чтобы завоевать такую женщину, особенно непривлекательному мужчине, приходилось тратить большие деньги на ухаживание; красивый молодой человек мог добиться этого значительно быстрее. Конечно, капризы должны были иметь предел, иначе хозяин мог даже побить строптивую девушку.

Для истинного знатока посещение района Ёсивара начиналось еще до того, как он туда прибывал. Сначала плыли на лодке по одной из рек Эдо, а у пристани уже ждали лошади, которые доставляли клиентов к месту назначения. Сведущие люди когда-то ехали в белых одеждах на белой лоша-

ди. Прибыв в дом, гости заказывали *сакэ*, обслуживали их женщины или мужчины; потом перед гостями пели и танцевали. Гостей поощряли самих принимать участие в развлечениях, например, играли в жмурки и веселились так, как могли веселиться немного подвыпившие люди. Иногда к ним присоединялись *таю* и остаток ночи проводили уже парами. Некоторые гости приходили сюда, чтобы только повеселиться и уезжали вечером, чтобы вернуться домой до закрытия ворот, а некоторые оставались на ночь и уходили с первыми лучами солнца. Подсчитали, что в восьмидесятих годах семнадцатого века ночь с *таю* в современной валюте стоила 175 фунтов или 425 долларов. Так что это удовольствие было только для очень состоятельных людей, хотя в районе Ёсивара можно было повеселиться и вообще бесплатно. Вдоль улиц стояли дома, в которых за зарешеченными окнами сидели девушки самого низкого разряда. Привлекая клиентов, они заговаривали или заигрывали с прохожими. Но долгое бездейственное созерцание не поощрялось, в этом случае девушки могли осыпать зрителя бранью, а хозяин мог надавать тумаков.

Район Ёсивара был под контролем членов городского управления, которые внимательно следили за всем, что там происходило. Особенно строго требовали сообщать о попытках поселиться в этих домах постоянно, ибо преступники пытались таким образом скрыться от правосудия.

Хотя мужчин, которые искали развлечений в веселом районе, и осуждало общество, осуждение это было снисходительным. Жена, как бы она ни ревновала, должна была воспитывать детей, следить за хозяйством, помогать мужу в его деле. И несмотря на то, что многие мужья ценили ту уверенность в себе и комфорт, которые им обеспечивали жены, они все же отстаивали свое право провести вечер вне дома, хотя бы для того чтобы лишь немного выпить. Основные возражения против распутства были экономические. Ведя неразумную жизнь муж нарушал купеческий кодекс бережливости и мог оставить без законного наследства своих детей. Думается, что запреты на проституцию не были связаны с опасностью венерических заболеваний; последние встречались только в Нагасаки, где появлялись иностранцы.

Несмотря на негативную реакцию общества, умение вести себя в районе Ёсивара имело свою ценность. В литературе часто описывались комические попытки какого-нибудь неотесанного мужлана попасть в такие круги, встречались рассказы о том, как он выставлял себя на посмеище невоспитанностью и неумением вести себя в обществе. При этом, жены настоящих знатоков нередко для поддержания их репутации экономили на домашнем хозяйстве, и даже продавали свою одежду, чтобы обеспечить мужьям возможность посещать этот квартал.

Развлечения женщин ограничивались домом, или болтовней с соседками около источника с водой

или в бане. Жена, когда в доме появлялась невестка и брала в свои руки все хозяйство, могла отправиться на короткие экскурсии в буддийские храмы или в более длинные поездки, например, на Кюсю к знаменитому изображению богини Каннон. Они с мужем могли отправиться в паломническую поездку в Исэ или к любой другой большой святыне, но муж мог отправиться и один, чтобы на постоянных дворах или в местах развлечений у святыни в полной мере вкусить радость случайных встреч. В таких больших городах, как Эдо, Киото или Осака женщины могли посещать театр. С восьмидесятих годов семнадцатого столетия они составляли основную часть аудитории, при этом их присутствие определяло характер театральных представлений, в которых сцены насилия, явной эротики смягчали для демонстрации перед семейной аудиторией. Кукольный театр, который пользовался большой популярностью в семнадцатом веке, когда грубоватые воины и горожане упивались кровавыми и шумными кукольными представлениями, постепенно исчезал из Эдо. Три драматических театра в городе иногда меняли местоположение, но всегда располагались недалеко друг от друга, чтобы властям их легче было контролировать. На лето театры закрывали, но все остальное время года театры работали, каждый месяц меняя репертуар, в зависимости от популярности пьесы.

Представления в японских театрах иногда начинались в четыре часа утра. В первых действиях

смотрели ритуальное поднятие занавеса или пробные выходы на сцену неопытных актеров, и только в семь или восемь часов начиналось что-нибудь стоящее. Даже если зрители приходили в театр к восьми утра, то было удобно проводить ночь накануне в ближайшем ресторане, иногда к этому прибегали, чтобы занять лучшее место, если играла знаменитость. Заканчивалось представление в четыре или в пять часов дня и зрителям, приехавшим издалека, приходилось иногда еще одну ночь проводить поблизости от театра перед тем, как вернуться домой.

Зрители сидели в театре на циновках, в квадратных ложах, которые вмещали шесть человек. Ложи отделялись от зала перегородками, вдоль которых люди проходили на свои места. Также вдоль этих длинных проходов продвигались по залу и продавцы еды и напитков. Актеры не могли рассчитывать на постоянное внимание публики, ведь день был длинный и соблазнов вокруг было много, поэтому во время ключевых сцен, чтобы привлечь внимание зала, актеры начинали танцевать, громко топая ногами и гремя трещотками. Самые важные выходы в спектаклях и уходы со сцены разворачивались на специальном помосте, выступающем внутрь зала - *ханамити*; это также помогало поддерживать контакт с залом.

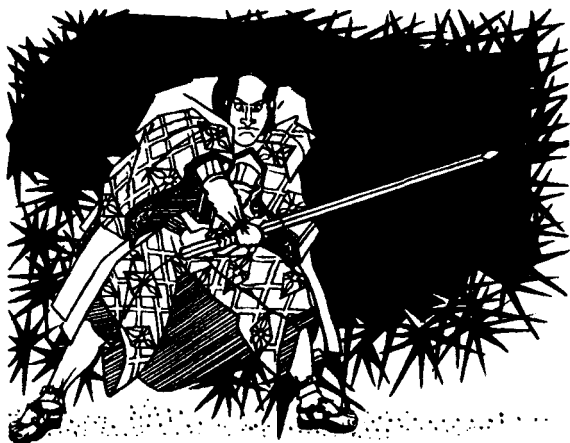
Представления стали более зрелищными, когда в 1758 году изобрели вращающуюся сцену. Несмотря на то, что в крыше театра были окна, свет в зале был слабый, поэтому жестикуляция у акте-

ров должна была быть размашистой и экспансивной, грим - ярким, а костюмы - красочными.

Половина репертуара строилась на сценариях кукольных спектаклей, и актеры пользовались жестами, напоминающими кукольные. Шли годы, пьесы становились все сложнее по содержанию, но постоянными темами были проблемы преданности своему господину, родителям, семье (а иногда конфликты между ними), и человеческие чувства. Уже встречались сюжеты, в которых какой-нибудь решительный торговец одерживал верх над слабым самураем. Это были первые признаки социальной критики, хотя их было совсем немного. Основные сюжеты поддерживали государственную доктрину о социальной стабильности.

Печатание с деревянных досок, которым славился этот период, использовали в основном, распространяя материалы для веселых районов. У куртизанок и актеров были свои почитатели. Они-то и покупали эти гравюры в специальных магазинах, и дома украшали ими стены; тогда считали, что никакой ценности эти рисунки не имеют.

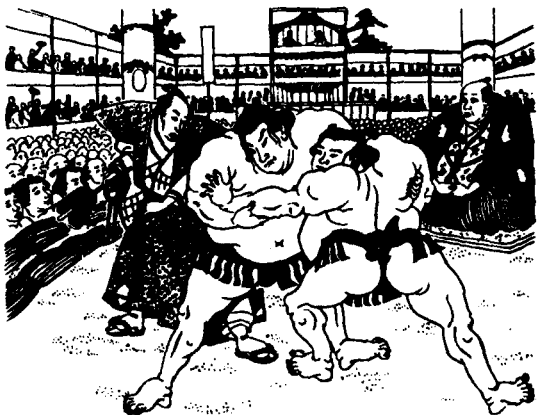
На незастроенных местах и вдоль широких улиц, которые служили преградой огню, стояли временные разборные сооружения. Прохожие могли, заплатив определенную сумму, посмотреть здесь разные чудеса - невиданных птиц и зверей из заморских стран (их привозили голландцы), русалок и людей с физическими недостатками. Можно было пострелять из лука в тире и получить приз за умение стрелять маленькими стрелами. Рассказчики

Рекламный лист с изображением актера, типичная гравюра того времени

часто оттачивали здесь свое мастерство, повествуя о том, как горожанин обманывает глупого самурая.

Турниры силачей, которые были так популярны на Западе, в Японии были представлены борьбой сумо. Это древний вид спорта, соревнования по которому проводились около святынь и храмов, как часть религиозных праздников. Первоначально схватки были платными, и деньги шли на нужды храмов, где проходили соревнования. Позже сборы шли на оплату представлений и на гонорар борцам. Суть соревнований в японской борьбе состояла в том, что двое мужчин, весь костюм ко-

Борцы сумо борются под пристальным вниманием судьи. Справа - бывший борец исполняет обязанности старшего судьи. Ринг обложен соломенными вязанками.

торых состоял из набедренных повязок сложного фасона, боролись на маленьком ринге, пытаясь бросить друг друга на землю или вытолкнуть из круга. Перед началом боя выполняли определенный ритуал, но сами бои были жесткими и короткими. Победителям, которых определял судья, вручались призы. По результатам схваток участников повышали или понижали в разряде. Соревнования борцов сумо были похожи на театральные представления: на ринге устанавливали вышку, с которой во время боя били в барабаны. Наличие вышки свидетельствовало о том, что соревнования проводятся официально. Примерно с 1780 года соревно-

вания продолжались десять дней; боролись под открытым небом и в дождь спасались под временной крышей. И тогда, и теперь борцы сумо были очень тучными. Они пользовались огромной популярностью среди своих почитателей - мужчин и женщин, не говоря уже о *даймё* и самом *сёгуне*.

Особенность повседневной жизни Японии в токутавский период состояла в том, что с одной стороны, центральные власти, также как и местные, издавали указы, пытаясь всячески ограничить свободу населения, с другой - жители большей частью вели себя как хотели. Сельским жителям не разрешали покидать землю, а они мигрировали в города. В больших городах пытались регламентировать все стороны жизни, даже одежду, но бесконечные директивы и указы, рассылаемые по всякому поводу, говорят об их неэффективности. Одно кажется совершенно ясным - деньги уже приобретали свой вес. Даже в деревне можно было подкупить чиновника, чтобы он "не заметил" новое поле, и крестьянин мог бы оставить урожай себе. В городе купцы и ремесленники могли оказывать услуги *самураям*, а система подарков высшему чину почти не отличалась от взяток. Большинство чиновников были, несомненно, добросовестными служащими, но, вероятно, из-за своей загруженности им было трудно держать под постоянным контролем население.

В приамковом городе контроль был самым жестким, а в Эдо он был слабее, так как Эдо был слишком большим, хотя и приамковым городом.

Осака тоже был немаленьким городом, но жизнь в нем была еще вольнее, поскольку там было меньше самураев. И кроме того, считалось ниже достоинства самурая слишком волноваться по поводу того, чем занимаются горожане, до тех пор, пока те не становились угрозой для высшего сословия. Итак, горожане действовали в соответствии со своими собственными представлениями о морали и развлечениях. Постоянно шла борьба между желанием заработать побольше денег и пуританством, необходимостью увеличивать состояние семьи и стремлением к развлечениям. Эти противоречия и привели к образованию такого общества, где одной из основных ценностей была расчетливость, но была и сильная тяга к развлечениям, что привело к созданию своего рода индустрии. Именно сочетание запретов со стороны властей и увеличившегося стремления населения к разносторонней, более содержательной жизни определяет своеобразие токутавского периода в истории Японии.

Содержание

Страна в изоляции	5
Самурай	20
Крестьяне	72
Ремесленники	120
Купцы	139
Придворные, священнослужители, врачи и творческая интеллигенция	173
Актеры и парии	195
Повседневная жизнь в Эдо	208

Восточная редакция
Издательского Дома “МУРАВЕЙ”
выпускает серию
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
для изучающих языки стран
Дальнего Востока
и Юго-Восточной Азии

Серия выходит
под общей редакцией
И. С. Лисевича

В 1997 г. выпущены:

Японские легенды.

Притчи китайских мудрецов.

Перевод И. А. Зуева и И. С. Лисевича

В 1997 г. готовятся к выпуску:

Танские новеллы. Новеллы VII-IX вв.

Перевод О. Л. Фишман

Китайская пейзажная лирика. Образцы классической китайской поэзии “гор и вод”, “садов и полей”.

Г. Гендерсон. Антология хайку.

Нефритовые лики. Жизнеописания знаменитых героев, философов и поэтов древнего Китая. В переводе известнейших российских китаеведов.

Финикс над Сунгари. Верования и обычаи китайцев.

Лао Шэ. Двое в Лондоне. Юморески.

Перевод В. И. Семанова и Н. В. Захаровой.

Н. В. Захарова. Искусство китайской кулинарии.

Ч. Данн

Повседневная жизнь в старой Японии

**Технический редактор С. М. Цирульников
Художник Л. А. Бабаджанян
Верстка Е. Л. Цирульников
Выпускающий редактор М. В. Капризина**

**ИД “МУРАВЕЙ” 123363 Москва, а/я 81
ЛР №064599 от 22.05.96 г.**

**Сдано в набор 15.01.97 г. Подписано в
печать 12.03.97 г. Формат 70х100 1/32.**

Усл. печ. л 8.5. Бумага офсетная №1.

Тираж 5100 экз. Заказ № 6.

**Типография ИПО ПРОФИЗДАТ
109044, Москва, ул Крутицкий вал, д. 18**

